

Сто один год развлечений

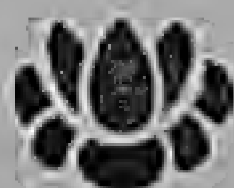
3

ВЫДАЮЩИЕСЯ ДЕТЕКТИВНЫЕ РАССКАЗЫ

101 ГОД РАЗВЛЕЧЕНИЙ

К столетию детективного жанра (1841—1941)

Выпуск 3

ДЖАНГАР

ЭЛИСТА, 1991 г.

ББК 83.35
С 81

Составитель *Р. Вайсбурд*
Редактор *Н. Артемова*
Художник *Г. Кривошеева*

ISBN 5-85048-005-6

Э. К. БЕНТЛИ

РОКОВОЙ УДАР

— Нет, в то время я был за границей,— сообщил Филипп Трент.— Я не видел английских газет, пока не вернулся домой, и не слышал ничего об этой тайне.

Капитан Райден, невысокий, худощавый мужчина с загорелым лицом, был занят деликатной и не вполне законной модернизацией телефонного аппарата. Он отложил инструменты и набил трубку.

— Ну, если вы называете это тайной,— в раздумье произнес он, попыхивая трубкой,— то уподобляетесь людям, которые жить не могут без тайн. Колин Хант, у которого вы остановились, не считает это тайной. Другие же находят вполне естественное объяснение. Я могу сообщить вам об этом больше, чем кто-либо другой.

— Потому что вы были секретарем клуба?

— Не только. Я был одним из двух людей, находящихся недалеко от места происшествия. — Он достал портсигар с крестом и девизом инженерного корпуса королевской армии.— Попробуйте эти сигареты, мистер Трент. Если вы хотите, я могу рассказать. Надеюсь, вы знаете что-нибудь об Артуре Фрире?

— Довольно мало,— с сожалением ответил Трент.— Я только слышал, что у него был не слишком приятный характер.

— Да, не лучший,— сдержанно произнес капитан Райден.— А вам говорили, что он был моим шурином? Нет? Итак, это случилось четыре месяца назад, в понедельник — сейчас вспомню — да, во второй понедельник мая. У Фрира была привычка забить девять шаров перед завтраком. Он занимался этими тренировками каждый день, не взирая на погоду, кроме воскресений — в воскресенье он отдыхал от гольфа. Он играл собственными клюшками и относился к каждому удару так, будто от этого зависела вся его жизнь. Он считался хорошим партнером. Обычно он давал фору в два удара, а в Андершоу он слыл непревзойденным игроком. Без четверти восемь он готовился к первому удару, а к девяти уже возвращался домой. В понедельник утром он начал свой день как обычно.

— В обычное время?

— Да, примерно. Несколько минут он провел в разговоре с управляющим клубом. Разговор шел о пустяках. Это был последний раз, когда его видели живым. До девяти часов никто обычно не выходил играть. В то утро я был у Броусона. Броусон — наш местный падре. Я завтракал у него в викариате. Он хороший игрок, и мы часто были партнерами, когда падре выпадало свободное время. В то утро мы

решили с ним поиграть и пошли на первую площадку. Вскоре после первого удара Броусон воскликнул: "Боже мой! Смотрите! Там что-то случилось!"— Он указал рукой в сторону второй площадки. Мы увидели, что там, уткнувшись лицом в лунку, неподвижно лежал мужчина. Лунка была довольно глубокой, но об этом можно было судить только находясь рядом. Так вот, поняв что на земле лежит человек, мы поспешили туда.

Это был Фрир. Я сразу узнал его. Он был мертв и лежал в такой позе, какую не смог бы принять живой человек. Одежда его была разорвана и опалена, он же был с непокрытой головой. Сумка для клюшек валялась в нескольких ярдах в стороне, а клюшка, которой он играл, попала под него.

Ран на теле не было. Падре ужасно расстроился, однако я попросил его вернуться в клуб, чтобы вызвать врача и полицию. Сам же остался у тела Ждать пришлось недолго и после осмотра труп увезли в морг. Вот все, что я, как очевидец, могу вам, мистер Трент, поведать. Если вы спросите Ханта, то узнаете о дознании.

Трент покачал головой.

— Нет,— признался он.— Колин начал мне это рассказывать после завтрака, но к нему кто-то пришел. Поэтому он не успел мне толком ничего объяснить, и я буду рад услышать эту историю от вас.

— Хорошо,— согласился капитан Райден.— Я могу сообщить вам о дознании. Во всяком случае, поделюсь с вами всем, что мне известно. Относительно смерти Фрира медицина зашла в тупик. Было решено, что он погиб от какого-то электрического удара. Но в заключении врачей усматривались разногласия. Врач Фрира, который первый осмотрел тело, пришел к выводу, что его пациент был убит молнией. Он заявил, что хотя грома не было, но молния могла появиться и без грома. Полицейский врач Коллинз, наоборот, утверждал, что если бы смерть наступила от молнии, то не было бы заметного смещения внутренних органов. Он заявил, что если бы молния попала в стальную рукоятку клюшки, то на клюшке обнаружились бы заметные повреждения. Коллинз считал, что произошла вспышка и взрыв неизвестного происхождения.

Трент покачал головой.

— Не думаю, чтобы это произвело впечатление на суд,— с сомнением промолвил он.— Но в действительности это могло быть именно так. — Некоторое время Филипп молча курил, а капитан Райден снова начал возиться с телефонным аппаратом.— Однако ведь кто-то должен был слышать какой-либо звук.

— Многие слышали звук,— с готовностью отозвался капитан Райден.— Но никто толком не мог объяснить его происхождение. Дело в том, что по другую сторону от дороги есть карьер и после семи утра там начинаются взрывы.

— Глухие взрывы?

— Да, и довольно редкие,— прибавил капитан Райден.— До нас

долетают глухие отзвуки. У Коллинза хороший слух, но и он не смог определить источник звука. Кроме того, коронер и жюри знают, что небо в тот день было чистое, так откуда было взяться грому и молнии. Во всяком случае, они квалифицировали это, как смерть от несчастного случая.

— Но никто не смог бы объяснить, в чем заключается несчастный случай,— заметил Трент.— Были какие-нибудь другие показания?

— Да, были. Но Хант сможет рассказать вам все то же, что и я. А теперь я попрошу у вас прощения. Мне надо в город. Управляющий будет рад сыграть с вами, если вы будете в наших краях.

Колин Хант и его жена сразу же согласились рассказать обо всем Тренту, когда он вернулся к ним. Вердикт, по их мнению, был дрянным. Доктор Коллинз знал свое дело, тогда как доктор Хойл был стар и не смог объяснить причину смерти Фрира.

Что касается других показаний, все признали их интересными, но следствию они совсем не помогли. Фрира видели после первого удара, когда он направлялся ко второму полю.

— Но, судя по рассказу Райдена, никто не мог видеть Фрира,— заметил Трент,— если не находился рядом с ним.

— Да, но один свидетель был наверху,— сказал Хант.— Это был летчик королевских военно-воздушных сил из Бексфорд-Кемпа. В то утро он совершал учебный полет как раз над этим местом. Он не был знаком с Фриром, но заметил одинокого человека, идущего ко второй площадке. Рядом с ним никого не было. Госсет, второй пилот, человек у нас известный, отлично знал Фрира, и он утверждает, что видел его незадолго до смерти. Был еще один человек, который хорошо знал Фрира. Он работает на карьере, и он отметил, как после первого удара Фрир направился ко второй лунке и с ним никого не было.

— Все это доказывает, что Фрир был один,— заключил Трент.— Однако, все же что-то произошло.

Мистер Хант усмехнулся и закурил сигарету.

— Да, это так,— согласился он.— Однако эта история меня не очень беспокоит. На долю сестры Райдена, должно быть, выпала ужасная жизнь с этим человеком. Правда, она никогда не жаловалась, но она не из болтливых людей.

— Она довольно веселая женщина,— заметила миссис Хант.— Да, она лучше многих других. Если бы меня муж так бил, я бы не стала терпеть. Могу вам сказать,— добавила она, обернувшись к Тренту, что хотя Колин часто со мной, не согласен, она все же хорошая женщина.

— С этим я согласен и ничего не имею против нее. Более того, с тех пор, как они с братом снова стали жить вместе, миссис Фрир выглядит лучше и счастливее, чем во время своего замужества.

— Смею сказать, что она недолго жила с мужем,— мрачно добавила миссис Хант.

— Нет. Я сам бы женился на ней, если бы была такая возможность, — весело ввернул Хант.

— Ба! Ты не одинок,— воскликнула миссис Хант.— Там есть и Ренни, и Госсет, и Санди Батлер. Хотя, может быть, все это сплетни. Вы играли сегодня?

— Да, с профессором химии из Кембриджа Джарменом,— ответил Трент.— Сегодня он без конца, язвил, но все же согласился со мной сыграть.

— О, вам придется потрудиться,— предупредил Хант.— Я полагаю, что он так же стар, как выглядит, но играет, как дьявол. Джармен может играть с завязанными глазами, чего нельзя сказать о вас, и не настолько сварлив, как хочет казаться. Кстати, он видел последний удар Фрира. Попросите его поведать об этом.

— Попробую сыграть с ним,— заключил Трент.— Управляющий уже говорил мне о нем, вот поэтому я и решил предложить себя профессору в партнеры.

Предсказание Колина Ханта сбылось. Профессор Хайд победил, имея преимущество в пять ударов. Покидая поле, он вдруг сказал, как бы отвечая на вопрос Трента:

— Да, я могу пооткровенничать с вами о любопытных обстоятельствах, связанных со смертью Фрира.

Глаза Трента заблестели. За всю игру профессор не произнес и дюжины слов, хотя Трент часто намекал, что его это очень интересует.

— Я был свидетелем результата его последнего удара,— сообщил старый джентльмен,— хотя не видел самого игрока.

Трент задумался.

— Понимаю, что вы имеете в виду,— кивнул он.— Вы были неподалеку от второй лунки и мяч, перескочив через край, пролетел мимо вас.

— Да,— подтвердил профессор Хайд.— Но попробуйте так сыграть. У вас сегодня могло бы так выйти, если бы после вашего удара мяч прокатился метров на тридцать дальше. У меня никогда так не получалось, но Фриру это часто удавалось. После хорошего удара вы посылаете мяч затяжным ударом вслепую через край и таким образом можете перекинуть его через забор. Мой дом находится возле этой площадки. Перед завтраком я провожу время в саду. И в тот день я случайно взглянул в сторону площадки, когда мяч подпрыгнул над ней и перелетел через лунку. Я сразу понял, что это результат игры Фрира. Если бы это сделал кто-либо другой, я бы поздравил его с успехом, потому что только Фрир мог за два удара добросить мяч до этого места, другому человеку понадобилось бы три удара. Затем я пошел к дому и лишь позже услышал о смерти Артура.

— И вы не видели, как он ударил?— задумчиво спросил Трент.

Профессор взглянул на него.

— Мог ли я видеть его, черт возьми?— произнес он раздраженно.— Его невозможно было бы рассмотреть сквозь зелень на таком расстоянии.

— Я знаю-знаю,— успокоил его Трент.— Я только пытаюсь проследить ход ваших мыслей. Не видя его, вы точно знали, что это его второй удар, хотя были уверены, что другому игроку пришлось бы произвести три удара. Вы считаете, что он играл один.

— Это потому, мой молодой друг,— вкрадчиво начал профессор,— что я случайно знаю, как играют мужчины. Я сам играл с ним не один раз на девять луз, поэтому, абсолютно уверен, что второй удар у него самый лучший. Только его клюшкой со стальным наконечником можно произвести такой удар. Поэтому, увидев мяч, я пришел к заключению, что это был второй удар Фрира. Конечно, могла быть и случайность, но это маловероятно.

На следующий день, играя на том же поле, Трент пытался добиться таких же рузультатов после второго удара. Затем он поговорил с мальчиком, подающим мячи, потом посетил магазин спорттовары. Он всюду жаловался, что тщетно пытался повторить удар Фрира. Фергус Мак-Адам покачал головой. Он предположил , что немногие могут ударить с такой силой. Он полагал, что сам смог бы повторить это, но не был уверен в успехе. Мистер Фрир был сильным мужчиной и умел использовать свою силу.

Трент спросил, какие клюшки были у Фрира.

— Такие же тяжелые, как он сам,— серьезно ответил Мак-Адам.— Они здесь у меня. Их принесли сюда после несчастного случая.— Он потянулся к верхней полке.— Вот они. Никто, кроме Фрира, не мог бы играть ими.

Трент подержал увесистую клюшку из тяжелого светлого дерева и внимательно осмотрел ее.

— Это достаточно мощное оружие,— признался он.

— Нужна большая сила, чтобы контролировать свои удары,— подхватил его Мак-Адам.— Эту клюшку я купил у Нельсонов. На ней вы найдете мое имя. Посмотрите, на обычном месте стоит штамп.

— Да? Но здесь штампа не видно.

— Бог мой! Посмотрите получше.— Мак-Адам взял клюшку из рук Трента.— Да, он уничтожен! Кто мог сделать это? Странно! Да и зачем было стирать его?

— Вы правы,— согласился Трент.— Это непонятно. Вероятно, этого мы никогда не узнаем.

Двенадцать дней спустя Трент заглянул в открытую дверь и увидел капитана Райдена, который на этот раз возился с каким-то другим механизмом.

— Я вижу, вы заняты,— извинился Трент.

— Входите! Входите!— сердечно воскликнул Райден.— Я закончу свою работу в другое время. Эти деятели не способны починить как следует обычный пылесос, поэтому приходится заниматься этим самому. Извините за беспорядок,— он кивнул в сторону стола, где лежали детали.

— Я вижу, вы переносите свое горе, как подобает мужчине,— серьезно заключил Трент, а Райден улыбнулся и стал вытирать руки.

— Да,— согласился он.— Мне нравится возиться с различными механизмами. И я предпочел бы делать эту работу сам, чем доверять ее недоучкам. Слишком много их развелось. Год назад сюда прислали электромонтера проверить проводку и исправить главный щит. Так он устроил короткое замыкание и хорошо еще, что его не убило. — Капитан открыл портсигар и протянул его Тренту. Потом закурил сам и задумчиво выпустил струю дыма.

— Благодарю вас. Когда я увидел ваш портсигар, я понял, что вы из инженерного корпуса. "Где бы ты ни был, слава всегда с тобой!" Таков девиз. Гм! Интересно, почему инженерный корпус королевской армии выбрал себе такой девиз?

— Бог знает, почему,— ответил капитан. Насколько я могу судить, саперы не всегда доживают до славы. У них самая опасная работа, которая редко приводит к славе.

— Единственное утешение, что они пользуются всеми новинками науки и техники, чего не скажешь о других армейских подразделениях. В общем, капитан, этот вечер у меня свободен. Я зашел к вам, чтобы немного поболтать.

— Буду очень рад. Приходите сюда, как только пожелаете. Надеюсь, вы теперь согласны, что у нас неплохо можно сыграть в гольф.

— Хорошо,— принял приглашение Трент.— К тому же я считаю, что ваша тайна довольно интересна.

Капитан Райден внимательно посмотрел на него.

— Вы имеете в виду смерть Фрира? Вы продолжаете считать это тайной?

— Почему бы нет?— удивился Трент.— Я пришел к выводу, что он был кем-то умышленно убит. Теперь , когда я разобрался в деталях, я в этом почти уверен.

Капитан Райден взял перочинный нож и стал машинально затачивать карандаш.

— Так вы не согласны с решением коронера?

— Нет. Я считаю, что вердикт коронера позволил убийце скрыться от наказания. Я думаю, что чья-то идея увлекла их и заслонило реальное событие. Мне сказали, что доктор Коллинз был против этого вердикта. И мне кажется, что он был наиболее близок к истине, обсуждая вопрос о клюшках Фрира, которые остались неисследованными после его смерти. Вряд ли клюшка Фрира сохранилась бы неповрежденной после удара молнии.

— Гм! Может быть, вы и правы. Мне трудно судить об этом,— безразличным тоном произнес Райден.— Молния, как вы знаете, может производить разные эффекты. Я не раз видел деревья, расщепленные и обожженные молнией. Но я все же согласен, что это не похоже на молнию, поскольку в то утро была хорошая погода.

— Верно. Когда я начал интересоваться клюшками, меня внезапно осенило: никто не сказал о клюшке, которой играл Фрир. Ясно только, что вы и падре заметили, что клюшка лежала под убитым, а не в мешке. Кроме того, профессор Хайд видел, как мяч пролетел над полем. Конечно, сейчас трудно разобраться в событиях, произошедших несколько месяцев назад. Но я сразу понял, что в клюшках Фрира должно быть что-то необычное, и постарался рассмотреть их как следует. Сначала я поговорил с мальчиком, который подает мячи. Я спросил, можно ли мне оставить на пару дней свой чехол с клюшками в клубе. Он сказал мне, что обычно спортинвентарь оставляют в магазине спорттоваров. И уже после этого я посетил Мак-Адама. Там я и осмотрел клюшки Фрира.

— И вы заметили в них что-нибудь особенное?— подавив волнение спросил Райден.

— Только одну маленькую деталь. Но этого для меня было достаточно. На следующий день я отправился в Лондон к Нельсонам. Вы, конечно, знаете фирму, производящую и продающую спорттовары?

— Нельсонов знают все.

— Да, и Мак-Адам тоже. Он купил у них клюшки и одна из них принадлежала Фриру.

Райден снова кивнул.

— Я познакомился с человеком, который показал мне, как изготавливаются клюшки. Мы немного побеседовали, а из разговора многое можно узнать, и...

— Особенно,— улыбнулся Райден,— когда разговор ведет знаток.

— Вы льстите мне,— обронил Трент.— Во всяком случае, я выяснил, что одну из клюшек несколько месяцев назад купил мужчина. Продавец его запомнил, и прежде всего потому, что тот просил клюшку редкой длины и веса, гораздо длиннее и тяжелее, чем обычные клюшки, хотя сам он не был высоким и не казался очень сильным. Продавец деликатно намекнул покупателю, что ему нужна клюшка поменьше и полегче, но тот не стал его слушать и купил именно ту клюшку, которую выбрал сам.

— Какой осел!— задумчиво заметил Райден.

— Я так не думаю. Он мог ошибиться. Как любой из нас. Кстати, были и другие мелочи, которые отметил продавец. Этот человек слегка прихрамывал и в прошлом, видимо, был военным. Вероятно, отставным офицером. Продавец когда-то служил в армии и не мог ошибиться.

Капитан Райден положил перед собой лист бумаги и, слушая Трента, чертил какие-то геометрические фигуры.

— Продолжайте, мистер Трент,— покорно произнес он.

— Итак, вернемся к факту смерти Фрира. Я думаю, его убийца знал, что Фрир никогда не играл по воскресеньям, так что его клюшки были свободны целый день. Даже ночь и день, если работа требовала много времени. Полагаю, что этот человек мог в любой момент проникнуть в помещение, где хранились клюшки, располагая ключом или отмычкой. Я думаю, что он был искусным механиком. Я уверен, что он отменно знал дело, которым занимался. И все эти знания он получил в армии.— Трент помолчал и посмотрел на портсигар, лежащий на столе.— Особенно некоторые специальные знания.

Райден снова подвинул портсигар к Тренту, выполняя долг гостеприимства.

— Возьмите еще одну,— предложил он.

Трент с благодарностью взял сигарету.

— Подобные знания,— продолжал он, получают в инженерных войсках королевкой армии.

— Совершенно верно,— согласился Райден, и в свою очередь посмотрел на портсигар.

— "Где бы ты ни был",— повторил девиз Трент, положив руку на портсигар.— Где бы вы ни были, но вы были одновременно в двух местах. В одном вы смогли убить врача, в то же самое время завтракая с другом в другом месте. Но вернемся к нашему разговору. Вы можете проследить ход моих мыслей, которые привели меня к пониманию случившегося. Я полагаю, что клюшку взяли тайно в воскресенье. В полые места трубки можно было затолкать взрывчатку. Откуда она взялась, я не знаю, но могу себе это представить.

— О, об этом не так трудно догадаться,— тихо промолвил Райден.— Если этот человек, о котором вы говорите, имел отношение к инженерным войскам, то он мог изготовить ее сам, купив отдельные компоненты. Например, он мог бы легко изготовить тетранитроанилин.

— Понимаю. Тогда, возможно, туда был вставлен крошечный детонатор. Это была тонкая работа — поместить механизм в крюк клюшки и снова заделать, чтобы не осталось следов. Тем более, что баланс клюшки нельзя было нарушить.

— Да, это тонкая работа,— кивнул капитан Райден.

— И он сделал это. Человек знал, что эту клюшку Фрир использует только на второй площадке, где не будет свидетелей случившегося. Первая площадка невелика, и ему удобнее играть небольшой клюшкой. А вторая площадка просторнее. Чтобы мяч от границы достиг лунки нужен сильный удар и тяжелая клюшка. Как случилось, что Фрир сделал свой второй удар, мы никогда не узнаем, но можем предположить. И, конечно, возникает вопрос, что стало с клюшкой. Но это несложный вопрос, если мы вспомним, как было найдено тело.

— Что вы имеете в виду?— удивился Райден.

— Я имею в виду, кем было найдено тело. Один из двух игроков, нашедших Фрира, был слишком взволнован и на многое не обратил

внимания. Он заторопился в клуб, чтобы вызвать врача и полицию. А второй игрок, насколько я могу судить, оставался возле трупа и оставался один в течение пятнадцати минут. Когда явилась полиция, все увидели, что возле трупа лежит совершенно целая клюшка, необычно длинная и тяжелая, очень похожая на клюшку Фрира. Она отличалась только одной деталью. Я думаю, на ней стояло имя В. Д. Нельсона, а не Ф. Мак-Адама, и извлечена она была из мешка второго игрока. Вот и все.— Трент немного помолчал.— Теперь вам должно быть понятно, почему я считал эту тайну интересной.— Он встал.

Некоторое время Райден задумчиво смотрел в окно, потом заметил вопросительный взгляд Трента.

— Если и был такой человек,— начал он,— какого вы нарисовали в своем воображении, то он достаточно осторожен и не оставил против себя улик. Возможно, оправданием ему служат глубоко личные причины, толкнувшие его на такой поступок.

Представьте себе, что Фрир издевается над человеком, который ему предан. Предположите, что он был жестоким, что все это продолжалось и днем, и ночью. И наконец, что все это касается близкого вам существа, а вы не можете прекратить этот кошмар. Так вот, мистер Трент, допустите все это.

— Да, я допустил,— кивнул Трент. Такому человеку, если он существовал вообще, должно быть очень тяжело. То, что он сделал, меня не касается. А теперь, пока я разговорчив, допустите, что все это я придумал.

ЭРНСТ БРАМАХ

ТРАГЕДИЯ В КОТТЕДЖЕ БРУКВЕНДА

— Макс,— обратился к Каррадосу Карлейл, когда Паркинсон закрыл за ним дверь,— это лейтенант Холльер, которого ты согласился увидеть.

— Услышать,— поправил Каррадос, улыбаясь смущенному незнакомцу, стоявшему перед ним.— Мистер Холльер знает о моей слепоте?

— Мистер Карлейл рассказал мне,— ответил молодой человек,— однако я слышал о вас раньше, мистер Каррадос, от одного из наших друзей. Это было связано с делом "Ивана Саратова".

Каррадос кивнул головой.

— Но владельцы поклялись молчать!— раздраженно воскликнул он.— Ну ладно, это на их совести. Ваше дело тоже об исчезновении, мистер Холльер?

— Нет, у меня личное дело,— тихо произнес лейтенант.— Моя сестра, миссис Крик, впрочем... мистер Карлейл опишет ситуацию лучше, чем я. Он все знает.

— Нет, нет. Карлейл— профессионал. Расскажите сами. Я хотел бы услышать обо всем от вас.

— Хорошо, сэр, я могу рассказать; но, вероятно, нескладно. Может быть то, что вы сейчас услышите, и не столь важно, как мне кажется.

— О, мы многое можем узнать по пустякам,— подбодрил его Каррадос.— Начинайте.

— Итак, вот моя история,— начал лейтенант Холльер.— У меня есть сестра Милликен, которая вышла замуж за человека по имени Крик. Сейчас ей 28 лет, а он лет на 15 ее старше. И моя мать, которая уже умерла, и я хорошо отнеслись к господину Крику. Ни его облик, ни большая разница в возрасте не вызывали нашего беспокойства. Но он оказался неприветливым, угрюмым человеком и его мрачное молчание убивало всякое желание общаться с ним. В результате, мы мало виделись.

— Это было четыре или пять лет назад, Макс,— заметил мистер Карлейл.

Каррадос хранил молчание. Мистер Карлейл смущенно замолчал, а лейтенант продолжал:

— После непродолжительной помолвки Милликен вышла за Крика замуж. Свадьба была ужасная, все были подавлены, как на похоронах. Этот человек сообщил нам, что у него нет родственников. Да и друзей или товарищей у него, очевидно, не было. Он состоял агентом

Холборна. Я полагаю, что он жил на свой заработок. И хотя мы ничего не знали о его личных делах, думаю, что через несколько лет им пришлось бы жить на деньги Милликен. Вам нужны подробности?

— Да, пожалуйста.

— Когда умер наш отец около семи лет назад, он оставил три тысячи фунтов. Они были вложены в канадские акции и приносили около сотни фунтов годового дохода. Эти деньги пожизненно принадлежали матери. Потом доход перешел к Милликен с условием ежегодной выплаты мне пятидесяти фунтов. Однако, по просьбе отца, я не брал у Милликен этих денег без особой нужды. Видите ли, мистер Каррадос, на мое образование было потрачено немало средств, я получаю жалованье и, конечно, мне легче, чем девушке.

— Совершенно верно,— согласился Каррадос.

— Поэтому я не претендовал на эти деньги,— продолжал лейтенант.— Три года я ее почти не видел. После свадьбы они сняли квартиру. Я побывал у них всего один раз. Тем временем умерла наша мать и Милликен стала получать деньги. Несколько раз она писала мне, но назвать нашу переписку регулярной нельзя. Около года назад она сообщила мне новый адрес — Бруквен коттедж, Маллинг Коммон. Когда я получил двухмесячный отпуск, они пригласили меня к себе, но я пробыл там всего неделю. Место было мрачное, просто невыносимое. Вся жизнь и обстановка действовали угнетающе.— Он осторожно огляделся и понизил голос.— Мистер Каррадос, я совершенно убежден, что Крик ждет удобного случая, чтобы убить Милликен.

— Продолжайте,— проговорил Каррадос спокойно.— Неделя угнетающей обстановки сама по себе не могла навести вас на эту мысль.

— Вы правы,— с сомнением сказал Холльер.— Чувство подозрения и... какая-то вежливая ненависть. Но в это время я чувствовал нечто более определенное. Я беседовал с Милликен в день приезда. Можно утверждать, что несколько месяцев назад Крик задумал отравить ее. Сестра сказала, что некоторые обстоятельства мешают ей все рассказать. Правда, позже она снова отказалась обсуждать это. Вообще, с ней трудно было разговаривать о муже и его делах. Сущность подозрений сестры заключалась в том, что Крик поднял бутылки с вином или пивом, которые она могла выпить, оставаясь одна. У него много различных жидкостей, которые он разливает по бутылкам со старыми этикетками. Если отравление произойдет, он может вылить жидкости, вымыть бутылки и поставить на их место другие. И если он, придя домой, увидит Милликен мертвой, он объявит, что она ошиблась бутылкой.

— Да,— признал Каррадос,— это безопасный способ.

— Вы должны понять, мистер Каррадос, что они живут очень плохо и моя сестра полностью в руках этого человека. У них фактически нет прислуги, только одна служанка. Она приходит на несколько часов каждый день. Дом уединенный, а Крик иногда отсутствует целыми сутками. Милликен из гордости или равнодушия всегда одна. Ее можно

отравить и похоронить в саду или увезти за тысячу километров, и никто не спохватится. Что мне делать, мистер Каррадос?

— Сейчас опасность отравления уменьшилась,— неожиданно заключил Каррадос.— Он понимает, что его жена насторожилась. Он может догадываться и о том, что об этом стало известно другим. Здравый смысл подсказывает, что ваша сестра должна была уйти от этого человека, мистер Холльер. Почему она этого не сделала?

— Нет, она не уступит. Я советовал ей.— Молодой человек некоторое время колебался, потом выпалил: — Мистер Каррадос, я не понимаю Милликен. Она не девочка. Она ненавидит Крика и обращается с ним очень холодно, но в то же время она ревнует его. Ужасная жизнь. Я был там неделю и должен признаться, что этот гнусный тип — мой шурин — мирится с этим. И если он убьет ее, то в этом ничего не будет странного.

— В игре такого рода, — заметил Каррадос,— трудно принять чью-либо сторону. Здесь надо осмотреться. Вы упомянули про ревность, мистер Холльер. Как вы считаете, имеет ли миссис Крик основания для этого?

— Я отвечу вам,— промолвил лейтенант.— Я случайно познакомился с одним репортером, который работает в одном здании с Криком. Когда я упомянул его имя, он усмехнулся. "Крик,— сказал он.— О, у этого парня роман с машинисткой". "Он мой шурин,— обронил я.— А что за машинистка?" Тогда этот парень закрылся, как складной нож. "Нет, нет,— он замахал руками,— я не знал, что он женат. Я не хочу вмешиваться в подобные дела. Я только упомянул, что у него есть машинистка. Ну и что? У нас у каждого есть машинистка". Вот и все, мистер Каррадос.

Каррадос повернулся к своему другу.

— Я полагаю, тебе все известно об этой машинистке, Луи?

— Она находится под нашим наблюдением,— заверил его Карлейл.

— Она не замужем?

— Да. Обычная репутация.

— В настоящее время это существенно. Мистер Холльер открыл нам три главные причины, по которым мистер Крик может желать избавиться от жены. Если мы примем предположение об отравлении — хотя мы имеем только подозрение ревнивой женщины — мы прибавим и вероятное решение. Но мы должны смотреть далеко вперед. У вас есть фотография мистера Крика?

Лейтенант достал записную книжку.

— Мистер Карлейл уже взял одну. Вот самое лучшее, что я мог достать.

Каррадос нажал кнопку звонка.

— Паркинсон,— обратился он, когда появился этот человек,— вот фотография мистера... Кстати, как его зовут?

— Остин,— поспешно ответил Холльер, наблюдавший за происходящим с мальчишеским изумлением.

— ... мистера Остина Крика. Я попрошу вас запомнить его.

— Паркинсон посмотрел на фотографию и вернул ее хозяину.

— Давно ли сфотографирован этот джентльмен!— спросил он.

— Около шести лет назад,— лейтенант с интересом взглянул на нового участника этой драмы.— Но он очень мало изменился.

— Благодарю вас, сэр. Я постараюсь узнать мистера Крика, сэр.

Лейтенант Холльер встал после ухода Паркинсона. Разговор подошел к концу.

— Да, еще одно,— вспомнил он.— Боюсь, что я сделал один неосмотрительный поступок, пока был в Бруквенде. Поскольку деньги Милликен, вероятно, рано или поздно попали бы в руки Крика, я решил забрать мои пятьдесят фунтов, чтобы помочь ей впоследствии. И в разговоре заметил, что при удобном случае возьму их.

— И вы думаете...

— Возможно, из-за этого Крик поторопит события. Он уже сейчас мог вложить эти деньги во что-либо.

— Это лучше. Если вашу сестру хотят убить, это может случиться и на следующей неделе, в будущем году. Простите мою грубость, мистер Холльер, но на это дело я смотрю с позиции стратега. Организация мистера Карлейла может присматривать за миссис Крик несколько недель, но делать это бесконечно долго — невозможно. С ростом непосредственного риска, уменьшается его продолжительность.

— Ясно,— согласился Холльер.— Мне очень неловко, но я всецело полагаюсь на вас.

— Тогда мы чуть-чуть подтолкнем мистера Крика, простимулируем его действия и предоставим удобный случай. Где вы остановились?

— С друзьями в Сент-Олбане.

— Это слишком далеко. Дайте мне подумать минут пять, пожалуйста. Сигареты позади вас, мистер Холльер.

Слепой подошел к окну, будто хотел рассмотреть лужайку с кипарисами. Лейтенант закурил, а мистер Карлейл открыл "Панч". Вскоре Каррадос вернулся на свое место.

— Вы можете покинуть своих друзей?— спросил он.

— Конечно.

— Отлично. Я хочу, чтобы вы прямо отсюда поехали в Бруквенд коттедж. Скажите сестре, что вы неожиданно отплываете завтра на паруснике.

— На "Мартиане"?

— Нет, нет. "Мартиан" — не парусное судно. Посмотрите расписание и сами выберите корабль. Объясните, будто вас переводят. Скажете, что надеетесь вернуться через два или три месяца и что к приезду вам понадобятся пятьдесят фунтов. Пожалуйста, не оставайтесь долго в доме.

— Понимаю, сэр.

— Сент-Олбане слишком далеко. Извинитесь и сегодня же уезжай-

...оттуда. Остановитесь где-нибудь в городе, чтобы вам можно было позвонить. Сообщите мистеру Карлейлу и мне ваш новый адрес. И не попадайтесь Крику. Я не хочу привязывать вас к дому, но нам могут понадобиться ваши услуги. Мы сообщим вам, что делать, а если этого не потребуется, мы освободим вас.

— Это не страшно,сэр. Что я еще могу сделать?

— Ничего. Мистер Карлейл знает, что надо делать. Ваша сестра в надежных руках умнейшего человека в Лондоне.— Мистер Карлейл немного смутился при столь лестных словах.

— Ну, Макс?— спросил Карлейл, когда они остались одни.

— Ну, Луи?

— Конечно, пока трудно сказать, но каждый одинокий человек заботится о своем ближнем.

— При условии, что он ничего не напутал.

— Совершенно верно.

— И если он совершенно не думает о последствиях.

— Конечно.

— Вот два существенных условия. Крик, очевидно, предусмотрел их. Ты видел его?

— Нет. Но мне сообщают о его поведении в городе. Два дня назад, когда дело обещало быть интересным — он совершенно запутался с этой машинисткой — я сам ездил в Маллинг Коммон. Дом действительно уединенный, но туда можно доехать на трамвае. Ты же знаешь, Макс, такие деревенские дома часто попадаются в предместьях Лондона — кирпичи и капуста. Мне не трудно было узнать о Крике. Там он ни с кем не связан, уезжает и возвращается в разное время, но каждый день, и слывет скрягой. Потом я познакомился с одним стариком, который иногда присматривает за садом в Бруквенде. У него есть собственный коттедж и сад с оранжереями, где он выращивает помидоры.

— Прибыльное дело?

— Если ты о помидорах, прибыльное, но если об информации — нет. У старика есть все основания быть недовольным. Неделю назад Крик сказал ему, что больше не нуждается в его услугах и скоро наймет постоянного садовника.

— Это уже интересно, Луи.

— Если только Крик отравит ее цианидом и похоронит, вместо того, чтобы взорвать динамитом и сжечь с углем.

— Верно, верно. Пока...

— Однако, болтливый старик просто объясняет все поступки Крика. Крик, по его мнению, сумасшедший. Он даже запускает в саду змея, и тот неизменно запутывается в ветвях деревьев. Он говорит, что даже у десятилетнего мальчика это получается лучше. И действительно, змей с оборванной веревкой висит на дереве. Я сам это видел.

— Люди запускают змеев в разном возрасте,— заметил Каррадос.— Он интересуется авиацией?

— Возможно. Он обнаруживает некоторые научные знания. Что мне делать дальше, Макс?

— А чтобы ты хотел?

— Я имею в виду наблюдение за объектом.

— Пусть твой человек следит в городе за Криком, ты же держи меня в курсе событий. А пока позавтракай со мной. Позвони в свою контору и скажи, что ты занят. Затем мы возьмем Паркинсона и поедем посмотреть Маллинг Коммон. Если у нас будет время, мы сможем поехать в Брайтон и поесть в "Шипе". Затем вернемся домой.

— Любезно и трижды смертельно,— вздохнул мистер Карлейл, оглядывая комнату.

Но случилось так, что до Брайтона они в этот день не доехали. Каррадос намеревался, как бы случайно, проехать мимо Бруквен коттеджа, не обращая на себя внимания, чтобы с помощью мистера Карлейла ознакомиться с местом.

— Клянусь Юпитером!— неожиданно воскликнул Карлейл.— Макс, что-то изменилось. Дом сдается в наем.

Каррадос попросил остановить машину. Мистер Карлейл достал записную книжку и записал адрес конторы, указанной в объявлении.

— Гаррис, выйдите и поднимите капот,— приказал Каррадос.— Мы несколько минут побудем здесь.

— Это очень неожиданно. Холльер ничего не знал об этом,— заметил мистер Карлейл.

— Но ведь он находится здесь уже три месяца. Мы поедем к агенту, Луи, и узнаем.

Дом стоял возле дороги, обнесенный высоким забором, над которым возвышался кустарник. На углу, ближе к машине, росли каштаны. Они прошли мимо белой калитки, едва державшейся на петлях. Скромная дорожка вела к дому. Когда Каррадос узнал об этом, они вернулись и сели в машину. Его уши уловили какой-то неясный звук.

— Кто-то вышел из дома, Луи,— предупредил он друга.— Может быть, это Холльер, но, возможно, и кто-то другой.

— Я ничего не слышу,— удивился Луи. Однако не успел он договорить, как открылась калитка, и Карлейл вынужден был поспешно закрыться газетой...— Сам Крик,— прошептал он.— Холльер был прав. Он почти не изменился. Наверное, ждет машину.

И действительно, скоро подъехала машина, но не туда, где ее ждал мистер Крик. Минуту или две он стоял, глядя на дорогу, а потом повернулся и пошел в дом.

— Подождем пять или десять минут,— предложил Каррадос.— Гаррис ведет себя вполне естественно.

Но ждать им пришлось гораздо меньше. На велосипеде приехал рассыльный с телеграммой и остановился у калитки. Он оставил велосипед у забора и зашагал к дому. Очевидно, ему не открыли, потому что он очень быстро вернулся. Из-за поворота послышался трамвайный звонок и снова вышел мистер Крик с небольшим чемоданом в

[illegible] бросив быстрый взгляд назад, он торопливо направился к останов-ке. По дороге он остановил машину и уехал.

— Очень удобно для мистера Крика,— заметил Каррадос с доволь-ной улыбкой.— Ну, а теперь мы выйдем из машины и пойдем к до-му. Может быть, нам удастся прочитать телеграмму.

— Возможно, Макс,— сухо согласился Карлейл.— Но вдруг она лежит в кармане Крика?

— Поедем на почту, Луи.

— Правильно. А тебе приходилось снимать копии телеграммы, адресованной кому-нибудь другому?

— У меня не было случая. А у тебя?

— Раз или два приходилось. Обычно это очень деликатное дело и требует солидных расходов.

— Ради Холльера мы можем себе это позволить.

Несколько позже оба джентльмена вышли из машины и направи-лись к почте на Хай-стрит, они уже побывали у агента по сдаче домов в наем и кое-что выяснили.

— Этот жилец,— объяснил молодой человек,— совершенно нас не устраивает.

— Вы им недовольны?— спросил Каррадос.

— Это верх наглости,— доверительно сообщил клерк.— Он живет пятнадцать месяцев и ни гроша не заплатил за аренду. Вот поэтому-то я буду рад...

— Мы хотим осмотреть дом,— перебил его Каррадос.

Почта находилась в одном здании с магазином канцелярских при-надлежностей. Мистер Карлейл с неудовольствием осознал себя втя-нутым в авантюру. Каррадос же был олицетворением беззаботности.

— Вы недавно отправили телеграмму в Бруквен коттедж,— обра-тился он к молодой девушке, сидевшей за окошком.— Мы боимся, что там есть неточность и хотим ее поправить...— Он достал кошелек,— сколько это стоит.

Вопрос, очевидно, был необычный.

— О,— неопределенно пролепетала девушка.— Подождите, пожа-луйста, одну минуту.— Она повернулась к пачке дубликатов отправ-ленных телеграмм. — Вот она... Ошибки быть не может. Вы хотите повторить?

— Пожалуйста.

— Это будет стоить четыре пенса. Если обнаружится ошибка, то деньги будут возвращены.

Каррадос положил деньги и получил квитанцию.

— Долго будет идти?— осторожно спросил он.

— Через четверть часа будет доставлена,— ответила девушка.

— Ловко у тебя получилось,— похвалил Карлейл, когда они верну-лись в машину.— Как ты собираешься ее получить, Макс?

— Об этом я спрошу тебя,— последовал ответ.

Снова помогла ловкость и хитрость. Машина, стоявшая за углом, подала сигнал, что едет посыльный с телеграммой. Тогда Каррадос сделал вид, что открывает калитку, а Карлейл его провожает. Эта невинная сцена разыгралась на глазах у мальчишки-почтальона.

— Телеграмма Крику, Бруквен коттедж?— спросил Каррадос и протянул руку.

После секундного замешательства мальчик вручил ему телеграмму. Каррадос заверил его, что ответа не будет. Карлейл нервно поглядывал в сторону дома.

— Когда-нибудь, мой друг,— заметил он,— твоя изобретательность загонит тебя в угол.

— Тогда моя изобретательность снова поможет мне выбраться оттуда,— последовал ответ.— Теперь нам надо осмотреться. Телеграмма может подождать.

Неопрятная женщина взяла ордер, выданный клерком. Потом появилась миссис Крик.

— Вы хотите осмотреть дом,— безучастно спросила она. Не ожидая ответа, она распахнула дверь и пропустила их вперед.

Это гостиная.

В комнате было очень мало мебели. Осмотрев ее, они пошли дальше.

— Здесь столовая,— продолжала молодая женщина, открывая дверь и показывая узкую комнату. Затем распахнула следующую дверь.

Мистер Карлейл сказал какую-то банальность в надежде завязать разговор. Результата не последовало. Зная, что эту холодность почти невозможно преодолеть, Каррадос, в свою очередь, решил попытать счастья.

— Простите мою неуклюжесть,— извинился он.— Я, к несчастью, слепой. Но,— прибавил он с улыбкой,— даже слепые должны иметь дом.

Карлейл с удивлением увидел, что она покраснела...

— Слепой!— воскликнула она.— О, прошу прощения. Почему вы не сказали мне? Вы можете упасть.

— Обычно я очень осторожен, но в незнакомом доме...

Она взяла его под руку.

— Вы должны разрешить мне быть вашим проводником.

Дом был большой, с несколькими коридорами и поворотами. Каррадос задавал вопросы, и она ему отвечала. Мистер Карлейл следовал за ними из комнаты в комнату в надежде увидеть что-нибудь интересное.

— Эта комната последняя. Большая спальня,— указала она.

Эта и другая верхние комнаты были обставлены много лучше, чем внизу. Карлейл и Каррадос поняли, что в них-то и жили супруги.

— Очень приятный вид,— заметил Карлейл.

— О, я тоже так считаю,— согласилась она. Комната выходила в

...ю. В ней было французское окно, с дверью, открывавшейся на небольшой балкон. Ощутив на лице ласковые лучи света, мистер Каррадос тоже подошел к балкону.

— Я полагаю, что это составляет отдельную плату? — спросил он.

— Боюсь, что да, — смущенно призналась женщина.

— Зачем здесь металлический лист? Видимо, чтобы не гнило дерево, ведь это старый дом.

— Муж говорит, что прибил его, чтобы не капала вода. Он недавно сделал это. Он сказал, что от дождя начали подгнивать доски. Впрочем, я этого не замечала.

Впервые она упомянула о муже. Мистер Карлейл насторожился.

— Да, это удачная мысль, — похвалил Каррадос. — Разрешите выйти на балкон.

— О, да, пожалуйста. — Каррадос рукой стал искать вход. — Разрешите я открою.

Но окно уже было открыто, и Каррадос прошел на балкон.

— Солнечный, светлый угол, — заметил он. — Идеальное место для письменного стола и книг.

Она полупрезрительно пожала плечами.

— Я никогда не использовала его, — обронила она.

— Это будет мое любимое место. Но тогда...

— Нельзя сказать, что я не захожу сюда. Однако использую балкон отнюдь не романтическим образом. Во-первых, когда муж забывает ключ, он будит меня, и я их отсюда ему бросаю, а во-вторых, я прихожу сюда вытирать пыль.

Больше упоминаний о мистере Крике не было. Послышался удар калитки, удар в дверь и женские шаги.

— Простите, пожалуйста, я на одну минуту отлучусь...

— Луи, — таинственно прошептал Каррадос, когда они остались одни. — Встань возле двери.

С преувеличенным любопытством мистер Карлейл принялся рассматривать картину, причем встал так, чтобы дверь можно было лишь чуть-чуть приоткрыть.

Временами он с любопытством посматривал на своего друга и сообщника, ползающего на коленях по полу спальни и прикладывающего ухо к листу металла. Потом тот встал, отряхнул брюки и кивнул Карлейлу. Последний принял более естественную позу.

— Какие прекрасные розы растут у входа на балкон, — заметил Каррадос, когда миссис Крик вернулась. — Я полагаю, вы очень любите садоводство.

— Я его ненавижу, — с трудом сдерживаясь, воскликнула она.

— Но эти глории так ухожены.

— Да? Муж посадил их недавно.

Каррадос поражался замечаниям по адресу отсутствующего мужа.

— Вам нравится сад?

Сад оказался большим и запущенным. Позади дома росли фрук-

товые деревья. В саду были разбиты газоны и посажен кустарник. Две вещи заинтересовали Каррадоса: земля на фут от балкона, которая, как ему показалось, была непригодна для разведения роз, и калитка, находившаяся на углу у дороги.

Когда они шли обратно к машине, мистер Карлейл посетовал, что они мало знают о передвижениях Крика.

— Может быть, телеграмма объяснит нам кое-что,— вспомнил Каррадос.— Прочти ее, Луи.

Мистер Карлейл вскрыл конверт, посмотрел на телеграмму и, несмотря на разочарование, не смог удержаться от смеха.

— Мой бедный Макс,— сочувственно пробормотал он,— ты проявил свою изобретательность впустую. Очевидно, Крик надеется провести несколько праздничных дней при хорошей погоде и предусмотрительно запросил прогноз у метеослужбы... Слушай: "В Лондоне будет тепло и ожидаются осадки. В следующие дни похолодает, но будет ясно". Ну и ну. Лучше за четыре пенса купить полкило помидоров.

— Тебе определенно повезло, Луи,— одобрительно пробасил Каррадос.— Я удивляюсь,— прибавил он задумчиво,— что за странная манера интересоваться погодой на праздничный уик-энд.

— О!— поразился Карлейл, снова взглянув на телеграмму.— Ей Богу, это странно, Макс. Они едут в Вестон-на-Мейре. Почему же его интересует погода в Лондоне?

— Кажется, я начинаю догадываться, но должен снова побывать здесь. Посмотри-ка на этого змея еще раз. Там торчит кусок бечевки?

— Да.

— И, вероятно, очень тонкой?

— Да. Но как ты узнал?

По дороге домой Каррадос объяснил это Карлейлу.

— Боже мой, Макс, разве это возможно?—недоверчиво воскликнул Карлейл.

Час спустя он убедился, что это возможно. Он позвонил к себе в контору и, узнав новости, заявил, что "они" уезжают с Паддингтонского вокзала в 4.30 в Вестон.

Через несколько дней после первого визита к Каррадосу лейтенант Холльер снова появился в Туррете. Мистер Карлейл со своим другом ждали его.

— Я весь день ждал вашего сообщения, мистер Каррадос,— начал лейтенант, пожимая им руки.— Получив второе послание, я сразу же направился к вам. Надеюсь, все в порядке?

— Превосходно,— довольно сообщил Каррадос.— Мы скоро отправимся. Возможно, операция потребует много времени и нас ожидает волнующая ночь.

— И наверняка будет сыро,— предположил лейтенант.— Над Малпингом собирается гроза.

— Поэтому вы здесь,— таинственно заключил Каррадос.— Мы ждем сообщения, а вы пока можете узнать о том, чего мы ожидаем. Как вы

заметили, собирается гроза. Утренняя сводка погоды предупредила об этом, потому-то я держал вас в готовности. Через час ожидается ливень. Будут местами повалены деревья и здания. Возможно, некоторые люди будут поражены молнией и даже убиты.

— Да...

— И мистер Крик намеревается присоединить к сегодняшним жертвам вашу сестру.

— Я не совсем понял,— растерянно проговорил лейтенант.— Я предполагал, что Крик хочет убить ее, но причем здесь гроза.

— Да, если мы не вмешаемся, то коронерское жюри тоже не поймет, что случилось. Мистер Холльер, вы знаете в какой мере ваш шурин знаком с электротехникой?— Не могу сказать. Мы мало общались...

— Однако в 1896 году Остин Крик опубликовал статью "Переменные токи" в американском журнале "Сайнтифик Уорлд". Она — прямое доказательство его знания электротехники.

— Вы предполагаете, что он собирается направить молнию?

— Но вряд ли это поймет врач, который будет производить посмертное вскрытие. Гроза — очень удобный случай, которого он давно ждет. Она позволит ему действовать. Оружие, которое он решил использовать, по силе поражения немногим уступает молнии, однако обладает преимуществом — оно ему послушно — это высокое напряжение трамвайной линии.

— О!— воскликнул Холльер. Неожиданное открытие потрясло его.

— В период от одиннадцати часов, когда ваша сестра ложится спать, до половины второго ночи, когда выключается напряжение на линии, Крик кинет камень в окно балкона. Основные приготовления им сделаны. Осталось связать балкон с токонесущим проводом. Когда это будет сделано, он разбудит жену камнем. В тот момент, когда она подойдет к балкону и возьмется за ручку окна, он включит ток и убьет ее, как заключенного в Синг-Синге.

— Что же делать?— в невероятном волнении Холльер вскочил с кресла. — Уже десять часов, всякое может случиться.

— Вполне возможно,— спокойно ответил Карлейл,— но вам нечего беспокоится. Крик и дом под наблюдением, а ваша сестра в безопасности. Можете считать, что она находится в Виндзорском замке. Будьте уверены, что бы ни случилось, ему не удастся реализовать свой коварный план, но надо дать ему возможность проделать все это до конца, чтобы быть уличенным. Ваш шурин, мистер Холльер, большой выдумщик.

— Хладнокровный мерзавец!— с негодованием воскликнул молодой офицер.— Когда я думаю о Милликен...

— Ну, некая просвещенная нация считает, что казнь на электрическом стуле более гуманна, чем другие ее виды,— заметил Каррадос. — Он определенно изобретательный человек. Но, к своему несчастью, в лице мистера Карлейла он встретил достойного противника...

— Нет, нет, Макс,— запротестовал смущенный джентльмен.

— Мистер Холльер согласится со мной, если я расскажу ему, что мистер Карлейл первый обратил внимание на великолепно запущенного змея,— настаивал Каррадос.— Потом, конечно, это стало ясно и мне. Не более чем за десять минут Крику удастся присоединить проволоку к каштану. Он предусмотрел все и пренебрег лишь тем, что водитель трамвая сможет заметить это подсоединение. Ну и что? Больше недели заброшенный змей болтается на дереве. Блестяще продумано, мистер Холльер! Было бы интересно знать, что собирался сделать мистер Крик дальше, какое поведение он намеревался избрать. Я думаю, что у него в запасе полдюжины актерских приемов. Например, он мог бы опалить жене волосы раскаленной кочергой. Дело в том, что молния поражает по-разному. Он оказался бы вне всяких подозрений: жена убита молнией, и никто не смог бы ничего доказать. Уничтожив следы своего преступления, он "обнаружил бы" мертвое тело своей жены, пораженной молнией, с массой тому подтверждений. Впрочем, он мог бы уехать, чтобы обеспечить себе алиби, а тело нашел бы кто-нибудь другой. Этого мы никогда не узнаем. Признания он не сделает.

— Наверное,— согласился Холльер.— Я не слишком большая неженка, но все же по спине бегут мурашки.

— Через три часа будет значительно хуже, лейтенант,— весело пообещал Каррадос.— Вот уже кто-то звонит.

Он подошел к телефону, взял трубку и несколько минут слушал.

— Все готово,— обернулся он к союзникам. — Ваша сестра легла спать, мистер Холльер.— Затем добавил в трубку:— Да, мы скоро приедем.

Большой автомобиль уже ждал их. Лейтенанту показалось, что рядом с шофером сидит Паркинсон, но приглядеться он не успел. Уже начал накрапывать дождь, вокруг все потемнело. Фары автомобиля еле освещали дорогу.

— Мы не поедем прямо туда?— забеспокоился Холльер, после того, как они отмахали примерно миль шесть. Было очень темно, но его глаза, привыкшие к морской вахте, кое-что различали.

— Нет, мы двинемся по Ханскотт-Грин и выскочим к дому со стороны фруктового сада.— Внимание, Гаррис, вы должны посадить человека с фонарем.

— Там что-то сверкнуло, сэр,— заметил Гаррис и остановил машину.

Каррадос опустил стекло. От забора отделилась темная фигура в дождевике и подошла к машине.

— Инспектор Бидл, сэр,— представился незнакомец, заглядывая в машину.

— Отлично, инспектор,— обрадовался Каррадос.— Залезайте сюда.

— Со мной еще один человек, сэр.

— Ничего, мы найдем место и для него.

— Мы очень мокрые, сэр.

— Скоро мы все будем мокрые.

Лейтенант потеснился, и два человека втиснулись рядом с ним. Менее чем через пять минут машина снова затормозила и Билд повел за собой группу вдоль забора. Вскоре от деревьев отделилась тень, обменялась несколькими словами с инспектором и повела их к черному входу.

— Вы найдете разбитое окно в помещении для мытья посуды,— предположил слепой.

— Верно,— прошептал инспектор. — Вот окно. Кто полезет?

— Мистер Холльер откроет нам дверь. Боюсь, что вам, лейтенант, придется снять ботинки и мокрый плащ. Мы не можем рисковать.

Когда открылась дверь, они осторожно проникли на кухню, где горел огонь. Человек из сада снова исчез.

Каррадос повернулся к лейтенанту.

— Теперь вам предстоит довольно тонкая работа, мистер Холльер. Я хочу, чтобы вы поднялись к сестре и разбудили ее. Постарайтесь как можно тише отвести ее в заднюю комнату. Скажите ей все, что, по вашему мнению, поможет ей понять происходящее, но самое главное, чтобы она молчала. Не суетитесь и ни на секунду не включайте свет.

Десять минут прошло в тревожном молчании, прежде чем молодой человек вернулся.

— Это было ужасно.— Он нервно засмеялся.— Но теперь, я думаю, все будет в порядке. Она в безопасности.

— Тогда мы займем свои места. Вы и Паркинсон пойдете со мной в спальню. Инспектор, вы знаете, что надо делать. Мистер Карлейл отправится с вами.

Они молча разбрелись по дому. Холльер многозначительно кивнул на дверь комнаты, в которой находилась его сестра. Ее спальня была на другом конце коридора.

— Теперь вы, Холльер, ложитесь в кровать,— распорядился Каррадос, когда они вошли в спальню и закрыли за собой дверь.— Крик может подняться на балкон и заглянуть в комнату. Но дальше он не пойдет. Потом он начнет кидать в окно камни. Тогда я скажу вам, что делать.

Следующий час показался лейтенанту самым длинным в жизни. Наконец он услышал шепот двух мужчин , притаившихся за занавеской, сам же он не мог ничего увидеть. Потом Каррадос прошептал:

— Он сейчас в саду.

Что-то проскребло по наружной стене. Но ночь была полна разных звуков. В доме скрипели половицы. Ветер гудел в трубах. Доносились раскаты грома и звонки трамваев. Вдруг что-то звякнуло о стекло.

— Спокойно,— остановил его Каррадос.— Подождите еще.— Он прошел куда-то по комнате.— Вот резиновые перчатки. Провод я перережу, но вы все-таки их наденьте. Подойдите к окну, откройте его и немедленно падайте. Приготовились!

Еще один удар камня по стеклу. Холльер немного помедлил. Каррадос остановил его рукой, поднял халат Милликен и слегка потряс им.

— Последний акт,— торжественно сообщил Каррадос.— Сейчас он вернется.

Лейтенант подошел к окну медленными, неверными шагами, чуть задержался и бросился на пол.

— Наконец-то, наконец-то!— послышался шепот.

Человек отступил от балкона и две тени сзади набросились на него. С криком ужаса он отпрянул назад, на его руках защелкнулись наручники.

— Я инспектор Бидл,— с достоинством произнес человек, стоявший справа от него.— Вы арестованы за попытку убийства своей жены Милликен, Крик.

— Вы с ума сошли!— запротестовал Крик.— Ее убила молния.

— Ну, нет, мерзавец!— накинулся на него шурин.— Доставим же вам радость видеть ее живой!

— Предупреждаю,— вмешался инспектор,— что все вами сказанное, может быть использовано против вас.

Резкий крик привлек их внимание.

— Мистер Каррадос!— в отчаянии кричал Холльер.— Идите сюда! Скорее!

В проеме двери стоял лейтенант Холльер с пустой бутылкой в руках.

— Умерла!— зарыдал он.— Умерла, когда могла жить свободной от этого негодяя!

Слепой вошел в комнату, понюхал воздух и положил мягкую руку на неподвижное сердце.

— Да,— тихо промолвил он.— Женщину иногда трудно понять.

РОЗОВЫЙ КУСТ

I

Рука Рокуарда дрожала, а мужественное лицо было мрачно, когда он закончил. Однако он изо всех сил старался сохранить репутацию человека, совершенно лишенного эмоций.

— Если это шантаж, почему в письме не требуют денег? Я готов отдать все, чтобы моя девочка не подвергалась риску. Уже три дня прошло с тех пор, как она исчезла.— Он был раздражен и сердит вопреки своему характеру. — Если ваши люди способны что-то сделать, то надо сейчас же начать действовать. Я обратился в два агентства, но дело нисколько не продвинулось вперед.

— Прошу прощения, мистер Рокуард,— перебил его Барракло.— Если бы мы сразу узнали, что ваша дочь похищена, нам было бы легче. Видите ли,— продолжал он спокойно, — более десяти тысяч человек обращаются в полицию ежегодно с такими заявлениями. Некоторые, действительно являются преступлениями. Однако в большинстве случаев оказывается, что у пропавших была личная причина для бегства. Этим делам не было бы конца, если бы наш департамент занимался подробным расследованием. Все, что можно сделать — это разослать описание и попросить, чтобы наши люди смотрели во все глаза. Но вы должны поверить, что мы имеем все основания считать, что мисс Рокуард в безопасности, она скоро вернется и все кончится хорошо.

Миллионер предложил ему сигару.

— Простите меня, мистер Барракло. Я немного переутомился. Я знаю, что вы сделаете все возможное, но если вам понадобятся деньги — позвоните мне.

Инспектор уголовного розыска Барракло не часто курил гаванские сигары по полкроны за штуку и с благодарностью взял одну. Он мог понять чувства миллионера при данных обстоятельствах. Но, несмотря на свой профессиональный оптимизм — детектив, как врач, вынужден быть оптимистом в глазах людей, обращающихся к нему за помощью,— он чувствовал смущение, возвращаясь в управление, чтобы доложить своему начальнику об этом деле.

— Это похоже на обычное бегство, сэр,— высказал он свои соображения суперинтенданту.— Рокуард потерял голову, и это неудивительно. Мисс Элси Рокуард — молодая девушка, в июне ей исполнится девятнадцать лет, и старик готов отдать за нее все, что угодно

хотя трудно что-либо сказать. Она собиралась на Риджент-стрит. И с тех пор ее не видели. Сегодня утром мистер Рокуард получил письмо. Вот что в нем сказано.— Барракло достал лист бумаги и прочел вслух: "Сэр! Сообщаю, что ваша дочь жива, здорова и находится в безопасности. Ей будет разрешено вернуться к вам невредимой, возможно, меньше, чем через неделю, начиная с сегодняшнего дня. Непременным условием является выполнение вами того, что может от вас потребоваться, хотя речь пойдет не о деньгах. Это не шантаж. Будьте благоразумны, не волнуйтесь и не обращайтесь в полицию".

Письмо написано от руки и не подписано. Отправлено из Уинчмор Хилл, штемпель поставлен вчера в полночь. Это, конечно, не означает, что автор находится там.

— Это больше, чем шантаж,— глубокомысленно заключил шеф.— Рокуарда могут заставить что-либо сделать в Сити.

— Да,— согласился Барракло.— Конечно, я буду иметь это в виду. Полагаю, я свободен в своих действиях?

— Полностью. Дерзайте, желаю вам удачи.

Барракло вышел от шефа и начал готовиться к расследованию. Описание мисс Рокуард уже было разослано и содержало информацию, начиная от цвета глаз и кончая размером обуви. Две фотографии находились на размножении, чтобы затем попасть в руки всех сотрудников департамента уголовных расследований.

На втором этаже в маленьком кабинете люди усердно работали с письмом, которое получил мистер Рокуард. Один из помощников пришел к Барракло сказать, что с письмом все готово. Барракло направился вслед за ним в комнату без окон. Фотограф включил аппарат и экран осветился. Потом он начал проектировать на экран письмо. Барракло тщательно его рассматривал. Наконец осмотр был закончен.

— Спасибо,— поблагодарил он.— Это не очень поможет нам, но вина не ваша. Кстати, вы правильно сфокусировали? Края письма в тени.

— Дело не в фокусировке. Это такое письмо. Розовая тень по краям.

— Ах, да, я забыл,— извинился Барракло.

Он заметил, конечно, розоватую кайму на письме, но она не привлекла его внимания. Он вернулся в свой кабинет и начал еще раз рассматривать оригинал. Края письма были неровные и неравномерно окрашены в розовый цвет. Можно было подумать, что это такой сорт бумаги. Однако на конверте обнаружилось то же самое.

Он вызвал сержанта Кранли, своего непосредственного помощника, который был отличным детективом, и протянул ему листок.

— Бумага хорошая, веленевая, отличного качества,— заключил Кранли.— Писал образованный человек, хотя он и маскируется под малограмотного. Отпечатков нет, сэр? Жалко. Я думаю, что это сочинял не обычный мошенник. Может быть, кто-то из друзей Рокуарда из Сити.

— Ну, хватит!— раздраженно прервал его Барракло. — Это мог

сделать дворецкий кого-либо из друзей или лорд-канцлер, однако так мы ничего не узнаем. Вы хороший парень, Кранли, но ваша дедукция может вас далеко завести. Якорь, вытатуированный на руке, еще не доказывает, что этот человек был моряком, но удобен для идентификации.

Кранли хорошо знал Барракло. Будучи умницей, он согласился, что заслужил упрек, и скромно извинился.

— Нам нужно все,— продолжал инспектор,— все, что спасет нас от предположений. Я не собираюсь предполагать, когда можно что-либо сделать. Лучше всего знать. Я предпочитаю именно это. Какие фирмы выпускают хорошую бумагу?

— Я узнаю и сообщу вам,— пообещал Кранли.

Он вышел и вскоре вернулся со справочником. Кранли положил его на стол и начал перелистывать.

— Вот. Роджерфельст на Аппер Таймс-стрит.

— Вы правы. Я сейчас же отправлюсь туда. А вы оставайтесь здесь до моего возвращения. Вы можете понадобиться.

2

Когда инспектор Барракло вышел из управления фирмы, его лицо выражало полное удовлетворение. Главная трудность позади. Если бы можно было сейчас уснуть, он так бы и сделал. Вопреки ожиданиям, детективы не любят оказываться в тупике. Он предпочитал видеть свой путь ясным и прямым. Не стоит лезть через забор, если можно пройти через калитку. Вот, наконец, он имел что-то определенное. Он зашел в телефонную будку и позвонил Кранли.

— Да, это я, Барракло. Я хочу, чтобы вы отправились по отделениям. Спрашивайте, что им известно о человеке, который недавно заболел в гостях. Я не могу объяснить вам всего по телефону. Действуйте как можно скорее. Я? О, да, да. Я или зайду, или позвоню. У меня есть небольшое дело.

Он повесил трубку и пошел в восточном направлении. День был теплый, и к тому времени, когда он добрался до Конвента, жажда стала невыносимой, поэтому был рад, что рядом оказалось бистро. Барракло взял лимонный сок с содовой и уселся у стойки с видом человека, которому нечего делать. Все это время его глаза всматривались в посетителей. Вскоре он кивком подозвал к себе трех человек, и они с почтением раскланялись. Никто бы не догадался, глядя на эту веселую группу, собирающуюся выпить, что каждый из них выполняет секретное поручение Скотланд-Ярда.

Такие же сцены повторились в Блекфайерсе, в Айслингтоне, в Бриксоне и в полдюжине других районов Лондона. Барракло всегда был вежлив, готов купить выпивку и поговорить о делах. В нем не было ничего от офицера полиции — сурового и строгого. Сам он пил мало. Когда он, наконец, уселся в свое рабочее кресло, на лице его ясно читалась усталость.

– Если вы предложите мне выпить, Кранли, я вас побью,– пообещал он.– Я уже по уши нагружен напитками, начиная от лимонного сока и кончая элем, и по горло сыт десятью тысячами ярдов. Кто сказал, что мы легко зарабатываем свой хлеб?

– Повезло, сэр?

Барракло покачал головой.

– Нет, а вам?

Его подчиненный протянул лист бумаги. Инспектор уткнулся в него. Потом вгорячах смял лист и швырнул в корзину.

– Не то,– разочарованно произнес он. Кранли изумленно уставился на шефа.– Я имел в виду заразные заболевания... Надо все выяснить. Ну, хорошо!– Он зевнул и посмотрел на часы.– Чувствуете приближение ночи? Сейчас восемь часов. Надо пообедать и сходить на часок в "Альгамбру".

В десять часов он и Кранли начали новый поход по ресторанам и закусочным Вест Энда. Кранли был изумлен настолько, что не мог ничего понять. Он решил, что они ищут какого-нибудь мошенника, от которого получат нужную информацию. Но, очевидно, Барракло искал что-то другое. Отличавшийся сдержанностью и молчаливостью, которые порой раздражали даже его ближайших коллег, он не стал объяснять, почему хочет найти преступника, недавно посетившего дом, где свирепствовало инфекционное заболевание. Кранли никак не мог понять, каким образом связана инфекционная болезнь с письмом, полученным миллионером.

Но все, когда-нибудь кончается. Оркестр исполнял мелодию под смех и говор посетителей: сотен мужчин и женщин, сидевших по два-три человека за небольшими столиками.

– Вот сидит Большой Билли, за восьмым столиком,– Кранли глазами указал направо.

– Пойдем потолкуем с ним,– предложил Барракло.

Он направился мимо столов и положил руку на плечо толстого мужчины, сидевшего к ним спиной.

Большой Билли вскочил на ноги и большая ликерная рюмка опрокинулась на ковер.

– Змеи!– воскликнул он.– Это вы, мистер Барракло? Не стоит так делать. Вы меня испугали.

– Простите, Билли,– извинился Барракло.– В следующий раз я буду осторожнее.– Он уселся в кресло, а другое придвинул Кранли.– Как дела? Давно я с вами не болтал.

Блестящие маленькие глазки уставились на инспектора. Большому Билли не нравился этот тон.

– Дела!– нервно усмехнулся он.– Я не знаю, о чем вы хотите поговорить со мной.

– Я не совсем точно выразился, Билли. Я просто подумал, что неплохо вспомнить старые времена. Я уверен, что ваши дамы простят нас.

— Хорошо. Извините, крошки. Абсент за мной. А о чем вы хотите поговорить?

— О, у нас одно пустяковое дельце,— скороговоркой произнес инспектор.— Вы видели Дангли Грина?

— Дангли!— нахмурился толстяк.— Три месяца назад он уехал в Ноттингем ровно на шесть лет. Разве вам это неизвестно?

— Возможно,— обронил Барракло.— Я забыл. Он всегда был неудачником, этот Дангли. Вы помните ювелирное дело на Бонд-стрит?

Очевидно, Большой Билли помнил.

— Неуклюжая скотина!

— В то время он не был с Гвенни Лин?— невинно спросил инспектор.

— Эта старая карга, кажется, ускользнула. Но с ней все связаны, и Дангли тоже. Бедняга Брикстон Джордж! Кид Фостер остался в Туттингене и умер, не то от кори, не то от брюшного тифа. Я бы удавил ее.

Кранли бросил на начальника многозначительный взгляд, но тот откровенно зевал. Казалось, что Барракло это нисколько не интересует.

— Ах, да,— спохватился он.— Брикстон Джордж.— Он был выпущен до суда неделю или две назад с одним банковским клерком. Подделка бумаг Грейт Саузерн банка, не так ли?

— Аккуратная работа,— удовлетворенно прогудел Билли.— Раскололи сто двадцать тысяч и вы их накрыли. Чего же вам еще надо?

Барракло улыбнулся и покачал головой.

— Да мне ничего и не нужно. Ладно, не будем вам больше мешать. Привет!

3

Он крепко схватил Кранли за руку и потащил за собой в сторону Трафальгарской площади, где они взяли такси.

— Самая большая удача за сегодняшний день,— радостно сообщил инспектор.

На Грейт Дерби-стрит такси остановилось, и Барракло стремительно вошел в управление. Когда он через десять минут вышел, его сопровождал широкоплечий мужчина с усами и проницательным взглядом.

— Для Гвенни достаточно троих,— распорядился он.— Я послал одного из своих людей вытащить Уотфорда из постели. Он вел дело Грейт Саузерн банка. Может быть, он нам поможет.

Кранли уставился на его усы.

— Я не совсем ясно представляю себе дело, сэр,— растерянно промямлил он. Барракло удивленно на него взглянул.

— Я достаточно прожил, чтобы не раскрывать карты, пока не уверен,— улыбнулся он.— В свое время я скажу все, что вам нужно будет знать.

Машина рванулась вперед и разговор прекратился. Через полчаса они остановились на углу улицы, где находились роскошные виллы. Барракло засмеялся, когда вышел из машины, и быстро осмотрел ряды уютных домиков.

— Клерки, незначительные бизнесмены и старые девы,— заключил он.— Интересно, что они скажут, когда узнают, кто такая Гвенни? Пошли, ребята. А вы нас подождите,— попросил он шофера.

Они не встретили ни души, пока двигались вдоль домов. Наконец, Кранли махнул рукой, и его товарищи остановились.

— Номер 107, сэр,— указал он.

Они толкнули калитку и пошли по тропинке к дому. Барракло нажал кнопку. В верхнем окне зажегся свет и вскоре они услышали шаги. Потом и внизу вспыхнул свет, наконец, дверь открылась.

Худой, как скелет, мужчина с глубоко запавшими глазами в наброшенном на плечи халате удивленно уставился на них.

— В чем дело?

Кранли бесцеремонно протиснулся вперед и встал так, чтобы дверь нельзя было закрыть. Барракло был ослеплен ярким светом.

— Это вы, Велсон?— спросил он.— Где Гвенни?

— Не знаю. И мое имя не Велсон.

Барракло шагнул внутрь.

— Не похоже,— холодно отметил он.

Неожиданно из халата показался револьвер.

— Руки вверх! Нечего валять дурака.

Кранли мягко прыгнул вперед. Револьвер был выбит из руки напавшего, и они, сцепившись, покатились по полу. У Велсона, конечно, не было времени на спасение, и менее чем через полминуты он встал уже в наручниках.

Барракло поднял револьвер.

— Я знал, что у вас есть револьвер, Велсон,— признался он.— Но не думал, что вы глупы до такой степени. Сегодня не стоило им махать.

— Убирайтесь ко всем чертям!— огрызнулся Велсон.

— Надеюсь, вас не нужно предупреждать, что мы из полиции,— предостерег его инспектор.— Все, что вы скажете, может быть использовано против вас. Кондер, присмотрите за ним. Отведем его в гостиную. Кранли, останьтесь у двери.

Наверху послышались шаги, обрывки разговора, затем властный женский голос позвал слуг. Барракло открыл дверь. Женщине было лет пятьдесят. На лице сохранились следы былой красоты и былых волнений. Увидев Барракло, она улыбнулась.

— Здравствуйте, Гвенни,— вежливо приветствовал ее Барракло.— Простите, что разбудил вас. Полагаю, вы знаете, зачем мы пришли.

Она продолжала улыбаться.

— Здравствуйте, мистер Барракло.

— Кто-нибудь еще есть в доме?— с беспокойством спросил он.

Она покачала головой.

— Двое слуг. Но вы мне не верите, я знаю. Поищите сами.

— Я так и сделаю. Вы обидчивая женщина.

— Вы сильно преувеличиваете, мистер Барракло. Что привело вас сюда?

Барракло пожал плечами.

— Поговорим об этом позже,— попросил он.— А пока скажите, где мисс Рокуард, если не хотите неприятностей.

Она подняла брови.

— Мисс Рокуард? А кто она?

Детектив резко повернулся.

— Я обыщу весь дом.

Он прошел через все двенадцать комнат, на которые была разделена вилла. Гвенни сказала правду. Кроме слуг, в доме никого не было. Из слуг выжать ничего не удалось. Миссис Франклин — под таким именем они знали Гвенни — приняла их на работу около шести недель назад — тогда же, когда сняла этот дом. Они быстро смекнули, что хозяйка в доме — она одна. Она держала двух постояльцев — мистера Грина (Барракло понял, что так они называют Велсона) и мистера Шилворта. Мистер Шилворт — коммивояжер. Он уже четыре дня в деловой поездке. Над этим стоило поразмыслить. Мисс Рокуард исчезла три дня назад. Барракло засыпал девушек вопросами и внимательно слушал их ответы. Да, мистер Шилворт бывал здесь, но не больше двух дней подряд. Средний возраст, на правом виске шрам, рыжеватая бородка, светлые волосы.

Они показали Барракло комнаты, которые занимали Гвенни, мистер Грин и мистер Шилворт. В ящике письменного стола в комнате Шилворта он нашел то, что искал. Инспектор спустился в столовую и обратился к своим двум пленникам.

— Слушайте, вы. Вы также, как и я, знаете, что я не имею права допрашивать, но уверяю вас, что я не блефую. У меня есть доказательства, что вы причастны к похищению мисс Рокуард, и я знаю, почему вы не можете держать ее долго. Мы хотим найти ее... и Кида Фостера. Так где же она?

— Умный парень!— рявкнул Велсон.

— Заткнись!— прикрикнула на него Гвенни.— Потом обратилась к Барракло.— Вы джентльмен, мистер Барракло,— заискивающе пролепетала она.— Вы отпустите нас, если мы пойдем вам навстречу?

— Боюсь, что я не могу торговаться,— ответил инспектор.

Гвенни холодно посмотрела на него и скрестила руки.

— Тогда сами разбирайтесь со своим делом.

4

Инспектор Уотфорд посмотрел на Барракло. Они сидели в мягких креслах. Гвенни и Велсон были отправлены в отделение полиции на

Кинг-стрит. А Барракло решил провести систематический обыск, использовав троих полицейских, которые прибыли с Уотфордом. Последний задумчиво выбил трубку о каблук.

— Жаль, что вы меня вытащили из постели,— с сожалением пробормотал он. — Мне кажется, что это тупик. Мы не сможем доказать, что они были связаны с делом о Грейт Саузерн банке; и это мои похороны. Вы можете быть уверены в похищении, но у вас нет этой леди. Я понимаю, это не очень удобно...

Барракло встал.

— О, черная неблагодарность! И это говорит умный человек! Была совершена подделка банковских документов. Вы подозреваете одного банковского клерка и держите под наблюдением молодого Элслея. Вы обнаружили его связь с Брикстоном Джорджем и, как сентиментальный человек, отпускаете их обоих. И они ускользают, как устрицы, а вместе с ними и сотня тысяч, и вы не в силах схватить их.

— Ну?

— Это значит, что за ними кто-то стоит. Они пригласили королевского адвоката Лутона защищать их на суде. Кто-то нашел деньги и этот кто-то припрятал сто тысяч в чулок. Вы сказали мне, что защита просила отсрочки до следующей сессии, когда дело перейдет в Олд Бейли.

— Ну?— сухо повторил Уотфорд.

— Потом была принята во внимание просьба о залоге,— продолжал Барракло.— Остальная банда знает Брикстона Джорджа. Они связаны с ним, поэтому хотят спасти свои шкуры. Он их заложит, если они бросят его. Для этого Лутон взял их под залог , а Джордж может удрать. Судье же нужен был человек с высокой репутацией. Таким человеком может стать, например, Рокуард.

Его коллега подскочил в кресле.

— Я понял вашу версию. Мисс Рокуард похищена, чтобы заставить ее отца поручиться за Брикстона Джорджа.

— Да. Ясно, что Брикстон Джордж тайно поддерживает связь с Гвенни и Кидом Фостером. Сложите все это вместе, и вы с легкостью накроете всю эту шайку. И Гвенни, и Кида, и Велсона, и Джорджа. А почему Велсон схватился за револьвер?

Стук в дверь прервал их разговор. Вошел один из людей Уотфорда. Он принес пару писем и три банковских книги. Уотфорд поспешил к нему.

— Клянусь богом, вы правы!— воскликнул он.— Вот письма от Кида. Трудно понять, зачем Гвенни хранит их. Где вы их нашли?

— Они были спрятаны между матрасами в ее постели.

— Послушайте только,— разволновался Уотфорд. Он прочел: — "Ты настоящая волшебница, Гвенни. После того, как ты подсыпала снотворное в чай этой девушке на Бонд-стрит, увезти ее было так же просто, как прочесть алфавит. Она была изумлена, увидев воду и узнав, что я привез ее в Булонь. Однако тревога была напрасна. Мы

...оставил ее в безопасности у моего друга на Рю Веллинг, 24". Вот еще письмо: "Ходил утром посмотреть на нее. Она дика, как маленькая дикарка, но, полагаю, Г. выучит ее. Я уезжаю в Бристоль, думаю, что будет лучше. Что ты думаешь насчет Челси?"

— Бристоль! — воскликнул Барракло. — Вот это да! Я подозревал, что Киду придется долго искать квартиру. Дать туда телеграмму или вы это сделаете сами?

— Я, — с достоинством ответил Уотфорд.

5

После того, как был найден кончик нити, размотать весь клубок было нетрудно. В десять часов утра Барракло и его люди закончили обыск дома в Тутингене. Приняв ванну и побрившись, Барракло явился в Скотланд-Ярд. Уотфорд сидел в кабинете. Раскрытый чемодан стоял в углу.

— Париж? — спросил он.

— Да, — ответил его друг. — Я собираюсь за Кидом. Эти банковские книги вскрыли все махинации, и теперь мы без труда докажем их вину. Оперативники из Сюрте схватили Фостера и нашли девушку. Она была в небольшом домике со стариком по имени Темплтон. Он с Гвенни ограбил банк в Штатах несколько лет назад. Рокуард был у меня. Он сказал, что если комиссар не будет возражать, то он вручит тебе чек.

— Ну что ж, — благосклонно согласился Барракло. — Это хорошо.

Уотфорд обнял его.

— Послушай, старина, я удивляюсь, как тебе это удалось с первого захода. Расскажи.

Барракло вздохнул и достал из кармана письмо, присланное Рокуарду.

— Видишь, вот розовый край на бумаге? — показал он. — Это меня заинтересовало. Я не знал, важно это или нет, но отправился в одну фирму. Там мне сказали, что эта бумага — слегка розовая веленевая бумага сделана специально из альфа эспарто* и может слегка порозоветь после обработки сульфатом. На первый взгляд это пустяк. Я спросил, что еще могло повлиять на цвет. Тогда-то я и ухватился за кончик нити. Оказалось, что сернистый газ тоже оказывает влияние на эту бумагу. Они сказали, что слышали о нескольких случаях, когда бумага розовела после окуривания помещения сернистым газом. Остальное просто. Помещение окуривают сернистым газом только после инфекционных заболеваний. Этого было достаточно. Я шлялся по Лондону, пока не наткнулся на Большого Билли. Вот и все.

— Действительно просто, — улыбнулся Уотфорд. — Иди, тебя ждет шеф. — Он посмотрел на часы. — Мне пора. До свидания.

— До свидания, — попрощался Барракло.

---

* Альфа эспарто — растение.

Х. К. БЕЙЛИ

ПРОДОЛЖИТЕЛЬНЫЙ ОБЕД

– Это дело мне не нравится,— решительно заявил мистер Форчен.– Я вижу какое-то грязное белье.— Он угрюмо посмотрел на начальника департамента уголовных расследований.

– Согласен с вами,— заметил Ломас.— Он грязный парень. А что вы скажете насчет этих пятен?

– О,— дорогой мой!— грустно промолвил мистер Форчен.— Краска. Все виды краски, а также остатки еды и питья. Мерзкие отбросы. Зачем вы побеспокоили меня? Что вам нужно? Человеческая кровь?

– Я ничего не жду и ни на что не надеюсь,— признался Ломас.

– Да я ненавижу вас,— пробормотал мистер Форчен.— Что еще вы хотели узнать?

– Многое,— спокойно ответил Ломас.— Вы не на высоте, Реджинальд. Я хочу знать, что это за парень и что с ним случилось.

– Он — художник. Рисует маслом и акварелью. Живет беспутной жизнью, высокие запросы. Что с ним случилось, понятия не имею. Я думаю, он на пути в ад. Что все это значит? Почему вас заинтересовал развратный художник?

– Потому что этот парень исчез,— заявил Ломас.— Он — художник, как вы догадались. У него есть талант и несколько лет назад он пользовался успехом, но с тех пор скатился вниз. Зовут его Дерри Фаркуар. Полиции в общем-то неизвестен, хотя получал деньги под фальшивым предлогом, но ничего определенного. Десять дней назад одна женщина сообщила, что мистер Дерри Фаркуар исчез. Три месяца назад у него было немного денег, около пятидесяти фунтов. Она не жаловалась. Она из тех женщин, которые прибирают к рукам подобных мужчин. Больше всего ее беспокоит, что он потерял эти пятьдесят фунтов. Странное дело. Последние десять лет он жил в заброшенной квартире в Блусбери. Но три месяца его там не видели. Это на него не похоже. Он никогда не исчезал на столь долгий срок, он настоящий лондонский бездельник. И свои собственные деньги — у него был небольшой частный доход — он поместил в банк. Но в августе и сентябре деньги эти оставались не тронутыми. Это абсолютно не похоже на него. Кроме того, две недели назад соседи услышали в его квартире шум. Дату мы, к сожалению, точно не знаем. Когда Белл явился туда, в квартире царил дьявольский беспорядок, а в углу лежала куча грязного белья. Поэтому мы послали за вами.

– Надеясь, что я найду кровавые пятна,— пробормотал Реджи. — Парень подает большие надежды. Рубашки чертовски грязные, но

следов крови нет. Наверно, это единственное вещество, следы которого отсутствуют среди этой грязи.

— Так вы не верите, что здесь что-то кроется?

— Дорогой мой! О, дорогой мой!— Реджи мрачно посмотрел на него.— Вера — это очень серьезное дело. Я верю, что вы ничего не нашли, вот и все. Я думаю, вы плохо искали.

— Спасибо,— холодно поблагодарил Ломас.— Белл забрал все себе.— Он снял трубку телефона и через несколько минут к ним присоединился суперинтендант Белл с толстой папкой под мышкой.

— Мистер Форчен полагает, что вы что-то упустили, Белл.— Ломас улыбнулся.

— Я был бы рад узнать, что именно я упустил,— усмехнулся Белл. — Вот фотографии дома, сэр. Вот опись вещей.

— Можете попытаться, Реджинальд,— предложил Ломас, а Реджи начал внимательно изучать фотографии и документы.

— Четыре картины написаны маслом, пятнадцать — акварелью. Без рамок,— прочел он и взглянул на Белла.

— Похоже, здесь все ясно,— невинно заметил Белл.— Картины не выделяются, но броские. Голые дамы и тому подобные штучки. Я полагаю, что их можно было сделать получше. Их цена не больше полдоллара за шедевр. Он сам называл их хламом. Во всяком случае, это нисколько нам не помогает.

— Я бы не сказал,— пробормотал Реджи.— Все это раскрывает нам характер мистера Фаркуара. Человек без чести даже в своей халтуре. Что еще было в его квартире?

— Несколько писем. В основном счета и требования прокурора. Ничего, указывающего на его передвижения.

Реджи быстро просмотрел корреспонденцию.

— Да, все так, как вы говорили.— Он остановился, увидев смятую грязную бумажку. — Откуда это?

— Это было в кармане его грязной куртки,— объяснил Белл.— Это только меню. Не знаю, зачем он хранил его. На обратной стороне нарисовано несколько лиц. Возможно, он нацарапал их просто для практики. Мне они напоминают дьявола.

— Да, дьявольщина,— пробормотал Реджи.— Общепринятое изображение дьявола. Мефистофель в кино.— Лица были нарисованы карандашом. Скорее наброски, чем рисунки, почти не отличающиеся друг от друга: одно и то же лицо, отражающее разные эмоции — радость или злость. Лицо с черными бровями, усами и остроконечной бородкой. — Хороший ремесленник, не больше.— Он перевернул меню и начал его изучать. — Моя единственная тетя!— простонал он и хриплым от благоговения голосом прочитал"

"**Обед.**
Артишоки a l' Huile
Картофель a l' Huile
Холодная свинина с корнишонами
Лангусты под майонезом

Утка с брюквой
Омлет с почками
Филе с гарниром
Сыр, фрукты, бисквиты".

– Ей богу, это только обед,– усмехнулся Ломас.

– Для нас эта информация бесполезна,– отозвался Белл.– Он хорошо провел время.

– Да!– вздохнул Реджи.– О, мой дорогой! Артишоки в масле. Холодная свинина, омары, утка с брюквой, омлет с почками и мясо с гарниром.

– Я всегда беру то, что вызывает у меня аппетит,– мрачно поведал Белл.– Ну и что?

– Смерть от несварения,– предположил Ломас.– Или самоубийство обжорством. Очень естественно и просто. Хорошо, Белл. Мистер Форчен решит это дело.

– Мне самому это интересно,– добавил Белл.

– О, мой Белл!– воскликнул Реджи.– Мне тоже.– Он повернулся к Ломасу.– Неизлечимая лень ума, вашего ума. Это существенный факт. Поищите мистера Фаркуара в "Бретани".

– Как вы это узнали, сэр?

– Нигде, кроме отеля "Бретань", не найти такого обеда.

Белл потер подбородок.

– Понимаю. Я не был в "Бретани" и никогда не ел таких обедов.– Он посмотрел на Ломаса.– Это значит, что он вернулся во Францию.

– Верно,– улыбнулся Ломас.– Какая блестящая мысль, Реджинальд. Вы будете удивлены, узнав что Париж просил нас присмотреть за мистером Дерри Фаркуаром в Англии?

– Да, да.– Реджинальд спокойно посмотрел на него.– Тоже значительный факт, о котором вы не упомянули. И также выдает связь вашего Фаркуара с Францией.

– Если это вас устраивает.– Ломас пожал плечами.– Но там уверены, что он здесь. Сегодня приезжает Дюбуа. Я встречаюсь с ним в клубе за обедом. Присоединяйтесь к нам.

– О, нет, нет,– быстро возразил Реджи.– Дюбуа будет обедать со мной. Обед в вашем клубе разрушит его веру в английский интеллект. Мне нравится Дюбуа. Очень приятно обсуждать дела с умным человеком. До свидания. В половине девятого...

С улыбкой превосходства Ломас откинулся назад и наблюдал, как Дюбуа и Реджи поглощали оладьи. Реджи выбрал путь к его сердцу, как жена к сердцу мужа*...

Дюбуа вытер свои пышные усы.

– Мое почтение,– произнес он с уважением.

К бисквитам подали кларет. Дюбуа благодарно улыбался.

Они ели, как будто свершали какой-то ритуал, а Ломас курил сигару и потягивал портвейн.

---

* Перефразированная поговорка: путь жены к сердцу мужа лежит через его желудок

Моя единственная тетя! Не обращайте на него внимания, Дюбуа. Он современный англичанин.

— Очень жаль,— вздохнул Дюбуа.— Бесцветная жизнь. Это выдающееся вино, мой друг. Я полагаю, это полиак? Прошлого века?

— Еще лучше,— заверил его Реджи.— Муттон Ротшильд 1900 года.

— О!— улыбнулся Дюбуа.— Не так уж плохо для бедного старого Дюбуа...

Они продолжали свой дуэт...

Ломас начал беспокоиться.

— Какое единодушие,— раздраженно воскликнул он.— Но, может быть, мы перейдем к делу?

Дюбуа неодобрительно посмотрел на него.

— Простите, мой друг. Не бойтесь. Мы всегда готовы заняться делом. Я не задержу вас. Дело есть дело и после простого...

— Верно,— улыбнулся Ломас.— Скажите об этом Форчену, у него есть свои соображения на этот счет.

— Ага.— Дюбуа поднял брови.— Я буду ему признателен. Тогда я начну с Макса Вебера. Он спекулянт, но хороший парень. Год назад он женился на молоденькой девушке. Она слыла актрисой, красавица Клотильда. Больше против нее ничего нет... Они жили очень счастливо в роскошных апартаментах. Две недели назад они обнаружили, что исчезли некоторые драгоценности, которые они хранили у себя в спальне. Самые ценные хранились в банке, а исчезнувшие украшения оценивались в пятьсот тысяч франков. Вебер явился в Сюрте и заявил об этом. Что мы узнали? Слуги работают у Вебера много лет, они легкомысленны, но я не думаю, чтобы они были бесчестны. Следов взлома не обнаружилось. Но за день до пропажи драгоценностей к ним приходил мужчина, который спрашивал мадам Вебер. Ему сказали, что ее нет дома, что соответствовало действительности. Незнакомец не производил хорошего впечатления. Судя по описанию, самый настоящий клошар. Вы спросите, негодяй или нет? Человек был плохо одет, точно бездельник из Латинского квартала или опустившийся художник, как вы их называете.

— Да. Очень интересно. Он не опознан, Дюбуа?

— Потерпите немного... Видите ли, он мог быть из тех типов, с которыми Клотильда водила знакомства до замужества. Итак, этого джентльмена не впустили, но он не ушел. Консьержка видела, как он без дела слонялся до полудня. В полдень прислуга Веберов отправилась поесть. Это был удобный для него момент.

Он мог проникнуть в дом и взять шкатулку с драгоценностями.

— Да, да.

— Хорошо. Тогда я перейду к описанию месье Негодяя: полный и темноволосый мужчина, с бакенбардами. Он ходил мелкими шажками. Хорошо говорил по-французски, но на француза не похож. Он был одет в платье оранжевого цвета и мягкую черную шляпу. Потом я выяснил, что человек, похожий на него по описанию, сел в ночной поезд с Сен-Лазарского вокзала, откуда, вероятно, уехал в Дьепп. Это самый легкий путь в Англию. Отлично. В Латинском квартале нам

удалось узнать, что подобного человека видели день или два назад в нескольких кафе. Его хорошо запомнили, потому что знали лет десять назад, когда он был студентом. Он англичанин, его имя Фаркуар, Дерек Фаркуар.— Дюбуа погладил усы.— Поэтому, мой друг, я осмелился побеспокоить мистера Ломаса и просил его найти этого Фаркуара.

— Да,— согласился Реджи.— Вполне обычный способ действия.

— Мой бедный Реджинальд,— засмеялся Ломас.— Какое печальное признание! Вы задели его, Дюбуа. Он был уверен, что мистер Фаркуар сейчас в "Бретани".

— Ага!— Дюбуа поднял брови и с сожалением посмотрел на Реджи.— Мой дорогой друг, я никогда раньше не консультировался с вами, но я нахожу, что вы куда прозорливее меня. Поделитесь со мной...

— О, нет, нет. Этого, конечно, мало, но...— И Реджи изложил ему меню продолжительного обеда.

— Не сомневаюсь, что обед был сервирован в "Бретани",— кивнул Дюбуа.— Я совершенно согласен, что Фаркуар был там недавно. Но что из этого? Он хороший художник, он изучает Францию, а "Бретань" всегда полна художников.

— Да, но вы не обратили внимание на очевидное. Взгляните на эти лица.— Он показал эскизы на обратной стороне меню.— Видите?

— Дьявол,— с удивлением обнаружил Дюбуа.

— Как сказать. Оперный дьявол. Обычные Мефистофели. Ассоциируется у мистера Фаркуара с "Бретанью".

— Мой дорогой Форчен!— Большое лицо Дюбуа расплылось в улыбке.— Вы очень хитрый. Что же касается меню, то я считаю, что этого слишком мало. Он рисует дьяволов в общественном месте — вы считаете, что это оперные дьяволы — дьяволов и хорошеньких женщин. Он часто рисовал женщин, вы это знаете. А теперь он нарисовал обычных дьяволов.

— Вы строгий критик,— пробормотал Реджи.— Вы болшой рационалист, Дюбуа. У Веберов есть связи с "Бретанью"?

— О, мой друг!— Дюбуа снисходительно улыбнулся.— Никаких. Они из Парижа выезжают в Монте-Карло, в Окс, но не в "Бретань", можете быть уверены. Прошу прощения, но я не нашел в вашем меню ничего, о чем стоило бы поразмыслить. Я должен найти Фаркуара здесь.— Он печально покачал головой.— Я знаю, что вы не согласны.— Он повернулся к Ломасу.— Но ведь это единственный путь?

— Другого пути вообще нет,— с удовлетворением сказал Ломас.— Не позволяйте Форчену сбивать вас с толку. Он увидит сам, что не прав. Удивительное воображение.

— Моя единственная тетя!— простонал Реджи.— Но у меня вообще нет воображения. Простая вера в факты. Вы игнорируете их, потому что они не рациональны, не научны и сверхъестественны. Пожалуйста, делайте вид, что их не существует, и посмотрим, что у вас получится. Идите своей дорогой.

— Она единственная,— Дюбуа пожал плечами.

— Совершенно верно. Форчен никогда не довольствуется достиг-

нутым. Мы должны работать здесь. Я подготовил все для вас. У нас есть фото Фаркуара. Мы разослали его, описание и обычные предупреждения насчет драгоценностей. Проверим его друзей и места, которые он посещал.

— Это разрушит мои предположения, но что я могу сделать?— пробормотал Реджи.— Ребенок плачет по ночам. Ребенок плачет без света... Ну, хорошо. Мы без сердца? Да. Немного арманьяка не повредит нам. — Он налил Дюбуа и себе ликера, а Ломас с олимпийским спокойствием налил себе виски с содовой.

Провожая Дюбуа, он заметил:

— Фанатичный парень Форчен, не так ли?— Ломас улыбнулся.— У него на первом месте ум, но он никогда не использует его до конца.

— Он мастер, мой друг,— ответил Дюбуа.— Большой мастер. Он чувствует жизнь. Подумайте об этом.

— Проклятье! Неужели вы допускаете, что он прав в своем предположении?

— Откуда я знаю?— Дюбуа пожал плечами.— Собранные факты ни о чем не говорят. Однако, должен признаться, что мистер Форчен привел вас в замешательство. Он всегда вносит сомнение.

Узнав об этом, Реджи признал сказанное самым лучшим комплиментом, когда-либо слышанным им. Несколько дней спустя, когда он был занят в своем театре марионеток постановкой трагедии "Дон Жуан" на стихи лорда Байрона, прозу и музыку мистера Форчена, телефонный звонок отвлек его от этого занятия.

— Да, это Форчен. "Между двумя мирами жизнь проходит, как звезда". Возможно, этого вы не знаете, Ломас. "Как мало мы знаем, кто мы". Стихи покойного лорда Байрона. Песенка департамента уголовных расследований...

— Может быть, вы выслушаете меня?— мягко спросил Ломас.— Это может вас заинтересовать.

— Не думаю... Однако, что вас беспокоит?

— Ничего, кроме симпатии к вам, Реджинальд. Боюсь, что вам придется страдать. Мы выследили Фаркуара. Но не в "Бретани", Реджинальд.

— Нет, конечно, нет,— покорно согласился Реджи. — Не пытайтесь меня уверить. Я не желаю слушать, как вы его упустили. Это займет слишком много времени.

Он услышал смех.

— А если вы неправы, Реджинальд? Нет, это оказался другой парень. Но самое плохое в том, что Фаркуара нет в "Бретани". Он в Вестшире. Это единственное место, где мы можем его найти. Но там мы ограничены в действиях.

— Да-да. Это грубо, но верно. Вы неуклюжи, впрочем, иногда похожи на кошек. Что же он говорит?

— Я не знаю. Мы пока его не взяли. Мы... Что?

— Простите меня. Это действительно эмоции. Благоговейное рыдание. О, мой Ломас! Вы нашли единственное место, где его можно найти, но не нашли. Значит, результатов пока нет.

— Результаты вполне удовлетворительные,— не выдержав, рявк-

[illegible] — Мы имеем полную идентификацию. Он [illegible] и снова удрал. Но мы, несомненно, идем по его следу. Мы найдем его. Белл с Дюбуа и нашими людьми прочесывают весь город.

— Великолепно. Надо всегда закрывать дверь конюшни, после того как лошадь ускакала. Я тоже присоединюсь к вам. Я люблю наблюдать такие операции. Это поднимает мое доверие к полиции.

Когда луна взошла над морем, машина Реджи появилась в [illegible]. Это был роскошный город, но виллы и отели выглядели, как оскорбление природе и не могли соперничать со скалами и пещерами. Реджи увидел скучные типичные здания, освещенные луной, и море, пенившееся у берегов. Он направился в отель, принял ванну, [illegible] поужинал, потом вышел на балкон и закурил трубку. Воздух пах морем и хризантемами. Дюбуа с Беллом вошли к нему в номер.

— Ага,— воскликнул Дюбуа.— Все-таки вы приехали сюда, а не в Бретань, мой друг?

— Нет, нет. Следую за вашей мыслью. У меня смиренный нрав. А что здесь делается?

— Мы напали на след Фаркуара, в этом нет сомнения. Он зарегистрировался в отеле под собственным именем и многие узнали его по фотографии. Его физиономию легко запомнить, он похож на кролика.

— С идентификацией все в порядке,— заверил Белл.— Плохо, что он снова исчез, мистер Форчен. Исчез мгновенно, оставив всех с носом. В отеле жаловались, что он не заплатил по счету. Он прожил там десять дней и уехал, не рассчитавшись, а в багаже нет ничего ценного, какие-то лохмотья.

— О! Нет, нет!— закричал Реджи.— Я не хочу больше разглядывать это тряпье.

— Я не прошу вас об этом, сэр. Нет оснований думать, что мы найдем что-либо. Он вышел три дня назад и не вернулся. Я не знаю, что он здесь делал. Вы можете предполагать, что он притаился где-то здесь со своей парижской добычей. Но тогда почему он зарегистрировался под собственным именем? Выходит, он глупый осел? Вор-любитель? Но он же прячется. Почему он удрал? Он же не мог подозревать, что мы его ищем.

— Мой друг, вы очень торопитесь,— остановил его Дюбуа. — Он не должен был нас опасаться. Но нельзя забывать о Париже. Возможно, парижские друзья предупредили, что его ищет полиция.

— Хорошо,— согласился Белл.— Допустим. Почему же он не оплачивал счета? Снова явная глупость. У него достаточно денег, раз он завладел этими драгоценностями. Правда, он не может расплатиться ими, не привлекая внимания полиции.

— Согласен. Все правильно, мой друг,— мягко заметил Дюбуа.— Но что мы имеем? Естественно, что Фаркуар будет снова исчезать, но вряд ли он будет исчезать подобным образом. Признаюсь, что я не в состоянии осмыслить поведение Фаркуара. Он из тех подонков, что способны ограбить такую женщину, как Клотильда. Это доказано. Он знал о ее доходах, и ему подвернулся удобный случай. Тысячи подобных

...дят через нас. Но устроить себе райскую жизнь он не сможет. Он на это не способен.

— Это верно,— кивнул Белл.— Это на него не похоже.

— Нет. Как вы сказали?— пробормотал Реджи.— Это поразило меня. Счастлив согласиться с вами. Мне ничего не известно об этом.

— Черт возьми. Вы слишком далеко заходите,— нахмурился Дюбуа.— Он пришел, чтобы повидать Клотильду. И вот ее драгоценности исчезли. Будьте уверены в этом. Вебер — честный человек, если не брать во внимание его бизнес. А какова ваша гипотеза? Вы сказали, что его следует искать в "Бретани", вы это утверждали, но его там нет. Какого черта ему делать в этом Линкомбе? Так же он может обойтись и без "Бретани".

— Да. Очень мрачно. У меня нет объяснения его действиям. Однако, вы упали духом? Нет? Теперь мы дошли до основного вопроса. Что связывает Фаркуара с "Бретанью", Клотильдой и Линкомбом? Сначала надо узнать, что он делал в Линкомбе. Это легко выяснить, Белл. Его должны были видеть. Он наверняка вызвал подозрения. Спокойной ночи.

На следующий день он сидел на том же балконе и пил чай с лепешками и ежевичным вареньем, когда эти двое снова явились к нему.

— Ну что, вы не сдвинулись с места?— весело спросил Дюбуа.

— Мой дорогой! Я только что прошелся вдоль бухточек. И вернулся. Это упражнение для нетерпеливого и раздражительного ума. Советую вам сделать то же.

— Брр!— Дюбуа вздрогнул.— Вы удивительное животное. А я, признаюсь, простой человек. Но у Белла есть для вас новости. Расскажите ему, старина.

— Дело вот в чем,— начал Белл.— Около недели назад — за три или четыре дня до его исчезновения — Фаркуар заходил в один из особняков. В этом нет сомнений. Ситуация напоминает парижское дело. Он вертелся возле дома. А он из тех людей, которых, как вы сказали, нельзя не заметить. Этот дом принадлежит старому джентльмену, мистеру Лейну Гудсону. Он живет там несколько лет. Говорят, он очень богат. Сделал деньги в Южном Уэльсе; выйдя в отставку, приехал сюда. Ему восемьдесят лет или чуть больше. Он наполовину парализован и разъезжает по дому в инвалидном кресле. Я видел его, и даже разговаривал с ним. Заверяю вас, он в здравом уме. Выглядит, как мумия, впрочем, чуть полнее. Лицо обтянуто желтой кожей. Сидит в кресле и ни на что не реагирует. Говорит мягким высоким голосом. Он утверждает, что никогда не слышал о Фаркуаре, к нему никто не приходил, так как слугам приказано, чтобы к нему никого не допускали. Я не осуждаю его. На его месте я тоже не стал бы впускать в дом незнакомцев. Я рассказал ему о Фаркуаре, но у него не дрогнул ни один мускул. Он снова повторил, что не знает такого человека, и я поверил ему. Он не заинтересовался. Он предположил, что парень, вероятно, ходит выпрашивать деньги. Старый камердинер и сиделка раньше ничего не слышали о Фаркуаре. Камердинер вышел на его звонок и тотчас прогнал. Парень был похож на нищего бродягу. Вот и все.

— Да. Странно. Этот развратный Фаркуар хочет проникнуть к парализованному старику, который никогда о нем не слышал. Любопытный выбор у нашего Фаркуара. Хорошенькая парижская дамочка, вышедшая замуж за состоятельного человека. Богатый, но беспомощный старик, находящийся на краю могилы. И никто из них не видел Фаркуара и ничего о нем не слышал. Очень странно.— Реджи меланхолично посмотрел на Дюбуа. — Вы себе представляете? Этот человек стучит, а беспомощная мумия сидит наверху в кресле.

— Черт возьми!— воскликнул Дюбуа.— Кошмарная картина. Такое можно увидеть лишь в страшном сне. Но это ничего не значит.

— Для нас не значит. Но это случилось. Следовательно, есть причина. Мистер Лейн Гудсон живет один? Кроме слуг, у него никого нет?

— Никого,— кивнул Белл.— Он давно овдовел. Единственный ребенок — дочь, у которой есть сын. Дочь второй раз замужем. Первого мужа звали Треси, ее новый муж — мистер Бернал. Сын от первого брака. Других детей нет.

— Вы хорошо потрудились, Белл,— улыбнулся Реджи.

— Я сделал все, что мог,— с мрачным удовлетворением проронил Белл.— Но что делать дальше, я не знаю. Берналы регулярно приезжают сюда без ребенка. Они останавливаются у отца. Кстати, они были здесь, когда приходил Фаркуар. Обычный осенний визит. Оставались до среды и уехали за день до исчезновения Фаркуара. Фаркуар не спрашивал Берналов, да и они его не видели, так говорят слуги. Вот и все. Берналы здесь ни причем.

— Да, хорошая работа,— пробормотал Реджи.

— Что вы еще хотите?— Дюбуа пожал плечами.— Наш единственный метод — собирать сведения, а вы его не признаете. Это кропотливая работа, мой друг. Мы собираем факты, факты и факты; если нам повезет, мы получим 99 из 100 и, наконец, используем их.

— Да, да,— пробормотал Реджи.— Где живут Берналы, Белл?

— Во Франции,— равнодушно ответил Белл, а Реджи широко открыл глаза.

— Ага.— Дюбуа скорчил гримасу и ткнул в него большим пальцем.— Вот, мой друг. Это и есть главный факт, не так ли? Во Франции! И "Бретань" во Франции. Но, увы, мой дорогой Форчен, они не живут в Бретани. Они живут от нее очень далеко, на юге, около Кани. Когда они поселились там? Как только поженились? А?— Он повернулся к Беллу.

— Верно,— усмехнулся Белл.— Эта дама уехала отсюда вместе с первым мужем. Он жил на юге Франции со времен войны.

— Вы понимаете?—улыбнулся Дюбуа.— Пока это бесполезное знание. И ваш призрак Бретани пока не существует.

— Удивительно,— пробормотал Реджи, уютно устроившись в кресле, и неожиданно заснул...

Он сделал свое дело, хоть и без особой пользы. Ночью он проверил некоторые версии, объясняющие поведение Фаркуара, но ничего ценного выяснить не удалось. Он заставил Белла узнать адрес виллы Берналов и место, где они находятся сейчас. Но найти удалось

только их каннский адрес и выяснить, что из дома они отправились на машине. Дюбуа он просил послать телеграмму в Канны и узнать, заперта ли их вилла. Ответ гласил, что месье и мадам уехали, а их мальчик в школе. В какой школе — никто не знал.

— Что еще делать? — с готовностью спросил Дюбуа.

— Только не ночью, — зевнул Реджи. — Я иду спать.

— Чтобы увидеть во сне Бретань?

— Я сплю без сновидений, — возмущенно оборвал его Реджи.

Но ночью его разбудили. Он открыл глаза и различил над собой большое лицо Дюбуа.

— О, моя шляпа! — пробормотал он. — В чем дело? Почему вы не хотите подождать?

— Мужайтесь, мой друг. Они нашли его. Наконец-то можно предполагать, что это он. Несколько рыбаков вчера вечером ловили рыбу и вытащили на скалы тело. Это произошло в местечке, которое они называют Граннис Кейв. Пойдемте-ка. Храбрый Белл хочет все увидеть сам.

— Будь он проклят! — прорычал Реджи и перевернулся на другой бок. — Ну что это за жизнь? Я вас спрашиваю. — Он нехотя стал одеваться. — Три рыбака вышли на запад под парусами и вернулись, когда солнце зашло. Они фантастическим образом выловили этого несуразного Фаркуара.

— Вы правы, — кивнул Дюбуа. — Все в тумане, ничего определенного. Все меняется, все запутано, все призрачно.

— Еще не все ясно, — бормотал Реджи, причесываясь. — Мы еще недостаточно умны. Мы должны изложить все случившееся так же, как описывают возраст ископаемых насекомых. Да , борьба за существование — вот как можно назвать то, чем занимаются Фаркуар и его друзья. Прогресс, Дюбуа.

— Черт возьми! — воскликнул Дюбуа. — Когда вы философствуете, мой желудок выворачивает наизнанку. О чем вы думаете?

— Чувство бессилия. Очень неуютное чувство, — горько вздохнул Реджи.

В морге Белл подвел их к телу, покрытому простыней.

— Вот, сэр, — указал он. — Одежда похожа на лохмотья Фаркуара. Оранжевая твидовая куртка и зеленые фланелевые брюки. Но я не знаю этого человека.

Реджи сдвинул простыню с лица.

— Боже мой! — простонал он. — Рыбы съели...

— Ну, я оставлю вас, — тонким голосом беспомощно пролепетал Белл.

Под легким ветерком море ярко искрилось в солнечных лучах, когда Реджи вернулся в отель с прогулки. Он побрился, принял ванну и позвонил в полицию. Когда пришли Белл и Дюбуа, они нашли его в комнате, где он ел копченный окорок и яйца.

— Завидую, — признался Дюбуа. — Какое величие! Английский гений велик?

— О, нет, нет, — запротестовал Реджи. — Это естественно для человека.

Труп — это все, что осталось от мистера Фаркуара. Передние зубы повреждены раками. Да. Но кое-что сохранилось: волосы, тело и так далее. Мистер Фаркуар мок в воде три или четыре дня. Сравните с датой исчезновения. Причина смерти — утопление. Возможно, упал сам, возможно, ему в этом помогли. Может быть, свалился со скалы. Наверняка сказать трудно.

— Говорите!— воскликнул Дюбуа.— Мы снова ни с чем. Ничего определенного для нас. Тут и убийство, и самоубийство, и несчастный случай. Все, что хотите.

— Удивительно,— задумчиво произнес Реджи и откусил яблоко.— В карманах что-нибудь было, Белл?

— Немного денег, сэр. Больше ничего. Они промокли, но целы. Банкноты по пятьдесят фунтов. Всего пятьсот или шестьсот фунтов. Его не ограбили.

— Вот как?— спросил Дюбуа.— А драгоценности Клотильды? И объясните мне, ради бога, какого черта он стоял у двери парализованного миллионера? Нет, решительно ничего не могу понять.

— Вы же сказали, что пока собираете факты. — Реджи посмотрел на Дюбуа.— Но ведь мы для этого и приехали. Вам не кажется, что это очень полезное место? Пока мы здесь, надо постараться получить как можно больше фактов. Используйте местные таланты. Белл, ваши рыбаки могут точно указать место, где должен был упасть в море Фаркуар, чтобы его принесло в Граннис Кейв?

— Ага!— Белл был доволен.— Я спрашивал об этом, сэр. Они говорят, что если он попал в море с берега, то это скорее всего возле Шан Ноуз — утеса к западу от города. Мои люди уже там.

— Да, да,— пробормотал Реджи.— А это далеко?

— Около двух километров отсюда.

— О, мой Белл!— простонал Реджи. Он встал.— Поехали сейчас же туда.

Шан Ноуз — оказался мысом, который выдавался далеко в море. Вокруг были скалы, поднимавшиеся прямо из воды. На вершине росли деревья.

— Брр. Холодно,— зябко поежился Дюбуа.— Скажите мне, зачем Фаркуар пришел сюда? Вы говорите, его никто не видел? А ведь здесь человек заметен со всех сторон.

— Разве вы не знаете ответа?— спросил Реджи.

— Знаю. Он пришел тайно встретиться с кем-то, кто страстно желал его смерти. Отлично. Но кто это был? Не парализованный же старик. И не его зять. Ведь тот уехал до исчезновения Фаркуара.

— Это верно. Я проверял,— усмехнулся Белл.— Бернал и его жена покинули город днем раньше.

— Снова тупик.— Дюбуа пожал плечами.— Ничего определенного. Конечно, их алиби еще нужно проверить. Они сели в машину, а затем могли вернуться незамеченными. Но из этого ничего не следует, дорогой Белл.

— Трудное дело,— пробормотал Реджи.— Однако, возможности еще не исчерпаны. Вы обратили внимание, что Линкомб находится на побе-

реже. Я не удивлюсь, если окажется, что к Фаркуару из Франции прибыл какой-нибудь катер.

Дюбуа засмеялся и хлопнул его по плечу.

— Великолепно! Какая непоколебимая уверенность, мой друг. Всегда блестящие идеи. Катер из Бретани, а? Все решено. К Фаркуару приехали из Бретани, чтобы здесь ухлопать. А парализованный миллионер — это только отвлекающий маневр.

— Бросьте, это не развлечение,— простонал Реджи.— Вы всегда торопитесь, Белл. Местные таланты говорили что-нибудь о приливе? В какое время поднялась вода в ночь исчезновения Фаркуара?

— Утром, сэр. Прилив начинается в три часа утра.

— Понятно. В это время рифы покрываются водой. Видимо, еще до рассвета он пришел сюда и в утренних сумерках упал со скалы.

— Хорошо. Допустим, что он мог упасть со скалы. Я уже отправил вниз пару людей, чтобы они обыскали это место.

— Отлично,— улыбнулся Реджи и подошел к краю утеса.

— Да, вы поступили правильно,— заметил Дюбуа и пожал плечами. Я сделал бы то же самое, но надеяться не на что. Мы прибыли слишком поздно.

Реджи повернулся и посмотрел на него.

— Я знаю,— сокрушенно признался он.— Этого я и боялся.— Он прошелся взад и вперед по утесу, но не нашел ничего, заслуживающего внимания. Потом он направился к другому его краю. Вверх по утесу из ближайшей расщелины карабкались двое мужчин.

— Клянусь трубкой!— воскликнул Дюбуа.— Может быть, нам повезет, наконец?

— Нет,— взволнованно промолвил Реджи.— Это не везение, а вознаграждение за добродетель. Награда за труд, Белл.

Тяжело дышавший полисмен влез на вершину утеса с мокрой книгой.

— Это единственное, что нашли внизу, сэр,— доложил он.— Больше ничего нет.

Белл протянул ее Реджи. Это был блокнот для эскизов карманного формата. На первом листе красовалась яркая подпись Фаркуара.

— Ага,— радостно вскрикнул Белл.— Блокнот выпал из кармана, когда он падал с утеса.

— Допустим.— Дюбуа пожал плечами.— Мы без конца предполагаем, но толком ничего не знаем.

Реджи сел на землю и стал старательно разлеплять мокрые листы. Фаркуар делал наброски карандашом. Мелькали лица и фигуры, страшные сцены, пьяная девушка, неприличные танцевальные позы, различные непристойные наброски. Затем была целая процессия мужчин и женщин на пляже.

— Ага! Наконец-то здесь кое-что есть!— воскликнул Дюбуа.

— Да, я тоже так думаю,— пробормотал Реджи и перевернул страницу. На следующем листе они увидели фигуры танцующих мальчиков и девочек. Изображение было безжалостно и гротескно. Они танцевали вокруг гигантской статуи, являвшей собой толстенную бабу с

...ческим глупым лицом. Детские обнаженные тела были украшены лентами, брасками и ожерельями.

— Какая-то чертовщина,— в недоумении пробормотал Дюбуа.— Странно! Это животное довольно талантливо.

Реджи не ответил. Несколько мгновений он, как завороженный, разглядывал детей и статую, потом вздрогнул и перевернул страницу. На ней были сделаны наброски нескольких лиц, сатирическое изображение жителей Линкомба, сатиры и нимфы. Реджи снова вернулся к изображению детей вокруг статуи и принялся ее разглядывать. Лицо его побледнело.— Да, у Фаркуара несомненно был талант,— заключил он.— Всю жизнь рисовал дьяволов. Какой самый быстрый путь в Бретань? Через Лондон и Париж на самолете? Поехали.

Дюбуа размахивал руками и возмущался.

— Что? Почему вам снова пришла мысль о Бретани?

— Статуя!— рявкнул Реджи.— Такие статуи характерны для Бретани. Больше их нигде нет. Это не его воображение. Он видел ее. Для него она что-то значит. Более того, я уверен, что и детей он писал с натуры.

— Для меня это непостижимо,— вздохнул Дюбуа.— Вы говорите о статуе в Бретани? Это значит, что статуя находится среди дольменов. Примитивные божества. Дьявол! Я не знал, что наш Фаркуар интересуется божествами. Удивительно, что он изучал их. А дети? Я готов поклясться, что он не любил детей.

— Нет. Он их рисовал. Ему было приятно думать, что они танцуют вокруг этого варварского изваяния.

— Допустим,— согласился Дюбуа.— Лишь дьявол был способен запечатлеть эту сцену.

— Да. Дьявольщина. Но может нам помочь, потому что этот дегенерат был талантлив.

— Оптимист. Пусть будет так. Однако что могут означать эти рисунки?

— Понятия не имею,— пробормотал Реджи.— Место, которое занимали дети в жизни Фаркуара, не совсем ясно. Единственный след, известный нам, заключается в том, что у Берналов есть ребенок. Но вывод сделать трудно. Я еду в Бретань. Я проверю все, что может быть связано с этой статуей. А Белл тем временем должен найти французский катер, который был в Линкомбе. Вам же лучше послать своих людей и найти Берналов и их ребенка. У Веберов есть дети?

— Нет,— засмеялся Дюбуа.— Красавица Клотильда не способна на это.

— Жалко. Однако, вы должны показать мне Веберов, когда я буду в Париже.

— С удовольствием,— отозвался Дюбуа.— Командуйте мною, мой друг! Я могу разобраться в этом деле и отдаю себя в ваши руки.— Он состроил гримасу.— Ничего другого мне не остается. Для такого расследования нужно вдохновение. У меня его нет.

— И у меня тоже,— вздохнул Реджи.— Моя единственная тетя! Вдохновение! У меня его нет. Я верю доказательствам. Это все. Вам же придется подчиниться...

На следующий день они сидели в гостиной Веберов. Их подавляла обстановка времен Второй империи — зеркала и позолота, мрамор, малахит и ляпис-лазурь. Да и Веберы, вошедшие под руку с важным видом, были великолепны. Клотильда облачилась в черное платье и не надела никаких украшений. Вебер тоже был в черном. Они тепло приветствовали Дюбуа и заговорили наперебой. Что он им скажет? Они слышали, что труп Фаркуара был найден в Англии. Нашли ли их драгоценности?

Дюбуа не мог сообщить им ничего интересного. У Фаркуара были только деньги. Жалко. Клотильда взмахнула руками, а Вебер выругался. Дюбуа выразил сожаление. Но что делать? Они должны согласиться, что полиция очень быстро напала на след Фаркуара. Они определенно должны благодарить его коллегу из Англии. В ответ на эти слова последовали поклоны. Что известно английской полиции и почему они явились к Веберам?

В ответах Веберов сквозило презрение. Что толку задавать вопросы? Нет уж, истории про воров их не интересуют. Воры умеют прятать украденное. Это всем известно. У Вебера на лице появилась глупая ухмылка. Его жена тоже улыбнулась.

— Будьте уверены,— поклонился Дюбуа.— Вы все знаете, мсье и мадам. Но, по-видимому, не обо всем рассказываете.

Они пришли в смятение. Их не интересовала жалкая жизнь других.

— О, нет,— быстро пробормотал Реджи.— Но в деловом мире,— он посмотрел на Вебера,— или в театральном,— он перевел взгляд на Клотильду,— этот парень мог попасться на вашем пути. Что?

Он попал в точку. Они поспешно согласились, что такая вещь была возможна. Что сказать? Они болтали о пустяках и ни о чем существенном.

Под жалобным взглядом Реджи Дюбуа поспешил откланяться.

— Ну вот и посмотрели на них,— заключил Дюбуа, когда они вышли на улицу. Он пожал плечами.— Если в них и есть что-то необыкновенное, то признаюсь, я не заметил.

Реджи взглянул на него с упреком.

— Они в трауре,— вдруг сообразил он.— Вы не говорили мне об этом. В прошлый ваш визит они тоже были в трауре?

— Да,— Дюбуа нахмурился.— Да, конечно. В чем дело? Вы думаете, они носят траур по этой скотине Фаркуару?

— Мой дорогой! О, дорогой мой!— Реджи вздохнул.— Узнайте, почему они в трауре. Быстрее. Только быстрее. До свидания. Встретимся на вокзале...

Ночной экспресс до Нанта и Квимпера отходил от Парижа. Они молча обедали. Потом вернулись в купе.

— Ну, свое дело я сделал,— сказал Дюбуа.— У Веберов траур по племяннику. Ребенку было десять лет, когда Вебер сделал его наследником. Это сын его сестры.

— Ребенок,— воскликнул Реджи.— Отчего он умер?

— О, мой друг, это случилось не в Бретани,— усмехнулся Дюбуа.—

Он умер в Фонтенбло в августе, от дифтерита. У них были лучшие парижские врачи. Вот и все. Мы снова ни с чем.

— Удивительно,— пробормотал Реджи.— А какие новости насчет Берналов?

— Они проехали через Турин, так мне сообщили. Если это были они, то ребенка с ними не было. Не бойтесь, за ними следят. Они не пропадут во Франции.

— Вы так думаете? Хорошо. Остается ребенок Берналов. Никто не знает, от чего он умрет, от дифтерита или от чего-либо другого. Над этим надо поработать. Поговорите с Гветом. Он занимается древнейшей историей. Он сказал, что Фаркуар нарисовал статую Женщины Сарна. Он узнал ее. Она находится на западе Франции. Гвет утверждает, что это очень таинственное место. И он не понимает, почему Фаркуар изобразил детей, танцующих вокруг нее. Люди говорят, что она — дьявол.

— Вы посмотрите на нее?— спросил Дюбуа.— Хорошая идея.

— Нет. Рациональный подход. Фаркуар, думая о ней, нарисовал детей. После этого один ребенок умер, а другого мы не можем найти, причем их родственники так или иначе связаны с Фаркуаром.

— Конец земли. Конец мира. Вы верите в себя, мистер Форчен, вы — идеалист. Хорошо, я последую за вами. Бедный старый Дюбуа — Санчо Пансо со своим Дон Кихотом, а?..

Ранним утром они сошли с поезда на станции, расположенной возле океана. Это был Квимпер. Они пошли завтракать.

— Дон Кихот — сам себе хозяин, и Санчо лучше брать с него пример,— заметил Дюбуа.

— Да, да,— пробормотал Реджи с набитым ртом.— Вам лучше всего связаться с местными властями. Может быть, они помогут.

— Вы как всегда оптимист, мой Дон Кихот.

— Нет, нет, я проявляю осторожность. Но им ничего не говорите.

— Черт возьми! Но это необходимо. Надо их предупредить.

Через час они направились из Квимпера к берегу моря в небольшую рыбацкую деревушку на западе. Деревьев там не было, и только большие камни валялись кругом.

— Брр,— поежился Дюбуа.— Если эти камни стояли на могилах, то сколько же здесь покойников!

Машина остановилась. Дальше дорога обрывалась. Перед ними выросла гигантская Женщина Сарна. Они подошли поближе к статуе.

— Да, она внушительна,— тихо проговорил Дюбуа.— Вы заметили, здесь совсем нет деревьев.

— Сарн находится неподалеку к югу,— сказал шофер.

Реджи посмотрел на статую.

— Есть надежда,— не так ли?— воодушевленно произнес он. Дюбуа подошел к нему.

— Мы нашли ее и что же? Идол пустыни.

Они подошли вплотную к статуе.

— Да, мы нашли ее.— Дюбуа пожал плечами.— Эту леди изобразил Фаркуар. Но, черт возьми, она хуже, чем на его рисунке. Она реаль-

... жестокая. Самое бесформенное сооружение на свете.

— Ужасно бесчеловечна,— пробормотал Реджи.— Жестокая жизнь. Он знал это, парень, нарисовавший ее. Да, ее нарисовал Фаркуар.

— Я вижу перед собой реальное изваяние и верю, что оно существует! Но неужели вы думаете, я поверю в то, что дети приходят танцевать вокруг этого чудовища? О, нет!

— Нет, нет. Этого никогда не было. В наше время, во всяком случае. Интересно, что Фаркуар считал это возможным. Очень интересно.— Реджи еще раз осмотрел статую и пошел в сторону вересковой пустоши.

Издали он увидел крошечную деревушку Сарн, приютившуюся возле скалы. Чуть выше виднелся маленький белый домик.

Когда Реджи вернулся к Дюбуа, лицо его выражало безмятежность.

— Ну и ну,— лениво протянул он.— Пустыня небезлюдна. Кто-то живет там. Надо посмотреть.

Они направились к домику. По мере приближения они все более убеждались, что это современное сооружение, сохраняющее простые пропорции. Окон было больше, чем стен, и место под дом было выбрано удачно. Домик стоял на маленьком выступе чуть ниже вершины холма и весь освещался солнцем.

— Еще чье-то безобразие,— заметил Дюбуа.— Чья-то прихоть. Это скорее санаторий, чем жилой дом.

— Все возможно,— согласился Реджи.

Они подошли к дому, который был обнесен невысоким забором. Был здесь и небольшой сад, но большая часть двора была покрыта навесом с чем-то вроде эстрады посредине. Реджи молча смотрел по сторонам. Кругом не было ни души. В окнах ничего не было видно, хотя они были без занавесок.

— Джаз не играет,— усмехнулся Дюбуа.— Сейчас не сезон.

Реджи не ответил. Его глаза были прикованы к окну, в котором отражалось солнце. Он издал неопределенный звук и пошел к дому. Но и там они никого не встретили.

Внизу виднелась бухта и чудесный песчаный берег. На песке играли дети: одни строили из песка замки, другие — весело гонялись друг за другом. На возвышении сидел разомлевший на солнышке мужчина и наблюдал за ними. Это его бородатое лицо с черными мохнатыми бровями было изображено Фаркуаром на обороте меню. Человек добродушно наблюдал за детьми и, казалось, ничем больше не интересовался. Иногда он ласково окликал их и они весело отзывались. Он с удовольствием смеялся с ними, составляя часть их безмятежного существования.

Реджи взял Дюбуа за руку и отвел в сторону.

— О, мой бедный друг,— усмехнулся Дюбуа.— Мы наконец-то достигли цели. Мы обнаружили жестокое божество и нашли детей. Мы даже встретили дьявола, нарисованного Фаркуаром. Очень милый человек! И дети любят его. О, мой бедный друг!

— Да. Смешно, не правда ли?— рявкнул Реджи.— Проклятый смех. Вы все сказали? Тогда бог простит нас, который не прощает.

Дюбуа посмотрел на него непонимающим взглядом. Сомнение, насмешка, какой-то благоговейный страх мелькнули в его глазах.

— Когда вы так говорите,— он пожал плечами,— мне делается не по себе. Вдохновение веры.

— Вера, которую принимает мир. Все!— страстно произнес Реджи.— Идем.

— Куда?

— В деревню.

Вскоре показались коттеджи Сарна, затем до них донесся запах рыбы и отбросов. Женщины стучали сабо и были очень озабочены. Мужчины валялись на берегу. Несколько небольших старых лодок стояли на якоре в бухте. Среди них была одна большая лодка с мотором.

Они нашли грязное маленькое кафе и получили пару бутылок безымянного красного вина. Хозяин уверял,что оно выдержанное и отменное, что оказалось правдой.

— Самое лучшее вино в мире,— с удовольствием заметил Дюбуа.— Вы снова правы. Кальвадос нам не повредит, мой друг. Это очень гуманно.

Хозяин говорил мало и производил впечатление пессимиста. Даже пропустив несколько рюмок кальвадоса, он предпочел беседовать о трудностях жизни, о бедности Сарна и стоимости сардин. Реджи сразу же с ним согласился: да, жизнь тяжела. Потом, однако, добавил, что у них в Сарне хорошие лодки и есть даже моторные. Хозяин принялся убеждать, что мотор только на одной лодке — на "Бадебеке" — и что этот катер вовсе не рыбачий, а принадлежит мсье Давиду.

— Вот как?— Реджи зевнул и закурил трубку. Он задумчиво посмотрел в окно, выходящее на улицу, где неподалеку возвышалась церковь. Рядом с ней стоял толстый и убогий кюре. В руке он держал зонтик, не то от ветра, не то от солнца.

— Нам повезло, мой друг,— пробормотал Реджи, когда Дюбуа расплатился по счету.

Возле входа в церковь он догнал кюре. Позволит ли он осмотреть эту интересную церковь? Кюре, конечно, разрешил, но заметил, что в ней нет ничего интересного: церковь новая и, увы, очень бедная.

Однако с гордостью показывал ее Реджи, а тот внимательно слушал каждое его слово. Затем похвалил его заботу о церкви.

— Вы очень добры, сэр,— воскликнул кюре.— Но это правда. Моя паства благочестива. Но все крайне бедны.

— Вы позволите чужестранцу... — Реджи достал банкноту и вложил ее в руки кюре.

— О, мсье! Вы благородный человек. Вас вознаградит Господь.

— О, не волнуйтесь об этом,— быстро проговорил Реджи. Они вышли из церкви.— Мне кажется, это самое забытое богом место во Франции.

— Иногда мне кажется, что мы тоже всеми забыты,— согласился кюре.— Да, забытое. Мы все бедны. Только один мсье Давид иногда заботится о нас.

—Приезжий?— спросил Реджи.

— О, нет. Он живет в Мэзон дез Иль. Вы знаете? Нет? Это школа для детей. Роскошная школа. Мсье Давид добрый человек. Иногда он помогает бедным детям. Я видел чудеса, не сомневайтесь. Здесь, в Сарне, самый лучший в мире воздух. Да, мсье Давид бесконечно добр. Он называет свою школу "островом", посмотрите, действительно остров.— Кюре указал на скалу.— Мои люди окрестили это место "благословенный остров". С религиозной точки зрения это не очень хорошо, но они — невинные души. Да, Мэзон дез Иль — это школа. Посмотрите, сэр. Там очаровательные дети.

— Если у меня будет время,— вежливо согласился Реджи и попрощался с кюре.

Дюбуа был у ворот. Он взял его за руку и отвел в сторону.

— Мой друг, вы убедили меня... — Он зашептал Реджи на ухо.— Послушайте, что я узнал. Моторная яхта принадлежит мсье Давиду. Она выходила в море десять дней назад. И мсье Давид был на ее борту. Понимаете? Возможно, она отправлялась в Англию. Вот так плод ваших фантазий! Мсье Давид был в Англии и Фаркуар его там видел. Отсюда и его рисунки. Кажется, мы наконец-то напали на след, не так ли?

— Возможно. Мсье Давид содержит школу. Это не эстрада, а класс для занятий музыкой на открытом воздухе. Мсье Давид очень добр. Он использует свою прекрасную школу для лечения детей бедняков. Он творит чудеса. Старый кюре видел их.

— Дьявол,— вспомнил Дюбуа.— Тогда это вообще нам не подходит. Священник мог видеть чудеса, это его профессия.

— О, нет, нет. Едва ли они происходят,— пробормотал Реджи.

— Мой друг, вы верите во все больше, чем любой другой человек, которого я когда-либо встречал,— признался Дюбуа.— Пойдемте, я должен побольше узнать об этом Давиде. Чем скорее мы вернемся в Квимпер, тем лучше.

— Да-да. Квимпер и телефон.— Он остановился и беспомощно взглянул на Дюбуа.— О, моя шляпа! Как я ненавижу эти телефоны!

Дюбуа не был консерватором, поэтому весь вечер провел за телефоном, обзвонив Лондон, Париж и почти всю Францию. Когда он вернулся в комнату Реджи, тот уже лежал в постели, разморенный горячей ванной.

— Уже лучше,— заметил Дюбуа.— И вот первые результаты. Во-первых, я хвалю Белла. Он нашел ваш французский катер. Это моторный катер. Рыбаки Линкомба видели его на прошлой неделе. Они наблюдали за ним, опасаясь, что у них утащат омаров и рыбу. Они считают, что таковы привычки французских рыбаков. Катер был возле берега во вторник ночью, тогда и исчез Фаркуар. Утром катера уже не было. Они называют его "Бадбоу", но не уверены, что правильно. Разве это не похоже на "Бадебек", а? Кстати, что означает слово "Бадебек"?

— Так звали даму у Рабле,— пробормотал Реджи.— Это интересно. Обнаруживает вкусы мсье Давида.

— Ага, отлично. Мсье Давиду придется многое объяснить. Во-вторых,

у меня мсье Давид. Он известен, но против него ничего нет. Он считается ученым, биологом. Он был способным студентом тогда же, когда Фаркуар учился искусству в Латинском квартале. У Давида было мало денег, но он основал больницу для детей. Здесь четыре года назад он открыл школу для ослабленных детей. Каждый месяц врач из Квимпера проводит здесь медицинское обследование. А в-третьих, племянник Веберов до июля находился в этой школе. Он вернулся домой, в Париж, потом Веберы переехали в Фонтенбло и... — Дюбуа щелкнул пальцами.— Он умер. Несомненно, это был дифтерит. Молниеносный дифтерит, а?

— Мне нужно медицинское свидетельство,— пробормотал Реджи.

— Я запросил его. Однако, доктора выше подозрений, мой друг. В-четвертых, нашлись Берналы. Они в Дижоне. У них спрашивали насчет ребенка, и они ответили, что он в школе в Бретани. Школа мсье Давида, Мэзон дез Иль, Квимпер.

— Да, я предполагал это. Я знал это.

— Черт возьми! Я думаю, что вы всегда все знаете заранее.

— О, нет, нет, не сейчас,— пробормотал Реджи.— Однако нам пора поработать. Вы все удивительно хорошо проделали.

— Неплохо,— улыбнулся Дюбуа.— Мои способности пригодились.

— Да, это великолепно. Да. А моя голова не работает. Думаю, стоит еще раз сходить в музей.

— Мой дорогой друг,— снисходительно сказал Дюбуа,— а почему бы и нет? Дело понемногу проясняется.

— Спасибо. Да, интересный музей. Я нашел там человека, знающего местные легенды. Он рассказал мне, что детей приносили в жертву Женщине Сарна. Это именно то, что имел в виду Фаркуар. Думаю, что мсье Давид хорошо относится к детям.

— Так. Это объясняет одно и еще больше запутывает другое,— с досадой промолвил Дюбуа.— Несмотря на ваши слова, мсье Давид остается загадкой. Бедный старый Дюбуа попытается ее решить. Я держу под наблюдением всех — Веберов, Берналов. Теперь они от меня не скроются. И за мсье Давидом тоже следят. Завтра поедем и поговорим с ним, а?

— С удовольствием,— пробормотал Реджи.— А теперь вам лучше пойти и принять ванну. Она вам необходима. Мне же нужен обед.

Утром они отправились в Сарн. Вторая машина следовала за ними. Все вокруг было озарено ярким солнечным светом, но вскоре пелена дождя, поднимавшегося с моря, преградила им путь. Когда они приехали к Мэзон дез Илю, то увидели, что школу окутали тучи.

— Предзнаменование, а?— усмехнулся Дюбуа.— Наконец-то он почувствует беспокойство. Возможно, нам сегодня не повезет. Но мужайтесь, мой друг. Бедный старый Дюбуа находчив.

Одна машина подъехала к забору, а другая — осталась внизу. Когда Дюбуа отослал свою карточку мсье Давиду, их провели в комнату для посетителей. Долго ждать не пришлось, на пороге появился мсье Давид. Он был очень тщательно одет. Его полные красные губы растянулись в улыбке.

— Неудачное утро, джентльмены. Прошу прощения за погоду. Мсье Дюбуа?— Он поклонился.

— Из Сюрте,— отрекомендовался Дюбуа.— А это мой коллега из Англии.

Давид был польщен. Что он может сделать для них?

— Мы проводим небольшое расследование. У вас обучается мальчик Треси, сын мадам Бернал. Он здоров?

— О, да,— Давид кивнул.— Но разрешите мне узнать, почему это вас интересует?

— Потому что другой мальчик, который был здесь, умер. Маленький племянник мсье Вебера. Вы помните его?

— Очень хорошо. Он был очаровательным ребенком. Мне его очень жаль. Он заболел на каникулах. Это была трагедия для его семьи. Но причину его недуга следует искать не здесь. Здесь вообще нет ни болезней, ни инфекций. Я советую вам обратиться к доктору Ланниону в Квимпере. Он наш медицинский инспектор.

— Да,— я слышал,— пробормотал Реджи.— У вас уже были случаи, когда дети ездили домой на каникулы и умирали?

— Это жестокий вопрос!— воскликнул Давид.

— И вы не уверены в ответе?— спросил Дюбуа.

— Я протестую против инсинуаций,— хмуро заявил Давид.— Мне нечего скрывать. Невозможно же отвечать за каждого ребенка, который покидает мою школу. Но я откровенно скажу вам, что кроме племянника Вебера никто не умирал, насколько мне известно.

— Отлично. Тогда вы не станете протестовать против проверки ваших отчетов моим помощником,— заверил его Дюбуа. Он открыл окно, свистнул и помахал рукой.

— Хорошо. Я вам все принесу.— Давид поклонился.— Прошу прощения.— И он вышел из комнаты.

— Теперь, если нам повезет, он попытается удрать,— с видом заговорщика произнес Дюбуа.— Но это ему не поможет.

— Не думаю,— усомнился Реджи.

И Давид не убежал. Он вернулся и пригласил их в свой кабинет, где уже работал помощник Дюбуа.

— Вам нужна моя помощь?— спросил Давид.

— Нет, спасибо,— пробормотал Реджи.— Я хотел бы осмотреть вашу школу.

— Инспекция,— улыбнулся Давид.— Буду рад. Смею надеяться, что вам понравится.

Они заглянули в спальни, столовую, кухню, классы, лабораторию и мастерскую. Мсье Давид с волнением давал пояснения. Либо он был непревзойденным актером, либо глубоко интересовался и любил свое дело. Ничто не вызывало подозрений. В лаборатории Реджи задержался.

— Здесь все элементарно,— извинился Давид.— Но что мы можем сделать? Для некоторых — ботаника, для других — химия.

— Да, верно. Но я хотел бы увидеть другую лабораторию.

— Что?— удивился Давид.— У нас только одна.

— О, нет. В северной части дома есть другая, с большим микрос-копом,— настаивал на своем Реджи.

— О, ля-ля!— засмеялся Давид.— Вы обратили внимание на мою квартиру. Я польщен. Там моя берлога, и я понемногу изучаю морскую биологию. Я с удовольствием вам покажу. Но одну минуту, мне надо взять ключ. Понимаете, микроскоп приходится запирать. Боюсь, как бы эти чертенята не разбили его.— И он торопливо ушел.

— Черт возьми! Откуда вы узнали про другую лабораторию?— удивился Дюбуа.

— Вчера заметил микроскоп,— ответил Реджи.

— Черт возьми! Как вы могли его видеть? Но может быть сейчас нам повезет?

Они ждали довольно долго, и Дюбуа выглянул в окно. Он убедился, что, несмотря на дождь, его люди охраняют вход. Но Давид и на этот раз не убежал. Наконец он вошел в комнату и извинился за задержку. Потом пригласил их в "свою берлогу".

Жилище было без претензий. Несколько полок с бутылками. Рядом стоял открытый шкаф для посуды. Он был пуст. На широком столе у окна стоял отличный микроскоп, а возле него валялся всякий хлам.

Реджи осмотрел бутылки с химикатами и подошел к микроскопу.

— Иногда я работаю здесь,— улыбнулся Давид.— Временами попадается кое-что интересное.— Он настроил микроскоп и пригласил Реджи посмотреть.

— О, да. Диатомовая водоросль,— пробормотал Реджи.— Большое спасибо.— Взгляд, брошенный на Дюбуа, заставил того поторопиться уйти. Давид был разочарован, он надеялся, что они разделят с ним ленч. К тому же, джентльмен с книгами, возможно, не успеет закончить работу. Он ведь хотел провести полное и тщательное расследование.

— Я оставлю его здесь,— пообещал Дюбуа, и они вышли.— Опять ничего, мой друг?

— Нет. Очевидно только одно: он что-то выбросил из шкафа.

Когда их машина немного отъехала, им просигналил один из людей Дюбуа.

— Бувье задержал кого-то,— доложил он.

Они вышли из машины и последовали за ним. Войдя за дом, они увидели Бувье, который держал за шиворот угрюмого бретонца. На земле возле них лежал мешок.

— Он сказал, что здесь всякий хлам,— пояснил Бувье,— и хотел выбросить его в море. Но я помешал.

— Хорошо. Посмотрим,— и Дюбуа заглянул в мешок.— Черт возьми, здесь ничего нет, кроме разбитых стаканов.

Реджи быстро схватил его за руку.

— Дайте. Вы не должны этого трогать. Опасно.

— Почему? Что это? Здесь всего-то разбитые стаканы и какое-то желе.

— Да, да, вы правы. Разбитые стаканы и какое-то желе.— Реджи улыбнулся.— Это то, что нам нужно. Это содержимое шкафа. Я дол-

жен его исследовать. Сейчас я поеду в больницу, а вам лучше арестовать Давида и отвезти его в другой машине. До свидания...

Через двадцать четыре часа он явился в мрачное здание жандармерии Квимпера. За столом друг против друга сидели Дюбуа и Давид. Давид был бледен и чувствовал себя неутно. Дюбуа был взъерошен и зол. Он повернулся к Реджи.

— Ага,— обрадовался он.— Наконец-то вы явились. О чем вы нам поведаете?

— Сейчас я вам кое-что продемонстрирую,— пообещал Реджи. Он сел за стол и поставил перед собой микроскоп.— Он не так хорош, как ваш, мсье Давид, но нам сгодится и такой.— Он покрутил ручки.— В вашей лаборатории вы показали мне превосходную диатому. Теперь кое-что покажу я. И это тоже из вашей лаборатории. Из мешка, который вы пытались выбросить в море.

Давид удивленно посмотрел на него и откинулся на спинку кресла.

— Вот так.— Реджи вставил предметное стеклышко.— Взгляните.

Давид взглянул в микроскоп и снова сел. Его полные губы растянулись в неестественной улыбке.

— И что же?— спросил он.

— Что?— переспросил Реджи.— Маленькие черные точки.— Он вытащил предметное стеклышко.— Неплохо для неспециалиста,— пробормотал он.— Не так ли, мсье Давид? Стрептококковые и дифтеритные бациллы. Я получил...

— Да?— рявкнул Дюбуа.

— О, да. Они же были найдены в теле маленького Вебера. Очень эффективное и научно разработанное убийство.

— А другие?— закричал Дюбуа.— Другие дети, которые ездили на каникулы и умирали. Два, три, четыре, Давид?

Давид засмеялся.

— В чем дело? Другим повезло больше. Но ведь большинство остались живыми и здоровыми. Смешно.

— Зачем вы это делали?— закричал Дюбуа.— Вы разбогатели на убийстве детей. Но смеяться последними будем мы. Теперь мы передадим вас в руки правосудия.

— Правосудие! Ах, да, вы верите в это,— снова засмеялся Давид.— Вы примитивные варвары. А я рационалист, я человек науки. Я жертвовал одной жизнью для здоровья и счастья десятков других. Я лечил многих. Разве лечение ценного человека — не справедливость? Смерть одного ради блага многих — это основа любой религии. Однако в религию теперь никто не верит. А я... я верю в человека. Видимо, я появился слишком рано. Но помните, придет день, когда весь мир будет состоять из Давидов. Со мной же все кончено.

— Нет еще, черт возьми,— рявкнул Дюбуа.

— О, да, мой друг. Я уже близок к смерти. Я уверен в этом.— Он махнул рукой в сторону Реджи.— Вы не спасете меня, нет, даже вам это не удастся, мой непревзойденный коллега. Доброй ночи! Ищите

[illegible] Бернала, кого угодно. Давид уходит в область недосягаемо[illegible]
— Он замолчал и голова его упала на грудь.

Реджи подошел к нему.

— Лучше увезти его,— объявил он.— В больницу, под наблюдение врачей.

Дюбуа распорядился.

— Это игра,— он пожал плечами.

— О, нет. Он такой человек. Логика и решительность. Он болен, это правда. В его коллекции были диплококки менингита. Может быть, это они...

Десять дней спустя Дюбуа и Реджи вернулись в Лондон. Ломас получил полный отчет об этом деле.

— Жаль, что я не могу пожать вам руку, мой друг,— сказал Дюбуа.— Но ничего не поделаешь. Этот несчастный Фаркуар был убит, я не сомневаюсь в этом. Существовала договоренность между Давидом и Берналом. Но доказательств нет. А после этого умер Давид, и мы арестовали Бернала за попытку убить своего пасынка. Фактически, дело ясное, как и все крупные преступления. Уничтожение нежелаемого ребенка — одна из самых старых историй на свете. Только Давид организовал это масштабно и поставил на научную основу, вот и вся разница. Материалом для Давида были дети, ставшие баловнями судьбы. Племянник Вебера стоял на пути прекрасной Клотильды. Маленький сын мадам Бернал был преградой для ее второго мужа, который надеялся завладеть деньгами ее отца, старого миллионера. И другие! Какая прекрасная современная школа была построена для слабых детей. Девять из десяти процветали в этой школе. Но десятого убивали с помощью хранимых в лаборатории бактерий. Причем убивали безжалостно, медленно, но надежно, и умирал он дома, в кругу семьи. Дети всегда умирали дома. Черт возьми! Это дьявольски гениальная работа. И все было бы отлично, если бы в это дело не влез Фаркуар и не начал шантажировать прекрасную Клотильду и Бернала. Клотильда расплатилась своими драгоценностями, стимулировав кражу. Бернал, видимо, уклонился, и Фаркуар решил пойти к старику. Но Бернал вызвал Давида, и шантажист был убит. Старая, как мир, история. Негодяи уходят, правосудие остается. А вот это ваш ангел правосудия.— Он поклонился Реджи.— Дорогой маэстро. Вы продемонстрировали мне свой метод. Бедный старый Дюбуа...

— О, нет,— перебил его Реджи.— Вы потрудились на славу. Странное дело. Сначала я поверил Давиду. Он хотел быть богом. Хотел дарить и отбирать жизнь. И делал это. Он не желал ничего, кроме силы, кроме поклонения. Странный мир. А ведь Давид мог быть добрым, человечным парнем, если бы не получил власть... Наука — опасная сила. Немногие из нас годятся для нее.

Д. Д. Х. И М. КОУЛ

СОВА В ОКНЕ

Убийство в Дауншир-Хилле (как называли его газеты) было обнаружено в половине десятого утра в воскресный майский день 1920 года одним из тех любителей утренних прогулок, которые в нашем климате претендуют на знание времен года. Суперинтендант Генри Вильсон из Нью-Скотланд-Ярда прогуливался по Дауншир-Хиллу в Хемпстеде в сопровождении своего друга доктора Майкла Пендергаста.

Все это произошло задолго до смерти Радлетта, миллионера, который, как все помнят, украсил плакатами Англию и Америку. Тогда-то Вильсон допустил непростительную оплошность с бывшим министром внутренних дел и был вынужден подать в отставку. Пока же он являлся сотрудником Центрального отдела уголовных расследований, обязанным в любое время дня и ночи выполнять свой долг по задержанию преступников. Кроме начальства, он подчинялся еще и своей сестре, которая не любила его работу.

Итак, двое мужчин во фланелевых брюках и теннисных куртках торопливо направлялись к Северному вокзалу, чтобы сесть на поезд в сторону Ричмонда.

— Можно подумать, что находишься в деревне,— сладко вздохнул Пендергаст, разглядывая свежую зелень листвы.— Ночью за моим окном кричала сова.

— Вот уж не знал,— удивился Вильсон,— что птицы могут вить гнезда рядом с домами.

— Я тоже. Куда ты смотришь?

Вильсон указал в сторону маленького, увитого плющом домика, стоявшего в стороне от дороги. Утопая в пышной зелени сирени и каштанов, он едва был виден.

— Какая-то птица, похожая на сову пролетела между ветвями,— ответил Вильсон.

Пендергаст изумленно уставился на него.

— У тебя отличное зрение. Я тоже любовался сиренью, но ничего не видел. Откуда ты знаешь, что это сова?

— Я не уверен,— Вильсон пожал плечами.— Но для другой птицы она слишком велика. Вероятно, ее видел кто-нибудь еще.

Они приблизились к дому, увитому плющом. У ворот, на освещенной солнцем стороне, стоял мужчина. Когда друзья поравнялись с ним, мужчина подозрительно на них уставился, хотя видно было, что он не прочь завести разговор. И Пендергаст, который никогда не мог устоять против соблазна поболтать, обратился к мужчине:

— Вы видели сову?

— Сову?— удивленно переспросил мужчина.— Нет... Но я видел человека, который вошел туда.— Он указал на дом.— Хотел бы я знать, что ему там понадобилось?

— Может быть, это его дом?— предположил Пендергаст.

— Ха!— воскликнул мужчина.— Тогда почему он вошел туда через окно? Вначале он барабанил в дверь, да так, что мог мертвого разбудить. Увидев меня, он сказал: "Здесь что-то случилось. Не открывают". Затем, достав нож, пошел к окну. Зачем ему надо было стучать в свой дом? А если это не его дом, то почему он полез в окно?

Он подозрительно покосился на них. В этот момент внутри дома послышались шаги, дверь распахнулась и на крыльцо выскочил человек невысокого роста. Он был бледен и испуган.

— Убийство!— закричал он.

Увидев троих мужчин, стоящих у ворот, незнакомец быстро к ним подошел.

— Джентльмены, вызовите, пожалуйста, полицию. Мистер Карлюк убит,— взволнованно произнес он.

Незнакомец направился обратно к дому, но Пендергаст, перехватив взгляд Вильсона, тронул его за плечо.

— Я пойду с вами,— предложил он.— Может быть, нужна моя помощь.

— Бедняге не нужен врач,— ответил человечек.— Он холоден, как рыба. Должно быть, он умер несколько часов назад.— Он остановился возле дома.— Если вы вызовите полицию, сэр, я останусь здесь. Хотя не думаю, что кто-нибудь покинет дом. Там никого нет.

— Хорошо,— ответил подошедший Вильсон.— Я из Скотланд-Ярда. Вот мое удостоверение.— Он достал портмоне и вынул из него карточку. Пендергаст был удивлен, что его друг, собираясь в Ричмонд, взял с собой документы. Незнакомец робко взял карточку и удивленно посмотрел на ее владельца. Он привык видеть полицейских в форме, но никак не в фланелевых брюках.

— Этого человека я попрошу зайти с моей запиской в отделение на Росслин-Хилл,— Вильсон кивнул на мужчину у ворот.— А вы, пока не прибыли полицейские, покажите, где лежит тело. Мой друг осмотрит место происшествия. Вы уверены, что он убит, мистер..?

— Бартон,— подхватил человечек.— Эдуард Бартон. Он действительно убит, сэр. Выстрелом в голову. Его мозги разлетелись по комнате... — Он казался довольным, установив причину смерти.

— Что ж, посмотрим. Где он?

— В кабинете, сэр. Справа от лестницы. Стеклянная дверь. Его ноги не дают двери закрыться. Я не прикасался к нему. Я только удостоверился, что он мертв.

Вильсон заглянул в кабинет. Зрелище было не из приятных. На полу, скорчившись, лежал крупный мужчина, пятидесяти-шестидесяти лет. Одна нога у него была подвернута, а вторая вытянута к двери, руки сжаты, будто он держался за что-то. Половина его лица и часть головы представляла собой кровавое месиво. Пол вокруг трупа был залит кровью. Майкл Пендергаст был на войне и считал себя привык-

ны к смерти. Но вид убитого подействовал на него угнетающе. Тошнота подступила к горлу, и он не мог сделать даже шага вперед.

— Осторожнее, Майкл,— предупредил Вильсон, с неудовольствием разглядывая затоптанный окровавленный пол.— Это ваши следы, мистер Бартон?

— Конечно,— ответил тот.— Я зашел сюда, полагая, что смогу ему помочь. Я надеялся найти револьвер или что-нибудь в этом роде, если он совершил самоубийство.

— Надо бы зажечь свет, Пендергаст.

— Свет не горит,— сообщил Бартон.— Я уже пытался его включить.— Однако он послушно потянулся к выключателю, но Вильсон остановил его. Обернув руку платком, он несколько раз щелкнул выключателем, но безрезультатно.

— Может быть, нет лампочки,— предположил Вильсон.— Ты должен перемещаться только по моим следам, Майкл.— Он помолчал.— Ясно, что этому бедняге мы уже ничем не поможем. Необходимо искать убийцу, и я хочу побыстрее схватить его.

Пока Пендергаст осматривал труп, Вильсон огляделся. На довольно высокой полке стоял телефон. Здесь же лежали три телефонных справочника. Стена от полки с телефоном до пола была скрыта занавеской.

— Вы не знаете, что находится за занавеской?—спросил Вильсон Бартона.

— Я думаю, обувь и всякий хлам,— ответил он.— Мистер Карлюк складывал туда ненужные вещи.

— Вероятно, вы хорошо его знали?

— Достаточно хорошо... У этого странного человека было мало друзей.

Пендергаст выпрямился.

— Я закончил осмотр,— тяжело вздохнув сообщил он.— Парень умер около двенадцати часов назад. Мгновенная смерть.

— Стреляли с близкого расстояния?

— С очень близкого... Не больше десятка сантиметров, я бы сказал. И он был застрелен из мушкетона.

— Из мушкетона?— одновременно воскликнули Вильсон и Бартон.

Майкл кивнул.— Оружие было заряжено картечью. Две картечины я нашел на полу, в одном заряде их примерно дюжина.

— Немыслимо!— Бартон недоверчиво покачал головой.—Зачем кому-то понадобилось убивать бедного Карлюка, да еще из мушкетона?

— Это мы и попробуем узнать,— ответил Вильсон.— Поскольку вы знакомы с этим домом, мистер Бартон, может быть, мы пройдем в комнату, где можно поговорить?

Бартон провел их в небольшую комнату. Усевшись в мягкое кресло, Пендергаст с интересом принялся разглядывать их случайного знакомого.

Бартон, человек лет пятидесяти, был похож на клерка или лавочника. Вздернутые усы, большая лысина с венчиком седых волос, стандартная фигура. В общем, внешность весьма заурядная. Правда, он казался чересчур обеспокоенным, но это вполне объяснимо, ведь

был убит его друг. Несмотря на взволнованность, он довольно четко отвечал на вопросы Вильсона.

– Вы можете назвать полное имя Карлюка и рассказать, каким образом вы познакомились?– начал Вильсон.

– Его имя Гарольд Карлюк,– ответил Бартон.– Мы вместе с ним работали, иногда играли в шахматы, гуляли и так далее.

– Где вы работали?

– В Хемпстедском отделении сельского банка. Мистер Карлюк – кассир, а я – главный клерк.

– Есть ли у него родственники? Был ли он женат?

– Нет, он жил один и не говорил о родственниках. Раз или два он упоминал о племяннике, довольно молодом человеке, который причинял ему беспокойство. Но мистер Карлюк был не из тех людей, которые рассказывают о семье и которым можно задавать подобные вопросы.

– У него были слуги?

– Нет. Когда-то мистер Карлюк держал суетливую служанку, но он очень быстро рассчитал ее и с тех пор пользуется услугами приходящей служанки. Она приходила в дом после его ухода на работу, убирала, готовила обед и уходила перед его возвращением.– Бартон помолчал.– Если бы он застал ее, вернувшись домой, вы себе представить не можете, что могло произойти.

– Чем он болел?– поинтересовался Пендергаст.

Бартон удивленно посмотрел на него.

– У мистера Карлюка было превосходное здоровье. Он ни разу не отсутствовал на работе.

– А у служанки был ключ?– спросил Вильсон.

– Наверное,– ответил Бартон.– Но по воскресеньям она не приходила. Однако какое это имеет значение? Когда я пришел, дверь была заперта на засов и на цепочку.

– Вы имеете в виду парадную дверь?

– Да. Но задняя дверь тоже была заперта на замок и на засов.

– О!– удивился Вильсон.– Вы так тщательно все осмотрели, прежде чем поднять тревогу?

– Только первый этаж.– Бартон нервно облизнул губы и испуганно взглянул на него.– Я увидел, что ничего не могу сделать для него, и решил посмотреть нет ли в доме посторонних.

– И что же?

Бартон покачал головой.

– Нет. Никого не было. Тогда я открыл дверь...

– Так,– задумчиво произнес Вильсон.– А как вы вошли в дом?

– Через окно.

– Зачем?

– Мы с мистером Карлюком договорились пойти погулять. Придя сюда, я стучал и звонил, но дверь никто не открывал. Мне показалось это странным. Я подумал, что он заболел...

– Хорошо. А когда вы в последний раз видели его?

– Вчера вечером.

— В котором часу?

— Около... около девяти часов,— ответил Бартон и снова облизнул губы. Он выглядел очень утомленным.

— Где?— продолжал задавать свои вопросы Вильсон.

Бартон, бросая испуганные взгляды на Вильсона, рассказал, что вчера вечером он зашел к мистеру Карлюку. Они выпили чаю и сыграли пару партий в шахматы. Ушел он около девяти часов, так как они собирались с женой навестить знакомых в Хендоне. Карлюк пошел его проводить до угла Уиллоу Роуд, где они расстались, договорившись, что Бартон позвонит ему утром в девять часов и они отправятся на прогулку. Однако из гостей Бартон с женой вернулись поздно, поэтому он решил позвонить мистеру Карлюку и перенести встречу, но не мог дозвониться.

— Я подумал, что он спит,— вздохнул Бартон.— Он собирался лечь в постель, как только проводит меня. Поэтому я решил прийти сегодня в назначенное время.

— Вы кого-нибудь встретили вчера, когда вышли от него? Я имею в виду, пока вы были с мистером Карлюком...

— Никого,— ответил Бартон.— На улице было мало народу, хотя вечер был прекрасный. Минуту или две мы постояли у кафе "Док энд Дюк". Хозяин стоял возле двери и, возможно, видел нас. Он хорошо знает мистера Карлюка. Послушайте,— торопливо добавил он,— я знаю, куда вы клоните! Если он вернулся домой и заперся, я был последним, кто его видел. Но вчера он был жив! Клянусь вам!— Он привстал и со страхом посмотрел на Вильсона.

— Не волнуйтесь,— успокоил его Вильсон.— Я не подозреваю вас, мистер Бартон. Но мы должны выяснить, что случилось, а теперь я хочу осмотреть дом. Скоро прибудет полиция, и я прошу вас, мистер Бартон, чтобы вы сообщили дежурному все, о чем рассказали мне.— Он встал.— Кстати, Майкл, ты не заметил следов на теле?

— Нет,— ответил Пендергаст.

Вильсон кивнул и вышел в холл. Пендергасту нравилось наблюдать, как действует сотрудник Скотланд-Ярда. Но сейчас он чувствовал, что нельзя мешать другу, и остался в кресле.

Через несколько минут тяжелые шаги у двери возвестили о прибытии полиции. Бартон и Пендергаст встали. Вильсон вышел навстречу прибывшим и вскоре вернулся с сержантом.

— Констебль Врен принесет ваши вещи, сэр,— объяснил сержант.— Я послал его на Фитцджонс авеню, как только получил вашу записку. Какой ужас, сэр! А это что такое? Похоже на заряд картечи!

— Доктор Пендергаст считает, что стреляли из мушкетона,— пояснил Вильсон.— У вас есть машина? Хорошо. Распорядитесь, чтобы тело отправили в морг. Пусть судебно-медицинский эксперт побыстрее им займется. Инспектор Катлинг у себя?

— Скоро будет там, сэр,— ответил сержант.— Мы звонили ему.

— Хорошо. Тогда надо начинать работу. Сержант, мы с вами займемся осмотром дома. Прости, Майкл, но боюсь, что бедняга Карлюк помешает нашей поездке. Ты меня покинешь или останешься здесь?

— Я останусь, если могу быть чем-нибудь полезен,— ответил [illegible]

Вильсон улыбнулся и кивнул.

— Мистер Бартон, я буду рад, если вы с констеблем поедете в полицию и дадите показания инспектору. Но сначала я хочу у вас кое-что спросить. Вы не знаете, где мистер Карлюк хранил ценности и деньги: дома или в банке?

— Не знаю,— растерянно ответил Бартон.— Он мне об этом не говорил.

— Благодарю вас. Кстати, насчет племянника, о котором вы говорили. Вы знаете его имя и адрес?

Бартон задумался.

— Эдгар Карлюк. Кажется, он работает буфетчиком на пароходе. Но адреса его я не знаю.

— Он бывал здесь?

— Был однажды, но они поссорились из-за денег. Я случайно услышал...

— Что вы имели в виду, сказав "из-за денег"?

— О, Эдгар Карлюк попросил денег, а дядя их ему не давал. Я не знаю... Я слышал лишь обрывок разговора. Но, возможно, в бумагах мистера Карлюка вы найдете подробности.

— Вы знаете, где он хранил свои бумаги?

— Наверху. В сейфе, в спальне. Она как раз над этой комнатой.

— А как фамилия управляющего вашего банка?

— Мистер Уоррен. Он живет в Белсайз Парке, но сегодня, вероятно, уехал.

— Благодарю вас. Кстати, мы хотим осмотреть кабинет, но лампочка, кажется, перегорела. Вы знаете, где хранятся запасные?

— На кухне в шкафу, слева от газовой плиты.

— Может быть, вы сами достанете одну, поскольку вы лучше ориентируетесь?

Вильсон подошел к двери на кухню и подождал, пока Бартон достал электрическую лампочку.

— Эта сойдет?— спросил он.— Сорок свечей.

— Благодарю вас.— Вильсон взял лампочку.— Теперь, сержант, здесь все надо осмотреть по возможности не прикасаясь к вещам. Констебль!— крикнул он.— Отвезите мистера Бартона к инспектору Картлингу, пусть он допросит его. Скажите ему, что сержант и я работаем в доме и сообщим ему результаты. И еще, констебль,— он вплотную приблизился к нему и что-то прошептал.

— Ужасное дело, сэр,— заметил сержант, когда тело убитого погрузили в машину и Бартон с констеблем уехали.

— Да,— кивнул Вильсон, рассматривая маленькие флакончики на столе.— Скажите, сержант, вы знали мистера Карлюка? Как по-вашему, почему его убили?

— Трудно сказать, сэр,— сержант задумался.— Очень порядочный джентльмен, но необщительный, как говорят. Никогда бы не подумал, что у него могут быть враги.

— Бартон тоже так считает,— подхватил Вильсон, надевая перчат-

ки.— Ладно, продолжим работу. Нам нельзя терять времени, если мы хотим схватить убийцу. Пройдите на улицу, сержант, тщательно осмотрите все двери и окна и попытайтесь узнать, как преступник удрал. Майкл, поищи в шкафу лампу на шестьдесят свечей. Я думаю, эта тусклая,— он положил лампочку на полку.

Сержант удивленно посмотрел на него, хотел что-то сказать, но промолчал. Пендергаст без труда нашел нужную лампочку и собрался было ввернуть ее на место старой, но Вильсон остановил его.— Дайте-ка я сам сделаю это.— И он осторожно ввернул лампочку. Сержант усмехнулся.

— Надеетесь найти отпечатки, сэр?— поинтересовался он.— Вряд ли убийца станет хвататься за лампочку.

— О, трудно сказать,— заметил Вильсон.— Майкл, скажи, что ты думаешь об этом? Можешь ходить смело. Я уже здесь все осмотрел. Как, по-твоему, умер этот человек?— Говоря это, он посыпал лампу порошком.

Пендергаст удивленно рассматривал маленький кабинет. Он был очень мал — два метра на один.

— Его убили здесь,— заключил он.— Другим путем он не мог попасть сюда. Кроме того, если бы его внесли, здесь было бы меньше крови.

— Похоже. А откуда стреляли? Где стоял убийца?

— В дальнем конце кабинета. Можно проследить направление выстрела: он упал лицом к телефону.

— А где стоял Карлюк? Судя по положению тела, скорее всего в дальнем конце кабинета.

— Тогда где же находился стрелявший? Ты думаешь, Карлюк ходил под наведенным на него мушкетоном?

— Было темно. Перегорела лампочка.

— Да, но из холла проникает достаточно света. Я не думаю, чтобы мистер Карлюк держал дом в полной темноте. Подумайте, пожалуйста, еще.

Пендергаст вышел в холл и убедился, что Вильсон был прав. Вернувшись в кабинет, он увидел, что его друг посыпает порошком телефон.

— Убийца мог спрятаться за занавеской,— предположил Пендергаст.

— За занавеской? Дорогой мой, это же не комната! Там полно обуви, но даже без нее человеку там не поместиться. Попробуй сам влезть туда. Но посмотри-ка сюда, это довольно интересно.

— Чьи-то отпечатки?— спросил Пендергаст, глядя на телефон.— Я не пойму, что это такое.

— Нет. Телефон чист. Это тоже интересно. Не думаю, чтобы уборщица была настолько аккуратна. Но я не это имел в виду. Взгляни на полку.

— Пятна крови,— удивился Пендергаст.— Видимо, это кровь Карлюка. Впрочем, почему бы ей не быть там?

— Да потому,— ответил Вильсон,— что эти пятна находятся прямо под телефоном.

— Что! Значит, он звонил с раной в голове? И положил трубку на

место? Не думаю, чтобы это было возможно.

— Я с тобой согласен. Больше того, я не предполагаю, что он вообще звонил.

— Тогда звонил убийца. Боже, ну и дела! Кстати, Генри, ты же можешь точно определить момент наступления смерти? На телефонной станции должны знать время последнего звонка.

— Возможно,— обронил Вильсон.— Если он звонил. Но мы же этого точно не знаем. Ты не сказал мне, где стоял убийца.

— Черт возьми!— Пендергаст замолчал, глядя, как Вильсон посыпает порошком выключатель.— Если он скрывался не за занавеской, я не знаю, где он стоял. Он мог быть и в другом конце кабинета... нет, это невозможно. Это не совпадает с направлением выстрела. Я полагаю, что он мог подкрасться, когда Карлюк звонил, и выстрелил прямо в ухо. Но это еще более невероятно.

— Да, это сумасшествие.

— А ты знаешь, где он стоял? И почему он воспользовался мушкетоном? Это очень необычный вид оружия. Почему не револьвер?

— Пожалуй, я догадываюсь, где он стоял, или, вернее, где не стоял,— ответил Вильсон,— хотя это только предположение, которое пока не могу доказать. Более того, я уверен, что знаю, почему он использовал мушкетон. Подумай о специфике мушкетона и ты сам ответишь на этот вопрос. Хелло, что это?— Он стоял возле телефона и смотрел на верхнюю полку.— Слава богу, что эта женщина сюда не добралась. Смотри!— Пендергаст с удивлением взглянул на полку, покрытую тонким слоем пыли. С краю, куда указывал Вильсон, Майкл увидел кусочек чистой полки. Он был размером в шесть дюймов.

— Здесь что-то стояло,— бойко предположил он.

— Да,— согласился Вильсон,— и стояло совсем недавно. А теперь посмотри внимательнее, Майкл, и скажи, что могло здесь стоять.

— Телефон,— уверенно произнес Пендергаст.

— Допустим,— и Вильсон сравнил размеры следа с размерами телефона.— Теперь, может быть, ты скажешь мне, почему покойный мистер Карлюк держал телефон в таком неудобном месте? Я едва могу достать до него, а ведь у меня нормальный рост, и я не ниже его.

— Ты выше,— машинально уточнил Пендергаст.

— Почему же телефон стоял там? Чтобы подготовить комнату для убийства — это единственный вывод. Но чем это могло помочь убийце?— Пендергаст пытался найти какое-либо объяснение, пытался представить себе ситуацию. Вильсон улыбнулся, глядя на него.

— Это уже лучше,— похвалил его Вильсон.— Ты начинаешь работать головой.

— Выходит, безрезультатно,— пробормотал Пендергаст.

И в этот момент мрачную тишину дома нарушил резкий дребезжащий звонок телефона. Вильсон взял трубку.

— Нет, это полиция,— ответил он.— Да, инспектор. Да, Вильсон слушает...

Пендергаст вышел в холл, где стоял сержант, закончивший обыск.

— Похоже, что у преступника есть крылья,— заключил сержант.—

нет ни малейших следов его ухода. Задняя дверь дома заперта на замок и засов. Окна плотно закрыты на щеколды, несмотря на хорошую погоду. Причем снаружи сделать это невозможно. Правда, наверху одно окно изнутри не закрыто на шпингалет, но нет никаких следов, что им кто-то пользовался. Окно небольшое, и человек в него не пролезет.

— А как насчет труб? — спросил Пендергаст. — Мог ли убийца проникнуть через трубу?

— Нет, доктор. В доме проведен газ и все трубы забиты. Если убийца и забрался сюда, то только по воздуху. И то он, вероятно, предварительно разрубил себя на куски, а потом внутри дома собрался из частей. Я осмотрел все, что можно, повсюду, куда мог проникнуть человек. Но ничего не нашел.

Из кабинета в холл вышел Вильсон.

— В вашем отделении, сержант, работают профессионалы, — похвалил он. — Они сняли показания с Бартона и проверили его рассказ. Все в порядке. Хозяин "Док энд Дюк" вспомнил, что видел его и Карлюка вечером перед входом в свой ресторан и свидетельствует, что Карлюк возвращался домой один. Потом они проверили его визит в Хендон. Прибыл он туда в 21.30 и ушел около часа ночи.

— Звучит нормально, — заметил сержант. — Если он не возвратился сюда после часа.

— Тогда бы он прибыл сюда около двух часов, — продолжал Вильсон. — В это время автобусы и метро уже не работают и ему пришлось бы ехать на такси.

Он вопросительно посмотрел на Пендергаста.

— У меня другие соображения, — ответил тот. — Я уверен, что Карлюк умер задолго до полуночи. Конечно, указать точно до минут трудно, но в том, что не позже, я уверен. Ты все же считаешь алиби Бартона подозрительным?

— Нет, — спокойно ответил Вильсон, — не считаю. Но нам надо проверить все.

— В любом случае, — заявил сержант, — если он вернулся, как он мог выйти из дома? — Он объяснил Вильсону результаты своего осмотра. — Что будем делать дальше, сэр?

— Обыщем тщательно весь дом. И проверим его бумаги. У меня есть его ключи. Я помогу вам. Только нам надо действовать быстро.

— Искать что-нибудь особенное, сэр?

— Бумаги, все, что может относиться к преступлению или то, что покажется подозрительным. И оружие.

— Мушкетон, сэр?

— Или что-нибудь в этом роде. Оно может быть разобрано на части. Я уверен, что все это находится где-то здесь, но не знаю, где именно.

— Мне кажется, доктор, — сказал сержант, когда они начали обыск, — что мистер Вильсон уже решил эту задачу.

— Наполовину, сержант, — сказал Вильсон, поворачивая к нему озабоченное лицо. — У нас нет мотива и оружия. И если мы не найдем их очень быстро, я боюсь, что мы не поймаем убийцу.

Поиски улик продолжались около дома, и лицо Вильсона мрачнело все больше и больше. Пендергаст понял, что именно теперь, первый раз в жизни он видит настоящий тщательный обыск. Вильсон ощупывал каждую щель, перетряс все подушки и рассматривал каждый тряпичный лоскут, он проверял матрацы и сидения кресел, переворачивал все мусорные корзины и заглядывал подо все лестницы. И даже в саду они обшарили все тропинки и каждую клумбу, но все тщетно. После двухчасового обыска все вернулись к сейфу, который Вильсон открыл ключом покойного.

– Похоже, что мы немногое здесь обнаружим, сэр,— предположил сержант, глядя на кучу документов.

– Но попробовать надо,— настаивал Вильсон, открывая первый пакет.

– Вы знаете,— заметил он через несколько минут,— я склонен думать, что кто-то до нас трогал эти бумаги. Кто-то привел их в порядок, но сложил так, будто не знал, как они лежали раньше. Так бывает в библиотеке после ухода читателей. Конечно, я до конца не уверен, но похоже, что отсюда изъяты какие-то документы. Но что могло быть взято? Во всяком случае, здесь не так уж много данных о таинственном племяннике. Мистер Карлюк, вероятно, имел привычку уничтожать свои личные бумаги.

– Ты забыл о моем предложении,— напомнил Пендергаст.— На телефонной станции могли бы указать нам время смерти? Это послужило бы кому-нибудь алиби.

– Я помню,— угрюмо ответил Вильсон.— Однако я убежден, что перед смертью он никому не звонил.

– Но он же был там!— воскликнул Пендергаст.— Ты вспомни его руки, я имею в виду его пальцы: они были скрючены, точнее согнуты так, будто он держал телефонную трубку,— Майкл продемонстрировал это,— только немного шире,— как будто собирался ее взять и внезапно умер. Я еще сказал, что он мог за что-то держаться. Это мог быть мушкетон, если только он успел за него ухватиться. Но трубка больше подходит.— Он с торжеством посмотрел на Вильсона.

– Клянусь богом, Майкл!— воскликнул тот.— Ты прав. Я совсем забыл о его руках. Какой же я дурак! Сержант, вы случайно не знаете, не пропадал ли за последнее время телефонный аппарат в этом районе?

– Телефон?— удивился сержант.— Боюсь, что не знаю, сэр.— Пендергаст удивленно уставился на Вильсона, поразившись неожиданному результату своего подозрения.— Почта сама следит за своей аппаратурой.

–Тогда быстро позвоните на почту и выясните это,— последовал приказ.— Побыстрее, от этого очень многое зависит.

– Почему ты решил, что у них пропал телефон?— спросил Пендергаст.

– Это только догадка,— обронил Вильсон.

Сержант отсутствовал довольно долго, и все это время Вильсон и Пендергаст просматривали бумаги покойного. Когда сержант вернулся, его лицо сияло от восхищения.

— Как вы узнали это, сэр?— спросил он.— Действительно, пропал один телефон. Он исчез из пустой квартиры на Голдерс Грин недели две назад. Более того, до сих пор никто не знает, кто мог взять его.

— Отлично!— обрадовался Вильсон.— Теперь мы должны найти эту вещь. Далеко он не мог его забросить, не было времени. Но куда же?... Боже мой!— Он побежал к двери.— Сова!

— В чем дело?— спросил Пендергаст, следуя за ним.

— Какой я дурак! Конечно, это сова. Подождите минуту, я сейчас вернусь.

Пендергаст и сержант стояли в холле и видели, как Вильсон выбежал из дома и помчался к холму. Там он остановился на несколько секунд и взглянул на деревья, окружавшие дом.

— Надо осмотреть окно ванной комнаты,— обронил он, стремительно поднимаясь вверх по лестнице. Остальные последовали за ним. Войдя в комнату, он бросился к окну, тому самому, которое сержант нашел открытым. Он далеко высунулся из окна, держась за плющ, обвивавший стену. Через несколько секунд раздался его торжествующий крик.

— Нашел! Так я и думал. Посмотрите, пожалуйста, внимательнее. Мне нужны свидетели. Он влез обратно. В руке у него был толстый конверт со штампом сельского банка. Он протянул его сержанту.

— Оружие нашли, сэр?— спросил сержант.

— Там еще кое-что,— сообщил Вильсон и снова устремился к окну.

— С этим обращайтесь осторожнее,— предупредил он, вернувшись. В руке он держал обычную телефонную трубку. Но приглядевшись внимательнее можно было заметить, что неизменным остался лишь микрофон, а вместо наушника торчало толстое дуло. Пендергаст подошел поближе.

— Бог мой! Вот это мушкетон!— воскликнул он.

— Был,— ответил Вильсон.— И пусть мы нашли только его часть, совершенно ясно, как было совершено убийство. В трубке был помещен большой заряд, а наушник служил спусковым крючком. Раздался звонок телефона и Карлюк в темноте подошел к нему — помните, сержант, что света не было; это наверняка устроил убийца — и когда он поднес трубку к уху, то был убит. Теперь вы видите мушкетон, о котором сказал доктор Пендергаст. Правда, это лишь самодельная разновидность мушкетона. Но, как сообщил нам доктор, он имеет большой заряд картечи. Нельзя заранее узнать, как будет расположена голова человека, когда он поднесет трубку к уху, а этот мушкетон должен был поразить его, как бы он ни держал трубку.— Говоря это, он посыпал трубку порошком.— Я уверен, что найду здесь отпечатки Карлюка. А теперь, Майкл, я могу ответить на вопрос, который задал тебе раньше. Где стоял убийца, когда он убивал свою жертву? Ответ — у телефона в Хендоне. Сержант, позвоните, пожалуйста, в полицию или пошлите кого-нибудь и распорядитесь, чтобы Эдуарда Бартона задержали по обвинению в убийстве Гарольда Карлюка. Я думаю, он еще там.

— Боже мой, сэр,— был вконец сбит с толку сержант.— Какая-то чертовщина! Вы имеете в виду, что он подстроил это, а потом ушел

и старик был убит при первом же телефонном звонке?

— Потом он сам позвонил ему, чтобы быть уверенным, что дело сделано,— уверенно произнес Вильсон.— Он звонил дважды, чтобы избежать случайности. На телефонной станции нам скажут о неудачных телефонных звонках. Но Гарольд, конечно, умер при первом звонке.

— Боже мой!— снова сказал сержант.— Хладнокровный дьявол! Зачем он убил его, сэр?

— Пока не знаю,— нахмурился Вильсон.— Но, может быть, в конверте у вас в руках содержится ответ на ваш вопрос.— Он взял конверт и вскрыл его. Оттуда выпало несколько чековых книжек. Достав из кармана лупу, он быстро осмотрел подписи.

— Конечно, я не знаю хемпстедских клиентов этого банка,— заметил он.— Но уверен, что эти подписи подделаны. Взгляните на свет. Это не настоящие подписи.— Он протянул линзу сержанту, тот внимательно изучил подписи и кивнул головой.— Я полагаю, Бартон мог сфабриковать их или помочь сбывать, а Карлюк узнал об этом. Если мы найдем управляющего банком, он нам все разъяснит. Но нам лучше всего пойти в полицию и убедиться, что Бартон схвачен.

— Ты переоценил мое зрение,— улыбнулся Вильсон.— Мне показалось, что я видел сову, а из окна вылетел пакет с бумагами. Мне следовало бы сразу осмотреть это место.

— Я не понимаю,— признался Пендергаст,— почему ты вообще искал оружие, почему ты думал, что оно именно там?

Увидев предъявленные поддельные чеки и трубку от телефона, убийца сразу же признался во всем. Управляющий банком подтвердил факт подделки. Бартон признался, что Карлюк заподозрил подлог и спросил его об этом. И он решил его убрать. В остальном, преступление соответствовало версии Вильсона вплоть до кражи телефона из пустой квартиры на Голдерс Грин и перегоревшей лампочки в кабинете.

— Я не представлял себе, что могло быть по-иному,— гордо заметил Вильсон.— Бартон был в доме всего несколько минут, как сказал нам мужчина у ворот. Я не думаю, что он сильно рисковал. Если бы я не нашел оружия в доме, то заставил бы его самого сделать это. Но в этом случае его пришлось бы отпустить из-за полного алиби, он мог бы скрыться или уничтожить оружие.

— Значит, ты уже тогда знал, что он виновен?— спросил Пендергаст.— Откуда?

— Я начал подозревать его, как только заглянул в кабинет. Видишь ли, такой маленький кабинет не вместил бы двоих, убийце негде было спрятаться. Ты же сам видел. Кроме того, в нем не оказалось ни следов пребывания убийцы, ни следов его исчезновения, лишь кровавые отпечатки башмаков Бартона. Но ведь никто не смог бы перешагнуть через труп, не оставив кровавых следов на полу. Я пробовал сделать это. Так я пришел к мысли, что Карлюк был убит механическим способом. Что же касается лампочки, то она не перегорела, просто ее

[illegible] так, что оборвался волосок. Я снял с лампочки, которую мне дал Бартон, его отпечатки пальцев, а позже нашел такие же на испорченной лампочке. Конечно, это еще не обвинение, но достаточно подозрительно. В этом он просчитался. Кстати, он до блеска все протер, даже настоящий телефон, что сразу бросилось в глаза, а про лампочку забыл.

Если человек был один, когда встретил свою смерть, очевидно, у его убийцы есть железное алиби. В таких случаях во время предварительного расследования не стоит принимать во внимание никакие алиби. Поэтому и алиби Бартона вызывало подозрение. Поэтому после его допроса я и оставил тебя присматривать за ним, а сам пошел в кабинет. Там я нашел кровь под телефоном. Ты сказал, что Карлюк не смог бы поставить его на место, так как после выстрела тотчас умер. Вдобавок я узнал, что Карлюк вообще не прикасался к нему. Это значило, что кто-то другой вытер телефон и поставил его на место. Но нам было точно известно, что после смерти Карлюка в кабинете был только Бартон. Поэтому я попытался как можно подробнее узнать о его передвижениях. Когда я вспомнил, что под телефоном были пятна крови и что он стоял на верхней полке, я понял: его переставил Бартон.

— Но зачем?

— Как ты верно сказал, чтобы подготовить комнату для убийства. Должен признаться, что я работал медленно. Я думал только о телефоне. И когда ты сказал о скрюченных пальцах, которые держали трубку, это дало мне ключ.

— Почему он поднял тревогу, вместо того, чтобы подождать и тщательно уничтожить все следы преступления?— спросил Пендергаст.

— Видимо,— он боялся человека у ворот,— ответил Вильсон.— Конечно, он не ожидал увидеть там нас. Он думал, что пошлет этого человека в полицию и за двадцать минут все устроит. То, что мы оказались здесь, погубило его. Кроме того, его подвела лампочка. Но я считаю, что он продемонстрировал выдающуюся изобретательность. Он действовал, как человек невиновный и имел неопровержимое алиби. Если бы я с самого начала не заподозрил бы его, неизвестно, как кончилось бы это дело.

— Ты таким же образом установил и мотив?

— Не совсем. Я только заметил, что оба работали в банке, и это могло быть важным в их отношениях. Если бы мы скрупулезно стали искать мотив, нам не удалось бы задержать этого человека.

ДОРОТИ Л. САЙЕРС

ДЕЛО ВКУСА

– Стойте! Эй... Внимание!

Молодой человек в сером костюме оттолкнул протестующих железнодорожных служащих и легко вскочил в экспресс "Париж – Эвре". Проводник с готовностью подхватил его под руки.

– Счастье, что мсье такой ловкий,– вздохнул он облегченно.– Мсье торопится?

– Да. Благодарю вас. Можно пройти по коридору?

– Да. Первые два купе после багажного отделения.

Молодой человек вознаградил своего спасителя и прошел в вагон. Двигаясь по проходу, он обратил внимание на стоящий в стороне чемодан и стал его рассматривать. Это был новый кожаный чемодан с яркими наклейками:

Лорд Питер Вимсей,
Отель Саумон д'Ор.
Вернель-сюр-Юр

и еще ниже:

ЛОНДОН – ПАРИЖ
(Вокзал Ватерлоо) (Вокзал Сен-Лазар)
через Саутгемптон – Гавр.
ПАРИЖ – ВЕРНЕЙЛЬ
(Западная ж. д. линия).

Молодой человек присвистнул, сел на чемодан и задумался.

Они напали на его след. Неважно, как им это удалось. В Лондоне и Париже были сотни людей, которые могли знать имя Вимсея, не считая полиции обеих стран. Лорд Питер принадлежал к одной из старинных герцогских семей Англии, и, кроме того, обращал на себя внимание непреодолимой страстью к уголовным расследованиям. Этот ярлык выглядел, как бесплатная реклама. Но удивительно было то, что преследователи не пытались прятаться от преследуемого. Это свидетельствовало об их большой уверенности. То, что он вскочил в вагон, было, конечно, случайностью, но примчавшись на вокзал он увидел их на платформе.

Случайности? Они интересовали его не впервые, но сейчас особенно, и без сомнения, здесь он оказался случайно. Серия непредвиденных и досадных препятствий возникла перед ним от Лондона до Парижа. Нелепые обвинения, например, от женщины, которая заговорила с ним на Пиккадилли, и затянувшееся освобождение с Марлборо-стрит. Как легко задержать человека по выдуманному обвинению! Потом

была дверь уборной на вокзале Ватерлоо, которая так нелепо задержала его. И лишь его отличная физическая форма помогла ему пролезть через загородку. Однако его провожатые таинственно исчезли. А в Париже, наняв такси, он попал на глухого водителя, который вместо Орлеанской набережной повез его в сторону Лионского вокзала. Это случайности? Они были хитрыми, эти преследователи, и осторожными. Они аккуратно получали информацию и мешали ему, но себя не обнаруживали. Они понимали, что время — их лучший союзник.

Знают ли они, что он в поезде? Если нет, он сохранит преимущество, ведь они считают, что он разгневанный и беспомощный, остался на вокзале инвалидов. Он решил кое-что предпринять.

Первым делом надо сменить серый костюм на другой, менее броский, например, бледно-голубой, который находится в маленьком черном чемодане. Переодевание он осуществил в туалете, заменив заодно шляпу на кепку, удачно прикрывающую его глаза.

Затем в углу купе первого класса нашел нужного ему человека. Тот сидел к нему спиной и потому удалось пройти незамеченным. В сетке над полкой лежал красивый чемодан с инициалами П. Д. Б. В. Молодой человек узнал узкое лицо Вимсея с крючковатым носом, его гладкие желтые волосы и высокомерный взгляд.

"Он излишне самоуверен,—подумал молодой человек, — за что поплатится, недооценив врага. Боже! Надо торчать во втором классе и не смыкать глаз. Следующий акт мелодрамы будет в Дрексе".

Как правило, на Западной железнодорожной линии, которая связывала Париж с Эвре и называлась Гранде Витесс (большая скорость) — а лорд Питер Вимсей предпочитал называть ее Гранде Паресс (большая лень) — поезда делали длительные остановки в Дрексе. Молодой человек (теперь в бледно-голубом костюме) наблюдал за своим противником из буфета, потом, не опасаясь быть обнаруженным, он вышел из здания вокзала. Через четверть часа он вернулся. На этот раз на нем были куртка, шлем и защитные очки. Он сидел за рулем большого "пежо". Свободно пройдя на платформу, он встал у стены так, чтобы видеть поезд и дверь буфета. Через пятнадцать минут его терпение было вознаграждено: он заметил человека с саквояжем в руке. Проводники захлопали дверями и объявили: "Следующая остановка — Вернейль". Паровоз дал гудок и зеленые вагоны начали медленно двигаться вдоль платформы. Молодой человек облегченно вздохнул и зашагал к машине. Он знал, что может выжать из этой машины больше ста километров в час, к счастью, во Франции скорость на дорогах не ограничена.

"Мон-Суси" — имение эксцентричного и молодого графа де Руэля — расположен в трех километрах от Вернейля. Это унылый и запущенный замок, заброшенное строение, окруженное соснами. Камен-

ные нимфы давно позеленели в сухих разрушенных фонтанах. Только изредка крестьянин проскрипит на телеге по единственной дороге. Здесь было мрачно в самый солнечный день. Деревянные части построек давно рассохлись. Сквозь жалюзи была видна красивая, но выцветшая мебель. Последние из самых некрасивых и больных женщин удрали из "Мон-Суси". Но вблизи от замка непрерывно дымит труба. Печь лаборатории была единственным и живым предметом среди старых и мертвых вещей. Лишь об этом месте заботятся, лишь его любит и ласкает наследник. В погребе лежали рядами пыльные стеклянные гробы, в каждом из которых восхитительная Спящая Красавица ждала своего часа, чтобы опьянить ее избравших.

Когда "пежо" въехал во двор, шофер увидел, что он не один явился в гости к графу. Великолепный "супер-рено", подобно восхитительной красотке, расположился возле входа. На сидении машины лежали два больших чемодана, на которых крупными буквами значилось: "ЛОРД ПИТЕР ВИМСЕЙ".

Шофер "пежо" осмотрел машину и усмехнулся. "Кажется, лорд Питер вездесущ",— подумал он. Потом, достав бумагу и карандаш, он написал графу записку. Когда чемоданы забрали, записка была вложена в конверт, адресованный графу де Руэлю. "Попался в собственную ловушку",— с удовольствием отметил молодой человек и направился к двери, чтобы вручить конверт слуге.

— У меня есть письмо для мсье графа,— сообщил он.— Вас не затруднит вручить его? Моя фамилия Брендон. Деф Брендон.

Слуга поклонился и впустил его.

— Не согласится ли мсье посидеть несколько минут в холле? Господин граф сейчас занят с другим джентльменом.

Молодой человек сел и стал ждать. В окна холла был виден главный вход, и вскоре Деф услышал звук мотора. По дороге с шумом ехало такси. Человек из вагона первого класса с багажом, помеченным буквами П. Д. Б. В., тоже явился сюда. Лорд Питер Вимсей расплатился с шофером и нажал кнопку звонка.

— Теперь,— пробормотал молодой человек,— будем веселиться.— Он быстро шагнул в сторону и встал в тень от высокого норманского шкафа.

— Добрый день,— приветствовал слугу вновь прибывший на великолепном французском языке.— Я лорд Питер Вимсей. Я прибыл по приглашению графа де Руэля. Граф свободен?

— Милорд Вимсей? Прошу прощения, мсье, но я не понимаю. Милорд де Вимсей уже приехал и в данный момент находится у графа.

— Удивительно,— невозмутимо произнес незнакомец.— Никто кроме меня, не имеет право носить это имя. Похоже, что тот человек более изобретателен, чем честен.

Слуга был в растерянности.

— Может быть, мсье покажет документы.

— Довольно необычная процедура для частного визита, но я не

...возражать,— весело заявил его светлость.— Вот мой паспорт, здесь вид на жительство, здесь письма, адресованные мне на отель "Морис" в Париже, на мою квартиру на Пиккадилли в Лондоне, в клуб Марлборо в Лондоне и на дом моего брата в Кинг Денвере.

Слуга внимательно проверил документы, особенно вид на жительство.

— Кажется, произошла ошибка,— подозрительно пробормотал он.— Прошу последовать за мной, я представлю вас графу.

Они исчезли и Брендон остался один.

— Это сенсация!— воскликнул он.— Каждый из нас не слишком разборчив в средствах. Очевидно, все зависит от метода.

После десяти минут нетерпеливого ожидания появился слуга.

— Мсье граф приносит свои извинения и просит вас зайти,— доложил он.

Молодой человек стремительно вошел в комнату. Он был очень доволен собой, ведь именно он создал эту великолепную ситуацию. Граф, высокий, худой мужчина с пальцами, измазанными химикатами, сидел со смущенным видом за столом. В креслах сидели два Вимсея. Брендон заметил, что Вимсей, которого он видел в поезде (он называл его Питер I) был невозмутимо спокоен, а Питер II, приехавший в "рено", выглядел возмущенным. Оба немного походили друг на друга: оба были белокурые, худые, с длинными носами.

— Мсье Брендон,— сказал граф,— я очень рад познакомиться с вами и сожалею, что должен обратиться к вам со странной, но чрезвычайно важной просьбой. Вы представили мне письмо от вашего кузена лорда Питера Вимсея. Не укажете ли вы, который из этих двух джентльменов ваш кузен?

Брендон медленно осмотрел обоих претендентов, размышляя, какой ответ для него выгоднее. Во всяком случае, один из них обладал блестящим умом, натренировынным на раскрытии мошенничеств.

— Ну,— протянул Питер II,— вы узнаете меня, Брендон?

Питер I достал из портсигара сигарету.

— Ваш сообщник, кажется, не очень хорошо знает свою роль,— улыбнулся он Питеру II.

— Мсье граф,— вежливо произнес Брендон,— я очень сожалею, что не могу помочь вам в этом деле. Мое знакомство с кузеном также, как и ваше, основано лишь на переписке. Моя профессия,— добавил он,— сделала меня непопулярным в семье.

Кто-то облегченно вздохнул. Фальшивый Вимсей — один из двух — получил отсрочку. Брендон весело улыбался.

— Великолепный ход, мистер Брендон,— похвалил Питер I,— но едва ли это объяснит... Позвольте,— и он взял из дрожащих рук графа письмо.— Едва ли объяснит тот факт, что на письме датированном тремя неделями назад, чернила еще не высохли, хотя я поздравляю вас за отличную подделку моего почерка.

— Если вы смогли подделать мой почерк,— ответил Питер II,— то

что мог сделать и мистер Брендон.— Он прочел письмо из-за плеча своего двойника.

"Мсье граф, я имею честь представить вам моего друга и кузена мистера Дефа Брендона, который, насколько я знаю, собирается в следующем месяце посетить Францию. Он очень интересуется вашей библиотекой. По профессии он журналист, но кое-что смыслит и в книгах".

– Я восхищен, хотя узнаю впервые, что у меня есть такой кузен. Шутка журналиста, мсье граф. На Флит-стрит* очень интересуются нашей семьей. Может быть, он информирован и о цели моего визита в "Мон-Суси"?

– Если вы собираетесь узнать формулу ядовитого газа Руэля для британского правительства,— смело заявил Брендон,— я могу ответить, что знаю ее, хотя, вероятно, другие меньше осведомлены.— Теперь он тщательно взвешивал каждое свое слово. Проницательный взгляд и детективные способности Питера I беспокоили его больше, чем ядовитый язык Питера II.

Граф был раздражен.

– Джентльмены,— нахмурился он,— очевидно, где-то произошла утечка информации. Я не знаю, кто из вас Питер Вимсей, которому я мог бы доверить формулу. Оба вы предъявили документы, оба осведомлены об этом деле, оба знакомы с письмом, полученным мной от лорда Питера, и оба предлагаете мне условленную сумму в Английском банке. Вдобавок ко всему появляется третий джентльмен, прибывший с подложным рекомендательным письмом. Все это мне не нравится. Но я принял решение. Вы должны остаться здесь, пока я свяжусь с Англией. Настоящему лорду Вимсею я приношу извинения и заверяю, что приложу все усилия, чтобы выполнить наше соглашение. Это удовлетворяет вас? Рад слышать. Мой слуга покажет вам ваши комнаты. Обед — в половине восьмого.

– Получается,— заметил Брендон, поднося к носу бокал вина с видом знатока,— что один из этих джентльменов назвал свое собственное имя.— Дерзость вновь вернулась к нему.— Ваш погреб, мсье граф, хорошо известен, как и ваш талант.

Оба лорда Питера кивнули в знак согласия.

– Я принимаю вашу похвалу,— учтиво промолвил граф,— и это дает мне возможность с вашей помощью определить, кто из джентльменов настоящий лорд, а кто его талантливый подражатель. Кажется, у лорда Питера непревзойденный винный погреб в Европе?

– Вы льстите мне, граф,— скромно склонил голову Питер II.

– Я бы не сказал, что он непревзойденный,— возразил Питер I.— Его скорее можно назвать посредственным.

---

* Улица в Лондоне, где сосредоточены редакции газет.

Ваши светлости несправедливы,— усмехнулся Брендон, обращаясь к обоим.— Напомню вам пари, которое вы выиграли у Фредрика Арбентнота в клубе Эгоистов, когда он ошибся на семнадцать лет в определении возраста вина. Об этом писала "Ивнинг Уотр".

— Я был тогда в хорошей форме,— припомнил Питер I.

— Повезло,— рассмеялся Питер II.

— Испытание, которое я предлагаю, джентльмены,— продолжал граф.— простое, хотя и потребует усилий. За обедом будет шесть блюд, и с каждым мы будем пить соответствующее ему вино, дворецкий подаст его, скрыв этикетку. Каждый раз вы будете давать свои оценки вину. Может быть, мы к концу обеда доберемся до истины. Если выпитая смесь произведет нежелательный эффект, то к утру все пройдет. Но таким образом, я уверен, мы узнаем правду.

Оба Вимсея поклонились.

— Истина в вине,— усмехнулся Брендон. Он был сдержан и предвидел преимущества своего положения.

— Случайность и дворецкий помогут нам,— прибавил граф и обратился к Питеру I.— Я попрошу вас высказать свое мнение о вине, которое сейчас выпьете.

— Дворецкий разлил вино.

— Это едва ли настоящее испытание,— включился в игру Питер I.— Я могу определенно утверждать, что это очень приятный и хорошо выдержанный Шаблис Мутон. Для Шаблиса оптимальный срок выдержки десять лет. Я думаю, вино 1916 года, поскольку именно он был наиболее удачным для винограда в этом районе.

— Вы добавите что-нибудь, мсье?— спросил граф у Питера II.

— Я бы не хотел выглядеть догматиком, но замечу, что вино 1915 года.

Граф поклонился и повернулся к Брендону.

— Может быть, и вам хочется высказать свое мнение?— вежливо спросил он, дав понять, что и его считает человеком своего круга.

— Я бы не рискнул,— зло огрызнулся Брендон.— Я знаю точно, что вино 1915 года, я случайно увидел этикетку.

Питер II был в замешательстве.

— Прошу меня извинить.— Граф подошел к дворецкому и что-то шепнул ему. Тот принес устрицы и суп.

Настала очередь следующего претендента.

— Ваша очередь объявить свой приговор первым, мсье,— обратился граф к Питеру II. Тот смутился под насмешливым взглядом Питера I.

— Это... это Сотерн,— начал он и замолчал. Потом, ободренный улыбкой Брендона, продолжил с апломбом: "Шато-Икем", 1911 год. Так сказать, король всех белых вин.— Он залпом допил вино.

Граф изучающе смотрел на обоих Питеров, потом остановил взгляд на Питере I.

— Я буду польщен,— пробормотал он,— если тот, кто вновь воспользуется моим именем, сможет различить белые вина. Теперь, сэр, я скажу, что это "Монраше"... одну минуту.— Он кончиком языка попробовал

вино.— 1911 год. Хорошее вино. И оно занимает важное место в вашем меню, граф. Правда, для великолепного супа вино это слишком сухое, и его лучше было бы пить с конфитюром.

— Это свидетельствует, что один введен в заблуждение,— невинно промолвил Брендон.— Я не имею преимущества по сравнению с лордом Питером, но никто не должен путать Монтраше с Сотерном. Я бы сказал, что это не Монтраше Эйн, а Шевалье-Монтраше, того же года. Но, как вы правильно заметили, ваша светлость, для супа вино суховато.

Граф быстро взглянул на него, но ничего не сказал.

— Возьмите маслину,— мягко предложил Питер I.— Вы не сможете разобрать вкус следующего вина, если не отобьете вкус только что выпитого .

— Спасибо,— Брендон не хотел казаться невежливым.— Это напоминает мне...— Он засмеялся, но промолчал.

Граф задумчиво наблюдал, как бокалы наполнялись янтарным вином. Брендон снова поднес бокал к носу и лицо его немного покраснело. После первого глотка он повернулся к хозяину.

— Великий боже, сэр...— начал он.

Питер I сделал глоток, вздохнул, сделал еще глоток и нахмурился. Питер II не стал ждать, жадно выпил вино и улыбнулся.

— Ну, мсье?— мягко спросил граф.

— Это определенно рейнвейн,— сделал вывод Питер I,— и великолепный рейнвейн, но я должен признаться, что не могу определить откуда он.

— Нет?— хрипло спросил Брендон.— А другой джентльмен? Однако я думаю, что могу. Это место находится отсюда в паре миль, хотя подобное вино я едва ли пробовал во Франции. Это рейнвейн, как сказали вы, ваша светлость, и это Иоганнисбергер. Не какой-нибудь плебейский, а Шлосс Иоганнисбергер. Ваша светлость могли пропустить его во время войны. Мой отец упустил его за год до своей смерти, но в подвалах Денвера он когда-то был.

— Я должен признаться в ошибке,— пробурчал Питер II.

Цыпленок сопровождался Лафитом, который, по утверждению Брендона, был 1878 года. Разница в определении обоих Вимсеев состояла только в возрасте.

Клос-Руже вызвал полное согласие. После предположения Питера II, вино 1915 года, Питер I заявил, что оно 1911 года.

Вино к баранине не вызвало разногласий. Потом подали десерт.

Питер I улыбнулся Питеру II.

— Необходимо продолжить обед,— пожелал он.— Чертовски хороший обед и отменное вино. Продолжим?

— Полагаю, вы не хотите продолжить обсуждение?— воскликнул граф.

— Я думаю, того достаточно.

— Разве кто-то отказывается от вина?— возразил Брендон.— Ведь ваши светлости так хорошо в нем разбираются.

— Не только в этом. Откровенно говоря, об этом вине я не беспо-

коюсь. Сухие вина. Ваш отец, мистер Брендон, имел такое вино?

Брендон покачал головой.

— Нет,— скромно ответил он.— Подлинный Императорский Токай находится далеко от Граб-стрит. Хотя я согласен с вами, мсье граф, что это вино переоценили.

— В таком случае,— граф помедлил,— мы перейдем к ликерам. Я надеялся удивить джентльменов местным вином.

— В полной тишине на стол водрузили высокие бутылки.

— А это,— дружелюбно проронил Питер I,— прекрасное французское бренди. Я думаю, что ему полстолетия.

— Вы заслужили похвалу,— восхитился Брендон.— Это бренди из всех бренди. Наполеоновское. Его можно было подать императору.

Он встал с салфеткой в руке.

— Сэр,— повернулся к нему граф,— я всегда считался знатоком вин, но вы — неподражаемы.— Он кивнул дворецкому, который развернул одну из бутылей, и все увидели наполеоновский герб на этикетке.— Каждый раз вы уточняете возраст вина. Едва ли найдется шесть человек во всем мире с такими знаниями и вкусом как у вас. Будьте любезны сообщить нам свое настоящее имя.

— Дело не в имени,— грозно прорычал Питер I и вскочил на ноги.— Руки вверх! Граф! Дайте формулу!

Брендон скомкал салфетку и вдруг всех оглушил выстрел. Питер I стоял с перебитой рукой. Брендон быстро повернулся к Питеру II.

— Граф, будьте любезны, обыщите этого человека и возьмите у него оружие. Благодарю вас. А теперь, почему бы нам снова не присесть и не выпить?

— Вы... вы...— простонал Питер I.

— О, мое имя Брендон, все верно,— весело представился молодой человек.— Я не люблю пользоваться чужим именем, как некоторые чужой одеждой. Я Питер Деф Брендон Вимсей. Это немного длинновато, но иногда, как видите, может пригодиться. У меня тоже есть паспорт и прочие документы, но я предпочитаю сам доказывать, кто я. По моему мнению, вся эта возня была подстроена Военным министерством. Поэтому у вас есть все необходимые документы. Но куда вам тягаться со мной!

— Милорд,— с уважением произнес граф,— я полагаю, что эти двое — англичане. Я не знаю, какую цель преследовало правительство, устроив это вероломство. Наши продажные правители республиканцы не лучше ваших правителей — монархистов. Но я согласился изменить своей родине потому, что я беден. Возвращайтесь к себе и скажите, что я не продам формулу. Если, не дай бог, возникнет новая война между нашими странами, я буду на стороне Франции. Это, милорд, мое последнее слово.

Вимсей поклонился.

— Сэр,— покорно склонил голову он.— В таком случае, моя миссия закончена, чему я очень рад. Торговля средствами уничтожения — паршивое дело. Закройте дверь за этими типами и вернемся допивать это великолепное бренди.

АНТОНИ ВИНН

КИПРСКИЕ ПЧЕЛЫ

Инспектор Скотланд-Ярда Бейль поставил на стол перед доктором Хейли небольшую деревянную коробку.

— Здесь,— весело заявил он,— находится тайна, которую даже вы, мой дорогой доктор, едва ли в состоянии узнать.

Доктор Хейли наклонил свою большую голову и минуту или две тщательно осматривал коробку. Она была целиком изготовлена из дерева. Крышка тоже была деревянная, но прибита гвоздем с одной стороны. На этом гвозде крышка и вращалась. Он хотел открыть ее, но инспектор, следивший за ним, схватил его за руку.

— Осторожнее,— остановил он.— В коробке три живые пчелы. Их было четыре, но одна ужалила моего коллегу, который неосторожно открыл коробку.

Он уселся в кресло, откинулся на спинку и закурил превосходную сигару, предложенную ему доктором Хейли. Помолчав немного, он заговорил.

— Вчера ночью один из моих сотрудников нашел эту коробку возле тротуара на Пиккадилли, напротив Критерион-театра. Он удивился и принес ее в Ярд. У нас в штате есть пчеловод, который заявил, что это — рабочие пчелы, и только сумасшедший может держать их. Маток, понятно, часто перевозят в коробках.

Хейли поднял очки.

— Я тоже это слышал,— признался он. Доктор достал табакерку и взял щепотку табака.— Вы, конечно, знаете, мой дорогой Бейль,— прибавил он,— что содержалось в этой коробке до того, как в нее посадили пчел?

— Нет, не знаю.

— Противодифтеритная или какая-то другая сыворотка. Почти каждая фирма отправляет эти препараты в таких коробках.

— Гм!— Бейль наклонился вперед.— Так это значит, что владелец коробки — врач. Очень интересно.

— Это ничего не значит,— доктор Хейли покачал головой.— Коробка могла остаться в доме пациента после того, как было израсходовано ее содержимое. Пациент же приспособил ее для другой цели.

Бейль кивнул. Он колебался. Потом очень серьезно произнес:

— Причина, по которой я вас побеспокоил, заключается в том, что вчера ночью была найдена мертвая молодая женщина. Она сидела за рулем двухместного автомобиля. На Лейчестерской площади.

Говорил он спокойно, но чувствовалось, что для него это очень важно.

— Тело было тут же исследовано врачом. Он и заметил след укуса у нее на лбу. Мертвую пчелу мы нашли позднее в машине на полу.

Сообщив это, он достал из кармана другую коробку, открыл ее и протянул доктору.

— Обратите внимание, доктор, на странный рисунок на теле пчелы. Желтые круги. Наш эксперт говорит, что эти круги указывают на особую породу пчел. Они называются кипрскими, и эти насекомые очень злы. Странно, но в этой коробке тоже кипрские пчелы.

Доктор Хейли взял небольшое увеличительное стекло, лежавшее перед ним, и стал рассматривать тело насекомого. Его знания по пчеловодству не отличались глубиной, но он понял, что это не обычный тип английской пчелы. Он отложил лупу и снова откинулся на спинку кресла.

— Да, это чрезвычайно интересно,— заметил он.— Какова ваша версия?

Бейль покачал головой.

— Нет никаких оснований считать, что укус был причиной смерти этой женщины,— неожиданно заявил он.— Видели, что она быстро ехала по улице, а потом внезапно остановила машину. Так что трудно понять, что случилось. Скажите, укус мог быть причиной сердечного приступа?

— Да.— Доктор снова взял щепотку табака.— Однажды, много лет назад, я наблюдал подобный случай. Пчеловод был ужален пчелой, хотя у него уже несколько лет была пасека. Он умер через пять минут. Но это был чисто анафилаксический случай.

— Не понимаю.

Доктор Хейли на минуту задумался.

— Анафилаксией,— начал объяснять он,— называют один из изумительных феноменов в медицине. Если человек получил инъекцию сыворотки из крови, или какой-нибудь другой экстракт, извлеченный из тела животного, то в некоторых случаях у него появляется повышенная чувствительность и при повторной инъекции он может умереть. Например, повторные инъекции белка утиного яйца с ошибкой в неделю приводят к смерти. Иногда достаточно съесть утиное яйцо, чтобы наступила смерть. А вот куриные яйца никогда не дают подобного эффекта. Однако, любопытно, что если инъекция повторена вовремя, то ничего не случится. Для некоторых случаев существует время, в течение которого категорически нельзя повторять инъекции. Такой срок может исчисляться годами. Пчеловода, смерть которого я случайно наблюдал, пчелы жалили и раньше, но на этот раз между укусами прошло немного времени.

— Великий Боже!— Бейль с интересом уставился на доктора.— Значит, таким образом можно убивать?

Последнее слово он произнес с благоговейным страхом. Доктор Хейли уже понял, к чему клонит инспектор.

— Да, это возможно. Но не забывайте, мой дорогой Бейль, что убийца, использующий этот метод, должен предварительно сделать жертве прививку — ввести пчелиный яд, чтобы подготовить необходимую степень чувствительности. Так сказать, проэкспериментировать перед этим, если он, случайно, не врач.

— А! А коробка от сыворотки!— Инспектор был возбужден.

— Согласен. Врач легко может сделать инъекцию пчелиного яда пациенту, допустив, под видом обычной сыворотки, но пациент этого не будет знать.

Бейль встал.

— Скажите, а есть какой-либо способ определить эту чувствительность у человека?

— Никакого.

— Значит, нам остается руководствоваться только обычными доказательствами.— Он вздохнул.— Эта женщина идентифицирована как вдова художника Бардуэлла. У нее была квартира — причем роскошная — в Меншион парке. С ней, кажется, все было в порядке. Но мы не в состоянии найти каких-либо родственников.— Он посмотрел на часы.— Я сейчас отправляюсь туда. Вы не откажетесь пойти со мной?

Обычно равнодушные глаза доктора Хейли блеснули. Он встал.

— Мой дорогой Бейль, вы же знаете, что всегда можете рассчитывать на меня.

Квартира в Меншион парке поражала роскошью. Расточительность проявлялась во всем, но так, будто ее владелица не стремилась создать уют. Комнаты были битком набиты и их содержимое не казалось вульгарным только потому, что все носило характер веселой беззаботности. Казалось, женщина могла покупать все, что ей заблагорассудится, и ни о чем не заботиться. Таким образом в столовой красовался буфет времен королевы Анны, возле которого громоздились ужасные пузатые кресла, отделанные под орех. В гостиной венецианские вазы соседствовали с позолоченными богемскими безделушками.

Доктор Хейли пытался мысленно представить себе умершую. Он видел свойственную ей безвкусицу, жадность и определенное очарование женщины, которая, пока она молода и красива, привлекает мужчин. Его опыт подсказывал, что женщины такого сорта способны приводить любовников в отчаяние своей экстравагантностью и непостоянством. Не мог ли отвергнутый любовник отомстить ей? В таком случае, если эта версия подтвердится, надо искать врача среди любовников этой женщины. Да такого, у которого есть пасека.

Молодой детектив, которого Бейль представил как Тедакстера, уже внимательно обследовал квартиру. Он не нашел ничего, даже фотографий. Соседи тоже не могли сообщить ничего существенного. Миссис Бардуэлл была окружена друзьями, которые имели обыкновение приходить к ней поздно вечером. Очевидно, они не завели привычки писать ей, а если и писали, то она уничтожала письма. В течение последних нескольких недель она, кажется, обходилась без прислуги.

— Так вы ничего не нашли?— разочарованно спросил Бейль.

— Ничего, сэр. Во всяком случае, ничего важного.

Тедакстер протянул листок бумаги. Это была квитанция из магазина "Таймс бук клуб" на "Любовные песни" Броунинга. Имени, конечно, на ней не было.

Бейль показал ее доктору Хейли, который несколько минут молча рассматривал ее.

— Где вы нашли это?— спросил он.

— В камине ее спальни.

Глаза доктора прищурились.

— Мне и в голову не могло прийти, что владелицу этой квартиры может интересовать поэзия.

Он аккуратно вложил квитанцию в записную книжку.

— Однако,— прибавил он,— любовные песни Броунинга очень привлекают некоторых молодых женщин.— Он посмотрел на молодого детектива.— Вы нашли эту книгу?

— Нет, сэр. В спальне есть несколько романов, но стихов нет.

Доктор Хейли кивнул. Он попросил показать ему книги и тщательно их посмотрел. Романы были в основном сексуальные. Это ему не понравилось. Доктор исследовал форзац каждой книги. Они были чистыми. Он повернулся к Бейлю.

— Готов держать пари,— заявил он,— что миссис Бардуэлл не оплачивала этот счет в "Бук клубе". Более того, книга была куплена не для нее.

Детектив пожал плечами.

— Может быть и нет,— равнодушно проронил он.

— Тогда почему квитанция оказалась в этой комнате?

— Дорогой доктор, откуда я могу знать? Очевидно, потому, что человек, которому она принадлежала, выбросил ее здесь.

Доктор покачал головой.

— Ни один мужчина не купит любовные песни ни для себя, ни для такой женщины, как миссис Бардуэлл. Видимо, эти стихи предназначались для другой любовницы. По-моему, это очевидно.

— Ну?— нетерпеливо спросил Бейль.

— Следовательно, раз мужчина сделал такую покупку, он должен был скрыть ее от этой женщины. Ведь трудно поверить, будто мужчина, состоящий в интимной связи с миссис Бардуэлл, станет возбуждать ее ревность, давая ей доказательства существования другой женщины. Я убежден, что книга куплена не для миссис Бардуэлл.

Бейль пожал плечами. Ему казался несущественным такой пустяк. Он с беспокойством осмотрел спальню.

— Я бы хотел найти что-нибудь определенное, наводящее нас на конкретную личность, — признался он.

Его слова в равной степени относились и к подчиненному, и к доктору, но тот протирал очки.

— Мой дорогой Бейль, — обратился доктор,— у нас уже есть коечто определенное. Я хотел рассказать, об этом, когда вы меня перебили. Это квитанция выпала из кармана ее владельца через дырку. Так же, как коробка с пчелами, из которой он считал нужным выпустить только одну, вылетевшую на Пиккадилли в машине миссис Бардуэлл.

Он замолчал. Детектив с возрастающим интересом смотрел на него. Доктор Хейли с сожалением подумал о том, что судьба не одарила Бейля талантом разбираться в человеческих поступках.

— Вы, похоже, никогда не видели, как поступает человек с квитанцией за вещи, которые он выбрал и оплатил? Поверьте мне, его повседневное в этот момент характеризует человека. Квитанцию, как правило, вручает

девушка, и покупатель кладет ее в ближайший карман. Он не хотел
показаться грубым, поэтому и не швыряет квитанцию тотчас же на
пол. Робость, вежливость и опрятность — наши национальные черты,
дорогой Бейль.

Он достал щепотку табака. Оба детектива с интересом посматри-
вали на него.

— Человек с небольшой дыркой, достаточной, чтобы выпала смя-
тая бумажка, когда он, не снявши пальто, прохаживался взад и вперед,—
разве это не ключ? Возможно, именно врач в глубине души любит
подобных, чертовски привлекательных женщин.

— Я думал, вы объясните, почему он купил любовные песни для
другой женщины!— проворчал Бейль.

— Да. Особы, вроде миссис Бардуэлл, привлекают его, хотя ему
нравятся более образованные женщины.— Доктор Хейли задумал-
ся.— Вас не удивляет,— спросил он,— что мужчина может быть не
предан одной женщине, хотя по натуре он однолюб? Снова и снова
я представляю себе его хорошие и плохие качества.

— Даже так?

Бейль был в некотором замешательстве.

Доктора, однако, было не так-то легко обескуражить.

— Если миссис Бардуэлл действительно была убита,— уверенно
заявил он,— я думаю, образ убийцы не так уж трудно представить.
Это врач средних лет, потому что жертве, по крайней мере, лет
тридцать. Он практикует в сельской местности, но любит городскую
жизнь. Нисколько не заботится об одежде, ведь по нашим предположе-
ниям, в кармане есть дыра, сентиментальный эгоист, поскольку покупа-
ет любовные песни, замышляя убийство. — Он задумывался. — Воз-
можно, миссис Бардуэлл излишне стремилась к роскоши. Такие жен-
щины, как тигрицы, борются за обладание мужчинами, к которым про-
никлись любовью. Возможно, она хотела заставить его жениться на
себе. — Он посмотрел на Бейля и поправил очки.

— Как вы считаете, почему миссис Бардуэлл не удалось заставить
его жениться?— спросил он.

— Понятия не имею.— Голос детектива звучал резко.

Доктор Хейли пересек комнату и остановился у стола рядом с
окном. Он взял лист бумаги и нарисовал на ней маленький кружок.
Потом вернулся к детективам, наблюдавшим за ним.

— Здесь Лондон,— он показал на кружок.— А вокруг деревни на
расстоянии пятидесяти километров. Так сказать, двухчасовая прогул-
ка на автомобиле. Наш доктор, кажется, часто наносит визиты в город.
И я думаю, что этого радиуса достаточно.

Он провел еще один круг и выделил сегмент.

— Вот,— продолжал он,— горная часть Саррея, она в этих пределах.
Там растет вереск и всегда есть пчелы.

Он поднял голову и посмотрел на обоих детективов, которые с
большим интересом следили за ним.

— Я думаю, будет нетрудно найти врача, который практикует там
и держит кипрских пчел. Он часто наведывается в Лондон, носит

пальто с дыркой в кармане и живет отдельно от жены.

— Боже мой!— воскликнул Бейль. Инстинкт охотника за людьми заговорил в нем. Он с энтузиазмом посмотрел на Хейли. Молодой детектив, однако, был настроен более скептически.

— Почему доктор живет отдельно от жены?— пожелал узнать он.

— Потому что, если бы она не была от него удалена, он, вероятно, давно убил бы ее, и женился на миссис Бардуэлл еще в начале своего увлечения. Я знаю таких похотливых мужчин, которые буквально пылают от желания. Брак для них всегда невероятно привлекателен.

Он взглянул на часы и заторопился.

— Если вы последуете моему совету, мой дорогой Бейль,— заметил он перед уходом, — я надеюсь, вы очень скоро сможете сообщить мне о результатах. Эта история представляет интерес для Медицинского справочника.

Весь следующий день доктор Хейли был очень занят и не смог разузнать о дальнейшем раскрытии тайны кипрских пчел. Однако через день он позвонил в Скотланд-Ярд инспектору Бейлю. Разочарованным тоном тот сообщил доктору, что во всем районе нет врача, соответствующего данному описанию.

— Миссис Бардуэлл,— добавил Бейль,— держала горничную, которая уезжала в отпуск. Вчера вечером она вернулась и рассказала нам, что ее хозяйка принимала очень немногих мужчин у себя на квартире. Среди них врача не было. Конечно, возможно, что врач появлялся здесь в течение тех двух недель, что она отсутствовала. Но тогда, я боюсь, версия об убийстве притянута за уши. Перед смертью, она возможно, побывала в сельской местности, где ее могла ужалить пчела. Пчелы часто нападают на людей, сидящих в машинах.

Доктор Хейли повесил трубку и взял щепотку табака. Он уселся в кресло, закрыл глаза и погрузился в размышления. Если эта женщина не принимала врача в своем доме, едва ли предположение об интимных отношениях правдиво. В этом случае его предположения не оправдались. Он встал и по Харриен-стрит дошел до "Таймс бук клуба". Он показал квитанцию и спросил, не смогут ли ему сказать, кто покупал эту книгу. Девушка сразу же вспомнила. Это было неделю назад. Книгу покупал мужчина в сопровождении молодой женщины.

— Вы случайно не заметили, как она выглядела?—робко поинтересовался Хейли.

— Я особенно не рассматривала ее, — равнодушно ответила девушка. — Помню, что у нее белокурые волосы.

— А мужчина?

Девушка пожала плечами.

— Боюсь, что не смогу его описать. Возможно, бизнесмен.— Она на мгновение задумалась. — Он был старше ее.

Доктор вышел из магазина и направился к Харлей-стрит. В одном он не ошибся. Покупатель "Любовных песен" был мужчина, и он выбрал их не для миссис Бардуэлл. Бейль обмолвился, что у той были каштановые волосы. Зачем этот человек заходил к миссис Бардуэлл вскоре после покупки книги? Он вздохнул. Почему бы и нет? Бейль

дав ни один суд в мире не станет слушать и принимать как доказательства заключения некомпетентных лиц. Когда он подходил к своему дому, то увидел выбирающегося из машины Тедакстера.

– Могу я побеспокоить вас, доктор?

Они вместе вошли в дом. Тедакстер достал из кармана бумажку и протянул ее Хейли. Это был рецепт на имя миссис Бардуэлл; под названием лекарства красовались неразборчивые инициалы врача. Он был написан на бумаге миссис Бардуэлл.

– Я нашел это после вашего ухода,– объявил молодой человек.– Лекарство выдано местным аптекарем. Сегодня я видел его, и он сказал, что это второй рецепт, написанный неизвестным ему врачом. Лекарство для миссис Бардуэлл было взято у него несколько дней назад.

Доктор Хейли прочел рецепт. Это было обычное тонизирующее. Подпись разглядеть было нельзя.

– Боюсь, нам это ничем не поможет,– он покачал головой.

– Вы можете назвать врача с такими инициалами?

– Нет.

– Тогда мы сами попробуем узнать.– В голосе Тедакстера звучало разочарование. Видимо, он надеялся на заслуженную репутацию Хейли.– Ваши рассуждения показались мне очень убедительными.

Доктор Хейли кивнул, но взгляд его был отсутствующий. Значит, врач недавно был у этой женщины и, очевидно, с ранним визитом. Врач, почерк которого уже известен местному аптекарю. Он повернулся к молодому детективу.

– Я слышал недавно от Бейля ,– вспомнил он,– что вернулась горничная. Вы случайно не знаете, известно ли ей об этих профессиональных визитах?

– Я спрашивал ее об этом. Она сказала, что ей ничего неизвестно.

Доктор снова погрузился в себя. Для рецепта была использована бумага миссис Бардуэлл, следовательно, его выписали в ее квартире. Почему эта женщина старалась скрыть от горничной визит врача?

– Скажите, я не слишком побеспокою вас, если попрошу проводить меня опять в эту квартиру в Меншион парке? Признаюсь, я буду рад задать горничной несколько вопросов. Врач может скорее получить информацию, чем простой смертный.

Пока они ехали, доктор Хейли вновь и вновь задавал себе вопрос, который так беспокоил его. По какой причине миссис Бардуэлл было необходимо скрыть визит врача? Даже допуская, что этот врач был ее любовником. Он открыл глаза и увидел туманный Лондон. По улицам сновали девушки и женщины. И мужчины. Неудивительно, что полиции трудно разыскать безымянного человека в этом смешении надежд и страха, отчаяния и радости.

Машина остановилась. Они вошли в лифт и поднялись к квартире. Тедакстер позвонил. Мгновение спустя дверь открылась, на пороге появилась молодая женщина и пригласила их войти. В ее голосе звучало беспокойство, очевидно, она испугалась возвращения полиции. Она закрыла дверь и провела их через мрачный коридор в гостиную.

Когда свет упал на ее лицо, доктор Хейли едва сдержал возглас

[illegible] мысли, которая вдруг пришла ему в голову, румянец выступил на его щеках. Он поправил очки.

— [illegible], — [illegible] произнес он, — в связи с тем, что есть несколько вопросов о здоровье миссис Бардуэлл перед ее кончиной. Я думаю, вы сможете нам помочь. Я врач, помогающий полиции.

— Вот как?

Она произнесла это тихим голосом. Ее хорошенькое, обильно напудренное лицо было обеспокоено, глаза беспомощно перебегали с одного мужчины на другого. Она подняла руки и поправила свои золотистые волосы.

— Видимо, будет лучше, если я поговорю с вами наедине?

Голос доктора Хейли звучал мягко. Он посмотрел на Тедакстера, и тот немедленно вышел. Хейли повернулся к девушке.

— Ваша хозяйка уволила вас две недели назад?

Девушка покраснела.

— Нет.

— Дитя, если вы скажете правду, вам будет только лучше.

Он заговорил холодно и уверенно. Он увидел, что ею овладел страх. Слабое маленькое существо! Вероятно, именно это привлекало в ней любовников миссис Бардуэлл и объясняло покупку "Любовных песен". Он повторил вопрос. Девушка опустила голову.

— У вас была интимная связь с человеком, которого ваша хозяйка считала своим собственным?

— О, нет, нет. Это неправда.

Снова ее взгляд ускользнул от него. Она подняла голову и свет заиграл на ее кудряшках. Неудивительно, что красота этой девушки погубила ее хозяйку.

— Выслушайте меня,— обратился к ней Хейли.— Вы отказались признать, что в эту квартиру приходил врач. Однако, нам стало известно о рецептах, полученных местным аптекарем на имя миссис Бардуэлл. Итак, или она скрывала от вас этот факт, или вы говорите неправду.— Она не говорила мне этого.

Он поднял руку.

— Лучше ответить правдиво ,— вновь предупредил он.— Если ваша хозяйка действительно утаила от вас визит врача, она должна была сама получить лекарство. Позже я узнаю в аптеке, так ли это было.

Девушка заплакала.

Доктор Хейли вздохнул. Он подождал немного и продолжил:

— Надеюсь, вы понимаете, что девушка, помогающая мужчине совершить преступление, виновата так же, как и он.

— Что вы хотите сказать?

Теперь вся ее защита рухнула. Она стояла перед ним, жалкая и растерянная, дрожащая от ужаса.

— Ваше присутствие здесь доказывает, что вы замешаны в этом деле. Почему вы вернулись?

— Потому, потому...

— Потому что он — мужчина, которого вы защищаете,— хотел узнать, что здесь нашла полиция!

Она бросилась к нему и схватила за руки.

— О, боже, я так боюсь,— пролепетала она.

— У вас есть для этого все основания.

Он усадил ее в кресло, но она с силой оттолкнула его.

— Я не хотела, чтобы он делал это!— закричала она.— Я клянусь вам, я понятия не имела, что он это сделал. Мы решили пожениться.

— Пожениться!— казалось, что он прокричал это слово.

— Клянусь вам! Это было честно и открыто, только он был у нее в руках, кроме того, она растранжирила все его деньги.

Впервые ее слова звучали правдиво.

— И его жена очень дорого ему стоила,— продолжала она,— хоть и умерла месяц назад.

Они стояли друг против друга. В комнате отчетливо слышалось тиканье часов. Доктор Хейли шагнул вперед.

— Его имя?

— Я не скажу вам, нет.

К ней вернулось ее слабое мужество. Смутное признание, что она любит этого человека, придавало ей силы. Он хотел повторить вопрос, но дверь открылась и в комнату вошел Тедакстер с маленьким томиком в руке. С диким криком девушка кинулась к нему, но доктор Хейли успел удержать ее.

— Это "Любовные песни" Броунинга,— детектив указал на книжку.— Я нашел ее в соседней комнате. На титуле есть пожелание, подписанное Майклом Корнуэлом.

Он держал книгу так, чтобы доктор Хейли мог видеть подпись. Но Хейли побледнел больше, чем девушка, стоявшая рядом с ним.

Он как во сне повторил имя "Майкл Корнуэл".

Это место скрывалось за деревьями. Доктор Хейли медленно шел по аллее. Миссия, с которой он прибыл к этому уединенному домику в Хемп стеде, угнетала его. Майкл Корнуэл был известным бактериологом, и они вместе росли в Эппингеме.

Он подошел к двери и хотел позвонить, когда из-за дома появился человек, к которому он приехал, в сопровождении старика и девушки.

— Ба! Да это Хейли!

Доктор Корнуэл принял его с распростертыми объятиями. Его глубоко посаженные злые глаза радостно смотрели на коллегу.

— Мой дядя, полковник Корнуэл,— представил он.— А это моя кузина, мисс Патси Корнуэл, которую вы должны поздравить с недавней помолвкой. Мы идем в сад,— объяснил он,— и вы должны составить нам компанию. Потом ленч. Следовательно, мой дорогой Хейли, если у вас есть ко мне дело — а вы наверняка приехали ко мне по делу — придется его отложить.

Он мало изменился за последние годы и по-прежнему его лицо сохраняло то выражение, за которое его прозвали "рысью".

Они пересекли лужайку. Яркий солнечный свет весело приветствовал их. Однако доктор Хейли был мрачен. Патси Корнуэл, напротив, казалась веселой и оживленной. Она взяла доктора Хейли под руку.

Ее отец и кузен шли впереди. Они двигались по узкой тропинке между цветами, девушка прижималась к нему и не отрывала глаз от удивительных цветов.

— Они даже не замечают цветов,— огорченно произнесла она и подняла голову. Он слегка от нее отодвинулся.

Резкий крик нарушил эту ленивую тишину. Она увидела, что ее отец и кузен побежали назад, преследуемые роем насекомых. Они бежали, не оглядываясь. Старик поскользнулся, но племянник поддержал его.

— Пчелы!

Это слово сорвалось с губ доктора Хейли, как вопль отчаяния. Он подскочил к сторожке и хотел открыть деврь, но жужжащие пчелы уже настигли их.

— Ложитесь на землю!— крикнул он девушке.

Она в ужасе повернулась к нему.

— Но мой отец...

— Ложитесь, если хотите жить!

Он стоял и смотрел, как пчелы кружились вокруг сторожки. Но одно он успел заметить — странный взгляд, который бросил на него Корнуэл, когда он крикнул "пчелы".

В саду никого не было.

Бейль наклонился вперед.

— Горничная призналась, что она звонила Корнуэлу перед ленчем,— сообщил он.— Она пыталась связаться с ним и раньше, но не могла застать его дома. Он понял, что полиция подозревает его только после убийства своего дяди.

Детектив закурил сигару, а Хейли задумчиво наблюдал за ним.

— Десять минут спустя, как вы знаете, он точно знал, что его игра проиграна, однако терять ему было нечего.

— У мисс Корнуэл недавно состоялась помолвка,— вспомнил Хейли.

— Да. — Бейль выпустил струю дыма. — Это обстоятельство и ускорило убийство. Он надеялся на такой же исход, как и с миссис Бардуэлл. Только дядины деньги могли спасти его. Если бы мисс Корнуэл вышла замуж, он бы потерял все. Я знаю, что месяц назад он настоял на проведении инъекции отцу и дочери под предлогом профилактики простудного заболевания. Несомненно, что мисс Бардуэлл тогда же получила свою порцию инъекции. И каждый из этих троих был приговорен к смерти.

Доктор Хейли наклонил голову.

— В тот момент, когда я увидел рой, чудовищная правда открылась мне,—тихо промолвил он.— Одно слово, вырвавшееся у меня сказало Корнуэлу о многом и все сразу стало на свои места. Этот рой был частью тщательно продуманного плана.

Детектив встал и пожал ему руку.

— Вас, мой дорогой друг, — с чувством заявил он,— мисс Корнуэл должна благодарить за свою жизнь. Да, это самое дьявольское убийство, которое я когда-либо знал. Убийство без подозрений.

РОНАЛЬД НОКС

РЕШЕНО НАБЛЮДЕНИЕМ

Мильс Бредон, знаменитый и неутомимый детективный агент, работавший в страховой компании, привык рассказывать о себе, как о полнейшем простаке. В этом он был согласен со своей женой Анжелой, во всем же остальном их мнения расходились.Он редко читал дешевые газеты и, возможно, никогда не услышал бы об эксцентричном миллионере Герберте Джервисоне, если бы его не нашли мертвым в постели. Он узнал об этом в поезде, направляясь в Уилтшир с доктором Симмондсом, превосходным врачом, которого компания ценила также высоко, как и Бредона. Было раннее солнечное утро, на полях еще лежала роса. На горизонте лениво плескался канал.

— Вы должны были слышать о нем, — уверял доктор Симмондс. — Незадолго до его смерти был целый бум в газетах. "Миллион и половина мистики" — так называли его. Почему, несмотря на колоссальное богатство, он всегда был озабочен мыслью, во что вложить деньги? Этот Джервисон околачивался на Востоке и собрал разную таинственную чепуху. Он обожал разговоры о Махатме и йогах и тому подобное, пока сангвинистические родственники не заставили его вернуться. Здесь он засел в Йобери с несколькими индийскими мошенниками, которых привез с собой, и заявил, что вступил в Братство Света. Писал он на темно-зеленой бумаге. Ел орехи, проводил различные физические эксперименты. Газеты кричали о нем, они любят такой материал. А он взял и умер.

— Такой конец рано или поздно ждет нас всех. Чем позже это случится, тем лучше для нашей компании. Кстати, почему меня послали? Может быть, он подавился бразильским орехом или еще чем-то. Речь идет об убийстве или самоубийстве?

— Именно это самое странное. Он умер внезапно, от голода.

— Я полагаю, вы ждете, что я скажу будто это невозможно. Я не врач и я достаточно хитер. Лучше опишите мне все подробнее. Вы видели его?

— Да, когда он пришел страховаться. Я был поражен, он оказался гораздо здоровее, чем я думал. Ему было сорок три года, а восточная кухня, как считают, продлевает жизнь. Он нагло требовал низкую плату, потому что, как он заявил, открыл секрет бессмертия, и компании, по его мнению, это сделка принесет выгоду. А потом он ушел и убивал себя, отказываясь жрать. И я не уверен, что он ел одно дерьмо.

— В нем не было ничего необычного? Как насчет котелка?

— Он признался, что у него слабые нервы, и замечу, что некоторые тесты он не выдерживал или выдерживал плохо. Вы знаете, что

мы проверяем нервных на верхнем этаже? Необходимо убедиться, что у них нет белой горячки. Этот парень был здорово разболтан, держался из последних сил. Но если бы его родственники захотели получить удостоверение о его психическом заболевании, я бы не выдал.

— А потом он взял внезапно умер от голода?

— Да. Он заперся в своей комнате, которую называл лабораторией, и просидел там дней десять. Я не видел его, но говорят, что это не то гимнастический зал, не то теннисный корт. В этом не было ничего странного, потому что он часто уединялся для своих дурацких опытов. И просил не беспокоить его ни по какому поводу. Возможно, он отослал свое астральное тело куда-нибудь на Тибет. Однако, и это очень странно, он обеспечил себя двухнедельным запасом пищи. Через десять дней он был найден мертвым в своей постели. Местный врач, который был на Востоке и обслуживал районы, охваченные голодом, утверждает, что это типичный случай голодной смерти.

— А пища?

— Пища не тронута. Вот и Вейбюри, где нас должна ждать машина. Я не говорил доктору Мейхью, что приеду с другом. Как мне представить вас?

— Объясните, что я— представитель компании. Это всегда вызывает уважение. Хелло, там негр на платформе.

— Это шофер... Нет, спасибо, багажа нет. Доброе утро. Вы из Йобери? Меня зовут доктор Симмондс, я думаю, что доктор Мейхью ждет меня. Он у себя? Отлично. Пошли, Бредон.

Доктор Мейхью — маленький круглый мужчина— казался не способным на подозрительность и излучал гостеприимство. Сразу бросалось в глаза, что он сельский врач, который страдает от недостатка в собеседниках. Он торопливо осматривает вас, потому что сперва ему хочется выложить новости. Он превзошел Симмондса в описании трагедии.

— Очень хорошо, что вы приехали, ребята, — взволнованно затараторил он. Не потому, что я не уверен в своем заключении. Вы же понимаете, что в девяти случаях из десяти достаточно просто поставить подпись под свидетельством о смерти. Но в десятый случай вмешивается дьявол. Вы знаете, я был в районе, где свирепствовал голод, и достаточно часто видел симптомы, чтобы не ошибиться. Неприятно? Я надеюсь, да, мистер... э? Да, мистер Бредон, я догадываюсь, что вы захотите увидеть труп. Они увезли его в дом Братства, чтобы подготовить в последний путь. Э...симптомы часто бывают неожиданными. Как насчет того, чтобы зайти ко мне домой и поговорить? Вы уверены, что не стоит? Ну, хорошо. Да, они собираются похоронить его по своим обрядам. Ногами к Иерехону или что-то еще в этом роде. Надеюсь, что эти нищие, — он понизил голос, чтобы не мог услышать шофер,— обмоют тело. Соседи их не любят. Они не настоящие индусы. Он нашел их в Сан-Франциско или где-то там. Я бы назвал их ласкарами*.

*Матросы — индийцы.

— Я не знал, доктор, что вы были бы рады избавиться от них,— удивился Бредон. Вы, конечно, понимаете, что они заинтересованы в смерти Джервисона, это ясно из его завещания. Его страховой полис выписан в пользу Братства, и я думаю, что они получат достаточно денег.

— А ваша компания заплатит их? — озабоченно спросил маленький доктор.— Боже, я бы удивился, если бы они позволили мне вступить в Братство. Ведь тогда бы и мне досталось несколько тысяч.

— Поэтому -то мы здесь, — объяснил Бредон.— Если это самоубийство, они не получат денег. Наши полисы исключают самоубийства. Это было бы слишком соблазнительно.

— Что же, так выгоднее компании. Версия о самоубийстве не кажется мне подходящей. Вот и Йобери. Странное место, очень богатый человек по имени Розенбах построил нечто вроде дворца с настоящим теннисным кортом. Потом он обанкротился, и здание пустовало, пока мистер Энстоун не устроил здесь подготовительную школу. Он мне нравился, но ему видно, было не расплатиться с долгами. Он уехал на южное побережье. Затем здесь появился Джервисон. Может быть, вы осмотрите окрестности, мистер Бредон, пока мы все сделаем?

— Полагаю, мне лучше отправиться в комнату, где был найден покойный. Быть может, один из этих туземцев проводит меня? Я бы хотел поговорить с ним.

Это без труда удалось устроить, хотя Бредон нашел, что его проводник смущен и расстроен. Шофер был в обычном черном костюме, а другой представитель общины носил белую одежду и тюрбан, покрытый кабалистическими знаками. Он был высоким и сильным, однако, в его поведении чувствовалась тревога. Когда он заговорил, ясно слышался американский акцент. Теннисный корт находился в стороне от главного здания, примерно, в пятистах метрах. Дорожка вилась вокруг дома и привела их прямо в высокую продолговатую комнату. Пол был покрыт блестящим красным линолеумом, который заглушал шаги, и слышно было только эхо голосов. Свет падал сверху, через отверстие в потолке. Оно было закрыто железной решеткой, пропуская лишь свет и воздух. Помещение хранило память о школе, тогда здесь размещался гимнастический зал. В потолке остались дырки от крюков, за которые некогда крепились кольца. Вдоль стен стояли шкафчики, где школьники складывали одежду. С тех пор здесь мало что изменилось. Очевидно, этот человек сбегал сюда, чтобы уединиться. Толстые стены не пропускали ни звука. Тяжелые двери с засовами могли выдержать осаду. Бредон пытался понять, может быть этот человек спасался здесь от своих протеже.

Но кое-что из этой убогой обстановки привлекло его внимание. Кровать и шкаф, кровать стояла посреди комнаты, и было очевидно, что ее передвинули, потому что на полу остались полосы. Кровать была не покрыта, как будто постельные принадлежности вытащили вместе с человеком. Шкаф находился за кроватью возле стены, в нем хранилась вегетарианская пища: буханка хлеба, мед на блюдце, коробка

с финиками, печенье и орехи. Конечно, в этой комнате обычный человек не мог бы с аппетитом поесть, но и умереть с голода здесь было невозможно.

Бредон сначала подошел к шкафу и внимательно осмотрел содержимое. Он потрогал хлеб и убедился, что тот еще не зачерствел, попробовал молоко: как он и ожидал — оно прокисло.

— Мистер Джервисон всегда пил кислое молоко? — спросил он своего гида, который с большим интересом наблюдал за ним.

— Нет, сэр. Я сам принес это молоко в тот вечер, когда мы в последний раз видели Пророка живым. Молоко было свежее. Он не выпил его и не вылил, вы сами убедились в этом, сэр.

Коробка с финиками стояла открытой, но было видно, что к ним не прикасались. Мед загустел и покрылся пылью. На тарелке с печеньем не было крошек. Наверное, и к печенью никто не прикасался. Видимо. Этот человек голодал добровольно.

— Я хочу задать вам несколько вопросов, — начал Бредон, повернувшись к гиду. — Моя компания желает убедиться, что мистер Джервисон умер естественной смертью. Вы поможите мне?

— Я скажу все, что вы пожелаете узнать. Я уверен, вы справедливый человек.

— Скажите, Джервисон часто оставался здесь? И почему он захотел спать здесь в ту ночь, когда вы в последний раз его видели?

— Он никогда здесь не спал. Но в ту ночь он пытался провести особый эксперимент. Здесь, на Западе, вы не понимаете таких вещей. Он намеревался погрузиться в наркотический сон. Он сам себя к этому готовил. Душа освобождается от тела. Но, поскольку это опасно, он уединился. Пока душа блуждает отдельно от тела, он решил находиться здесь, чтобы никто не смог ему помешать. Эту кровать мы притащили из дома. Все свои впечатления он, наверняка, занес в дневник. Он тщательно вел его, так как считал, что если произойдет ошибка, то все должны знать, что это не наша вина. Я сам покажу вам его дневник.

— Так, значит, в первую ночь он принял наркотик? Вы не думаете, что мог принять большую дозу и умереть?

Индус слегка улыбнулся и пожал плечами.

— Но доктор сказал нам, что он умер от голода. Ваш друг тоже доктор, и он может убедиться сам. Но я вот что думаю. Пророк очень часто ошибался, особенно, когда желал, чтобы душа была свободна. Наверное, очнувшись ото сна, он сделал важное открытие и захотел еще глубже проникнуть в эти тайны. Поэтому он заперся. Но в это время он был уже настолько слаб, что не мог дотянуться до еды или выйти. А мы ждали дома, проделывая свои опыты, пока Пророк был здесь.

Бредон меньше всего интересовался теологическими изысканиями. Его волновало другое. Является ли самоубийством смерть от голода? Во всяком случае, это задачка для юристов.

— Благодарю вас,— кивнул он. — Я подожду здесь своего друга и не буду вас больше задерживать.

Индус поклонился и ушел. Бредону показалось, что уходил он с

большой неохотой. Детектив вновь продолжил осмотр комнаты. Замок на двери... нет, его не трогали, если, конечно, не было второго ключа. Стены? Не станете же вы делать потайные ходы в теннисном корте. Окна? Нет, все цело. Человек провел здесь десять дней, не прикасаясь к пище и не пытаясь выйти. Возле кровати он нашел блокнот и карандаш. Бредон понял, что Пророк решил записывать свои впечатления. Однако на обложке лежала пыль и в блокноте не было никаких записей. Не сошел ли он в самом деле с ума? А может быть прав индус в своих предположениях? Или, возможно, это было... он слышал о странных фокусах, которые демонстрировали эти люди. Неужели эти четверо последователей способны воздействовать на Джервисона, находясь вне этой комнаты?

Вдруг Бредон заметил на полу нечто, очень его заинтересовавшее. А когда Симмондс вместе с маленьким доктором вошли в комнату, они увидели, что Бредон на четвереньках ползает возле кровати. Он был очень сосредоточен, но по блеску глаз они догадались, что их приятель близок к разгадке.

— В неудачный момент вы пришли! — укоризненно заметил он.

— Мы кое-что узнали,— начал оправдываться Симмондс.— Ваши друзья из полиции навели справки о Братстве. Очевидно, эти люди известны в Чикаго. Но я не понимаю, что они могли здесь делать. Человек умер от голода. Не говорите мне о наркотиках, Бредон. Дело не в них.

— Это убийство,— торжествуя, сообщил Бредон.— Посмотрите!— И он указал на светлые следы, оставленные кроватью.— Вы видите эти следы? Они тянутся от стены, где раньше стояла кровать, но до ее ножек не доходят на пять сантиметров. А это означает только одно — дьявольски изобретательное убийство. И полиция не сможет обвинить их в этом. Но именно эта четверка совершила убийство. На допросе один из них должен расколоться и выдать остальных. Интересно узнать, доктор Мэйхью, забрал ли ваш друг Энстоун уезжая отсюда, оборудование из этого зала?

— Он продал все целиком. Ему нужны были деньги, и как можно больше. А Братство не вдавалось в подробности. Сзади есть что-то вроде сарая. Там Энстоун хранил спортивный инвентарь, и я не удивлюсь, если там окажутся, например, параллельные брусья или другое снаряжение. Вы хотите взглянуть? Я бы предложил сначала отправиться на ленч.

— Я просто подумал, что было бы неплохо осмотреть их. А потом, как вы предлагаете, ленч.

Предсказание доктора Мэйхью сбылось. Сарай был набит всяким хламом. Гимнастический конь, параллельные брусья, лестницы, а под потолком висели канаты. Бредон наугад взял один из канатов и поднес к свету.

— Видите, он обтрепался по всей длине. Дети не могли бы так его измочалить, они носят гимнастическую обувь. Кроме того, это свежие следы. Они появились всего день или два назад. Да, это сделали они, и я думаю, что нам лучше сообщить в полицию. Компания, конечно,

кое-что потеряет, но я не вижу, что можно сделать с полисом, если они не строят мавзолей Братства. Впрочем, Братства больше нет, доктор Мэйхью.

— Вы должны простить его,— заступился Симмондс, — иногда он любит поразмышлять вслух. Мне неприятно говорить это, Бредон, но я совершенно не могу проследить за ходом ваших мыслей. Как эти парни могли убить Джервисона, если он был заперт? Нельзя же убить человека голодом, обеспечив его едой.

— Вы неправы,— возразил Бредон. — Для этого есть много способов. Вы можете отравить пищу и сказать ему об этом. Но здесь другое, потому что я сам попробовал молоко и, как видите, жив. Кроме того, я считаю, что голодающий человек отважится на риск, когда голод вконец одолеет его. Вы можете загипнотизировать человека, заставить его отказаться от пищи или внушить ему, что ее здесь нет. Но я склонен думать, что это только теория. Вы никогда в жизни не слышали о подобных преступлениях. Нет, индусы обеспечили себе алиби, готовя смерть бедняге Джервисону.

— Вы имеете в виду, что они заставили и его голодать в другом месте, а потом перенесли тело сюда?

— Едва ли. Видите ли, уморить человека голодом проще всего здесь, а пищу принести потом, как будто он сам уморил себя голодом. Но, чтобы это сделать надо попасть в здание. Вы случайно не знаете, доктор Мэйхью, кто первый обнаружил тело? И как сюда проникли потом?

— Дверь была заперта изнутри, и ключ торчал в скважине. Мы взломали замок. Я сам присутствовал при этом. Полиция, конечно, была извещена. Но индусы позвали меня в тот момент, когда заподозрили, что случилась беда.

— Вот как? Это очень поучительно. Это пример того, что преступники переусердствовали. Если наш друг заперся и не появлялся десять дней, мы попытались бы сначала окликнуть его, а потом послали бы за слесарем. Увы! Эти джентльмены послали сначала за врачом и полицией, как будто знали, что им предстоит увидеть. И это выглядит как попытка замести следы.

— Мой дорогой Бредон, вы говорите, что это убийство. Если это правда, то убийцы всегда стремятся уничтожить следы. Я лично думаю, что это лунатизм и самоубийство.

— Вы не правы. Вы заметили записную книжку и карандаш возле кровати? Что помешало этому человеку нацарапать несколько слов о том, что его оставили умирать или отравили пищу? А в случае, если бы он совершил открытие, то должен был непременно написать об этом. А что могло заставить человека разбросать свою постель? Никто, ни больной, ни сумашедший не встанет с кровати таким образом.

— Хорошо, вы нам обо всем расскажете. Но я не понимаю, почему мы тоже должны умереть от голода, в то время как доктор Мэйхью давно пригласил нас к ленчу.

— Нарисовать эту картину просто,— не замечая предложения, про-

должал Бредон. Джервисон подцепил этих жуликов где-то в Америке. Они такие же мистики, как вы или я. Они пронюхали, что он богат, и окрутили его. Добившись того, что своим наследником он назначил Братство, они хладнокровно его уничтожили. Они тщательно продумали свой план и решили использовать оружие, которое напрашивалось само. Обычно оружие убийца приносит с собой. А они, изучив привычки и наклонности этого человека, решили просто их использовать. Можно сказать, что он сам дал им в руки оружие для своего убийства. Все, что им нужно было делать, это поощрять его дурацкий интерес к мистике, к снам под влиянием наркотиков. Возможно, именно они предложили ему для уединения этот зал. И они же отодвинули кровать от стены, сказав, что на него должно действовать полуденное солнце, полночная луна или подобную чепуху. Кто слышал, чтобы человек спал посреди комнаты? Человеческая натура прижимает его к стене, когда он ложится спать, хотя я не знаю почему.

— А потом?

— Они ждали до ночи, когда наркотик начнет действовать. Потом взяли эти лестницы и забрались на крышу, захватив с собой четыре каната. На конце каждого каната они привязали по абордажному крюку или по железной кошке. Спустив канаты вниз, мерзавцы подцепили кровать и подняли ее в воздух. Бедняга Джервисон крепко спал под влиянием наркотика и ничего не слышал. Может быть, он чувствовал, как его поднимают, но решил, что это отделяется его душа. Сознаюсь, этого я точно не знаю.

Он проснулся в десяти метрах над полом. Постельное белье было снято, чтобы с его помощью он не смог спуститься вниз. Он висел так больше недели, а крики его слышали только четыре безжалостных человека, его убийцы. Возможно, храбрец прыгнул бы вниз, предпочитая принять смерть таким образом. Но Джервисон был трусом, он на это не решился.

— А если бы прыгнул?

— Он бы разбился. А индусы печально поведали бы нам, что Пророк производил опыты по левитации или другой бред. Когда Джервисон, наконец, умер, они опустили кровать, отцепили канаты и убрали лестницы. Единственное, о чем они не подумали, это о канатах, которые раскачивались, когда опускали кровать. В результате кровать встала не на прежнее место. Разорванный след на линолеуме рассказал мне о случившемся. Я понял, что кровать поднимали. С какой целью? У этой четверки была определенная цель. Джервисон был дураком, но страшно думать о той смерти, которую он принял. И я с удовольствием посмотрел бы, как повесят этих негодяев. Если бы это зависело от меня, то я уморил бы их голодом.

СОДЕРЖАНИЕ

Литературно-художественное издание

Выдающиеся детективные рассказы

101 ГОД РАЗВЛЕЧЕНИЙ

Выпуск 3

Составитель Р. Вайсбурд
Редактор Н. Артемова
Художник Г. Кривошеева
Технический редактор В. Арбакова
Корректоры Е. Тимошкина, В. Улюмджиева

Сдано в набор 28.01.91. Подписано к печати 10. 02. 91.
Формат 60х84/16. Бумага типографская № 2. Гарнитура Гельветика.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 5,58. Усл. кр.- отт. 6,04. Уч. -изд. л. 5,91.
Тираж 100000 экз. (1-й завод 1 — 50000 экз.) (2-й завод 50001 — 100000 экз.).
Заказ 194. Цена 3 руб.
РИО "Джангар" Республиканской типографии Госкомиздата
Калмыцкой ССР, 358000, г. Элиста, ул. Ленина, 245

3 руб.

PHOTOS BY ANDREY G AKA DONUT190